

о. Анри Каффарель

В ПРИСУТСТВИИ БОГА

(100 писем о молитве)

Перевод с французского
(новая редакция)

SALVEMUS!

2009

Эта книга находится в свободном доступе
библиотеки сайта [SALVEMUS!](#)

Вы МОЖЕТЕ свободно:

ее читать; скачивать; пересылать; комментировать;
цитировать (не забывая, разумеется, сослаться при
этом на сайт [SALVEMUS!](#))

Вы НЕ МОЖЕТЕ:
что-либо в ней менять

© русский текст: Анри Мартен

Большая просьба сообщать о замеченных ошибках
и опечатках по адресу: redaktor@salvemus.com

Публикатор будет очень благодарен вам за отклики.
Их можно направлять на сайт [SALVEMUS!](#), на блог
anrimarten.salvemus.com или по адресу:
am@salvemus.com

Впервые перевод был опубликован в издательстве
«ЖИЗНЬ С БОГОМ», Брюссель 1990

Переводчик охотно и внимательно рассмотрит
предложения о переиздании настоящего перевода

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ВВЕДЕНИЕ

«УЧИТЕЛЬ ЗДЕСЬ, И ЗОВЕТ ТЕБЯ»

1. Нас ожидают
2. В доме Господнем
3. «Говори с Ним!»
4. Совет старого кюре
5. В присутствии Бога
6. «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой»
7. Изобретательность любви
8. Самое главное
9. Как молиться?
10. Молитва — дар Божий

«ОТЕЦ МОЙ ДОНЫНЕ ДЕЛАЕТ, И Я ДЕЛАЮ»

11. Верить в солнце
12. Притча о скрипаче и скрипке
13. «Взглянув на него, полюбил его»
14. «Если бы Бог перестал думать обо мне...»
15. «Я изольюсь потоком»
16. «Потому что я Агнесса»
17. «Я так занят тобой»
18. «Ты слишком робко просишь у меня»
19. Дерзновение
20. «Авва, Отче!»

«БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ»

21. Молитва грешника
22. Молитва доньи Пруэс
23. Шерстяная нить
24. «Грех мой всегда предо мною»
25. Тому, кто считает себя
недостойным молиться
26. С ног до головы
27. Молитва нищего
28. Признать себя банкротом
29. Зависимость
30. На просвет

«СИЯ ЖЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ — ДА ЗНАЮТ ТЕБЯ»

31. Время, украденное у Бога
32. Отвечать Богу
33. Знать, чтобы любить
34. Письмо Полю и Монике
35. Одному жениху
36. Иссохший сад
37. «Его слушайте»
38. Неисследимые богатства Христовы
39. Самая мудрая книга
40. Молиться перед распятием?

«ЖИВЕТ ВО МНЕ ХРИСТОС»

41. «Я молился о тебе»
42. Он непрестанно ходатайствует за нас
43. «Если бы ты знала дар Божий!»

44. «И осветит тебя Христос»
45. Уже не я молюсь...
46. Семя среди терний
47. ...Но Христос молится во мне
48. Его молитва есть моя молитва
49. Отец возлюбленный
50. Прииди

«ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ»

51. Помните Бихра
52. «Богу твоему поклоняйся»
53. «В похвалу славы Его»
54. За тебя!
55. В Роншане
56. Письмо Жан-Пьеру
57. Второе письмо Жан-Пьеру
58. Третье письмо Жан-Пьеру
59. Четвертое письмо Жан-Пьеру
60. Атеизм христиан?

«СОБРАННЫЕ ВОЕДИНО»

61. Локоть к локтю
62. Дочурка органиста
63. Лествица Иаковля
64. Присутствие Марии
65. Присутствие Марии
66. Атеизм и молитва
67. Черная Мимуна
68. «В проломе»
69. С простертыми руками
70. Молиться значит сотрудничать

«БЛАЖЕННЫ АЛЧУЩИЕ И ЖАЖДУЩИЕ»

71. Счастье
72. Жажда абсолюта
73. Воздыхания Духа
74. «Надежда не постыжает»
75. Пусть молитва будет постом прежде, чем станет пиршеством
76. Дары или Дарующий?
77. Даром ли?
78. «Как жаждущая земля...»
79. Попрошайка Божий
80. Слава Божия прежде всего

«ДВИЖИМЫЙ ДУХОМ БОЖИИМ»

81. Положи приношение твое на камень
82. Пустынная молитва
83. В тот день он сможет молиться
84. Легенда о мускусном бычке
85. Царство тишины
86. Приглашение к безмолвию
87. Плененный ребенок
88. Молитвенные порывы
89. Найти означает искать
90. «Поклоняющийся в духе и истине»

«КТО ПРИЛЕПЛЯЕТСЯ К БОГУ, СОСТАВЛЯЕТ С НИМ ОДИН ДУХ»

91. Я хочу научиться молитве
92. Размышление перед портретом
93. Мистика

94. Быть или действовать?
95. Саид
96. «Ты увидишь Меня со спины»
97. Молитва смиренной женщины
98. Вехи на пути
99. Это Ты
100. «Покой Божий»

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Молитва о беатификации
слуги Божия Анри Каффареля

Prière pour la béatification
du serviteur de Dieu Henri Caffarel

ОБ АВТОРЕ

Анри Каффарель родился 30 июля 1903 г. в Лионе, крещен 2 августа 1903 г. и рукоположен во священники 19 апреля 1930 г. в Париже. Скончался о. Анри Каффарель 18 сентября 1996 г. в Труссюре (Troussures), в епархии Бовэ, где и похоронен.

“Приходи и следуй за Мною!” — эти слова Господа нашего (Мф 19,21) начертаны на могиле о. Каффареля, поскольку в марте 1923 г. произошло событие, которое определило всю его

жизнь. “Когда мне было 20 лет, Иисус Христос в одно мгновение сделался для меня Кем-то. О! Внешне ничего примечательного. В тот далекий мартовский день я узнал, что я любим и что я люблю, и что отныне между Ним и мною это на всю жизнь. Все было решено”.

“Все было решено” — высказывание в его духе. “Больше не о чем спорить, нужно жить в послушании, нужно работать, не нужно пытаться из-за оказанных услуг, а когда все сделано, следует уйти...”.

В дальнейшем он посвятил себя духовной опеке супружеских пар, с которыми умел находиться в удивительной гармонии, и с ними и для них он основал в 1945 г. **Anneau d'Or** («Золотое кольцо»), журнал по вопросам супружеской и семейной духовности, а затем, в 1947 г., «Группы Пресвятой Девы» (Equipes Notre-Dame), семейное движение, насчитывавшее к 1967 г. более 40 000 членов. Отвечая на их желание научиться молитве, о. Анри Каффарель начал издавать в 1957 г. журнал, единственный в своем роде: **Cahier sur l'oraison** («Заметки о молитве»), в котором он опубликовал в течение последующих десяти лет большинство писем, собранных в настоящей книге.

В настоящее время начат процесс канонизации слуги Божия Анри Каффареля.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Книгу о. Анри Каффареля **“В присутствии Бога”** я переводил более 20-ти лет назад, и вскоре затем она вышла в брюссельском издательстве “Жизнь с Богом”.

Для данной публикации текст перевода был пересмотрен.

Перевод посвящается памяти Мары Львовны Чавчавадзе, моей преподавательнице французского, подлинной христианки и парижанки, которая дала мне французский экземпляр этой книги и настоятельно советовала сделать ее перевод.

Анри Мартен

ВВЕДЕНИЕ

II Ватиканский Собор настойчиво напоминает мирянам евангельское требование «присутствовать в мире», но также — и это нередко упускают из виду — с не меньшей настойчивостью он призывает их «присутствовать пред Богом». Действительно, чего бы стоило «присутствие в мире» свидетелей, не ищущих встречи с Тем, о Ком они свидетельствуют? Вестников, не слушающих Того, Чью весть им поручено передать? Работников, не принимающих указаний Того, Кто их призвал на труд?

Предстояние пред Богом наиболее полно осуществляется в молитве — я говорю о такой молитве, которая в первую очередь является поклонением и отдачей себя Богу. Поэтому особенно необходимо вводить христиан в молитвенную жизнь и помогать в ней именно сейчас, когда они проникаются все более ясным сознанием своего апостольского призвания и своих земных задач.

Такова причина, вызвавшая к жизни настоящий труд, в котором собраны сто писем о молитве, большая часть которых сначала появилась в ***Cahiers sur l'oraison*** («Заметки о молитве»). Они сгруппированы в десять глав вокруг десяти основных тем.

Пусть читатель не принимает эту книгу за трактат о молитве, — он будет разочарован. Эти страницы не претендуют на полное раскрытие темы, здесь нет строгой логики учебника, но только нечто вроде упорядоченного обмена мнениями. На спонтанно возникающие разнообразные вопросы даются ответы в тоне дружеской беседы. Тем не менее, за этим поддается определенное молитвенное богословие, равно как опыт мужей молитвы, которым христианская традиция обогащалась на протяжении веков.

Не стоит также читать эти тексты все подряд — они тогда не принесут большой пользы. Автор советует читать не более одного письма в день. И пусть оно будет прочитано так же, как писалось — с молитвой. Пусть оно станет предметом размышления, приглашением вступить в тесное общение с Богом.

Не обязательно и строго следовать тому порядку, в котором письма расположены. Читатель может менять его в соответствии со своими потребностями, пользуясь либо введением к

каждой главе, где представлено каждое из десяти входящих в нее писем, либо же аналитической таблицей в конце книги. И самое главное, пусть читатель прервется и отложит книгу, когда он ощутит призыв ко внутреннему безмолвию. Единый истинный Учитель молитвы есть Дух Святой. Когда Он призывает нас из глубины нашего существа, следует оставить все и обратиться в слух.

Анри Каффарель

«УЧИТЕЛЬ ЗДЕСЬ, И ЗОВЕТ ТЕБЯ»

Определяя любовь или дружбу, нередко ограничиваются описанием чувств и поступков только одного из двух участников. Эта ошибка повторяется и во многих произведениях, посвященных молитве: они довольствуются деятельностью человека, в то время, как молитва есть встреча и диалог любви между Богом и человеком, она есть действие их обоих. Мы должны приступать к молитве с убеждением, что Бог нас уже ожидает (**1. Нас ожидают**). — Несомненно, Бог есть всюду. Но именно в сердцевине нашего существа Он приглашает нас встретиться с Ним для диалога любви, каковым является молитва (**2. В доме Господнем**). — Нам нужно свободно и просто поверять свои чувства Тому, Кто нас встречает (**3. Говори с Ним**). — Еще больше, чем наши слова, имеет значение наше внутреннее расположение. И прежде всего, тот первый ответ человеческой любви на любовь Божию, который состоит в том, чтобы отказаться от владения самим собой, всецело предоставить себя в распоряжение Господне (**4. Совет старого кюре**). — Такая самоотдача не истинна, если она не ведет к действию: к напряженному вниманию, к предстоянию пред Богом всего нашего существа, к напряжению всех наших способностей (**5. В присутствии Бога**). — Но чтобы наши слова и наше внутреннее расположение были

угодны Богу, необходимо прежде всего спросить Его, что Он хочет нам сказать и какого ответа ожидает Он от нас (**6. «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой»**). — Таким образом, как и всякая встреча любви, каждая наша молитва, каждый день, будет чем-то новым, необычайным, если только мы привнесем в нее внимание и изобретательность сердца (**7. Изобретательность любви**). — Несмотря на нашу добрую волю, часто наша молитва не такова, как мы бы желали: ведь мы хотим, чтобы все наши способности были устремлены к Богу, захвачены Им. Но если наше глубинное существо обращено к Богу, наша молитва уже истинна; возможно даже, что мы в ней уже весьма преуспели (**8. Самое главное**). — Следует ли нам прибегать к различным приемам, когда молитва дается нам с трудом? — Молитва в некотором смысле отвергается от приемов, точно так же, как любовь. Но это не значит, что не существует определенных законов диалога. В наших взаимоотношениях с Богом еще больше, чем в наших взаимоотношениях с людьми, обязательно нужно знать эти законы (**9. Как молиться?**) — Но, в конечном счете, не следует забывать, что молитва в гораздо большей степени дар Божий, чем результат человеческой инициативы и человеческих усилий (**10. Молитва — дар Божий**).

1. Нас ожидают

Тоскливое чувство охватывает нас, когда мы приезжаем в незнакомый город (в порт, на вокзал, в аэропорт), где нас никто не встречает. Зато, если вдруг мы видим радостное лицо, если к нам протягиваются дружеские руки, то мы в одно мгновение бываем чудесным образом утешены, избавлены от горького ощущения потерянности, заброшенности. Какое теперь имеют значение все эти непривычные порядки, чужой язык, весь этот огромный, приводящий в замешательство незнакомый город: нам очень легко переносить то, что мы чужие для всех, с того момента, как нашелся кто-то, для кого мы — свои.

Утешены мы также, увидев, что нам рады в доме наших гостеприимных хозяев. Для этого ни взрослым и ни детям нет нужды говорить нам что-нибудь особенное: достаточно оказанного нам приема, выражения радушия.

Вазочка с цветами в нашей комнате и книга по искусству (ибо здесь знают наши вкусы) завершают впечатление.

Я хотел бы, мой друг, чтобы, приступая к молитве, вы всегда имели твердую убежденность, что вас ожидают. Вас ожидает Отец, ожидает Сын, ожидает Дух Святой. Они вас ожидают в троическом Своем семейном союзе.

Место для вас там уже приготовлено: в самом деле, вспомните, что сказал Христос: *«Иду приготовить вам место»* (Ин 14,2).

Вы мне, возможно, возразите, что Он говорил о небе? — Это правда. Но молитва поистине есть небо; по меньшей мере, то в ней, что составляет основную ее реальность: присутствие Божие, любовь Божия, принятие Богом Своего дитяти.

Господь всегда нас ожидает. Больше того: стоит нам сделать несколько шагов, как Он уже выходит нам навстречу. Помните притчу? — *«И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею, и целовал его»* (Лк 15,20). А ведь этот сын тяжело оскорбил своего отца! Но все равно отец его ждал, ждал с нетерпением.

2. В доме Господнем

Этьен и Сильвия, супружеская пара без детей, врачи, пришли повидаться со мной перед отъездом в далекие джунгли, где собираются вместе с двумя миссионерами посвятить себя новорожденной христианской общине.

Они знают, что им придется нелегко, и чтобы выдержать, им надо будет много молиться. Поэтому они попросили меня еще раз напоследок побеседовать с ними о молитве, дать им совет о самом основном. А прощаясь, они очень просили меня, чтобы я изложил для них письменно то, о чем мы беседовали.

Дорогие мои друзья! На протяжении веков дороги и тропинки Иудеи неоднократно каждый год видели нескончаемые вереницы мужчин, женщин и детей, направлявшихся в Иерусалим. Склоны у иудейских гор крутые, тени-

стые места встречаются нечасто, солнце печет немилосердно, но ничто не могло воспрепятствовать благочестивым Иудеям являться на святую гору Сион.

Чувства, которые их влекли, которые поддерживали их мужество, нам известны: мы находим их отголоски во многих псалмах, которые были для них дорожным припевом, песней паломников:

«Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому... Один день во дворах Твоих лучше тысячи. Желая лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия» (Пс 83).

«Возрадовался я, когда сказали мне: "Пойдем в дом Господень"» (Пс 121,1).

А вернувшись к себе, в час молитвы, будь то в доме или на поле, они обращались лицом к Иерусалиму, чтобы воздать хвалу Вседержителю.

Такая страстная любовь к своей столице, такое благоговение к своему Храму, такая верность на протяжении столетий могут иметь только одно-единственное объяснение: Иерусалим был гораздо больше, чем столицей их царства — он был Градом Господним. А Храм — местом пребывания Господа, где ты всегда можешь найти Его.

Найти Бога, встретить Его — самое глубокое стремление любого религиозного человека, — вот что то и дело приводило в движение эти толпы верующих, всех этих искателей Бога, чью пламенную ревность раскрывают нам псалмы.

Пришел Христос. Он явил Свою любовь к Иерусалиму, Свое уважение к Дому Отца, но в то же время Он провозгласил, что Храм Соломонов утратил свое значение, что он должен исчезнуть. В час Его смерти на кресте завеса в храме раздралась надвое, как бы для того, чтобы с очевидностью явить: сей храм упразднен. Его заменит Храм новый, нерушимый, «восстановленный в три дня», Храм Его Мистического Тела. Там, и только там, может отныне человек отыскать Бога.

Но вошедший в этот Храм, сам в свою очередь делается обиталищем Бога. Заверяет нас в этом Сам Иисус: *«Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим»* (Ин 14,23).

Потрясающее откровение: Бог опустошил храм Соломона, чтобы прийти и поселиться в душах Своих верных? — Да! Св. ап. Павел недвусмысленно говорит об этом: *«Разве не знаете, что вы храм Божий?»* (1 Кор 3,16); *«Мы храм Бога живого»* (2 Кор 6,16). И самое слово «храм»,

которое нам почти ничего не говорит, принимало под пером Апостола, воспитанного в почитании и любви к Иерусалимской святыне, полноту своего смысла. — Заметим, кстати, что слово, переводимое в приведенных текстах, как «храм», еще лучше было бы передать как «Святое Святых», средоточие Храма, место Божественного Присутствия.

Итак, выходит, Бог — в нас, в сердцевине нашего существа. Там Он присутствует, живет, любит, действует. Туда Он нас зовет; там Он ожидает нас, чтобы соединиться с нами в любви.

...Бог там, но нас там нет. Наше существование протекает вне нас самих, или, в лучшем случае, на периферии нашего существа, в области чувств, эмоций, воображения, дискуссий... на окраинах души, туманных и беспокойных. И если нам случается вспомнить о Боге, пожелать с Ним встречи, то мы, уходя от самих себя, ищем Его вовне, в то время, как Он — внутри. Нам неведомы те тропы нашей души, которые бы привели нас в крипту, сияющую в той глубине, где пребывает Бог. Или же, если мы знаем их, нам не хватает той отваги, которая устремляла пылавших верой Иудеев на пути ко Святому Граду. Труднее ли прийти в центр самого себя, чем отправиться в Иерусалим?

Молиться — это покинуть те суматошные окраины нашего существа, где, как сказано, мы обычно обитаем; это значит — сосредоточиться, собрать все свои способности и погрузиться в непроглядную ночь в глубине нашей души. Там, на пороге святилища, не остается ничего другого, как умолкнуть и напрячь внимание. Речь не идет о духовном переживании, о внутреннем опыте; речь идет о вере: верить в Присутствие. Поклоняться в безмолвии Троице живой. Жертвенно предать себя, открыться Ее бьющей ключом жизни. Прилепиться, приобщиться к Ее вечному Действию. Понемногу, год за годом, острие нашего духовного существа, утончаемое благодатью, делается более восприимчивым к «дыханию Божию» в нас, к Духу любви. Постепенно мы будем проникаться Божественной жизнью, и наша внешняя жизнь станет тогда проявлением, «эпифанией» нашей внутренней жизни. Она станет святой, ибо в глубине нашего существа мы будем тесно соединены со Святым Богом, она будет изобиловать плодами, и реки воды живой будут истекать из нас, ибо мы будем слиты воедино с Самим Источником Жизни.

Вот, дорогие друзья, совет «о самом основном», который вы просили. Пусть он поможет вам в час молитвы в ваших далеких дебрях. Повторю его в нескольких словах: творить молитву, значит, отправиться в паломничество ко

внутреннему святилищу, чтобы поклоняться там истинному Богу.

И если вы хотите, чтобы вся ваша жизнь стала единой беспрестанной молитвой, жизнью в присутствии Бога, жизнью вместе с Богом, если вы хотите стать молитвенными душами, научитесь на протяжении дня часто возвращаться в себя, чтобы поклониться Богу, ожидающему вас. Для этого не требуется много времени, достаточно погрузиться на мгновение в себя, и затем вы можете возвращаться к своим занятиям, к своим собеседникам, но уже помолодевшими, освеженными, обновленными.

Один смиренный брат, послушник-кармелит XVII в. Лаврентий от Воскресения, который достиг больших высот духовной жизни, любил повторять приходящим к нему за советом, что нет более действенного средства к стяжанию постоянной молитвенной жизни, ведущей к высокой святости, чем следующее:

«Мы должны во время нашей работы и других занятий, даже во время чтения или писания, хотя бы и духовного, скажу больше: даже во время внешних актов благочестия и устных молитв, останавливаться на краткое мгновение, так часто, как только мы это сможем, чтобы поклониться Богу в глубине нашего сердца, ощутить Его, хотя бы мимоходом и как бы украдкой».

«Господи! возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей» (Пс 25,8).

Повторяя этот псалом, иудеи думали об Иерусалимском храме; христианин же вспоминает свою душу, душу окрещенного.

3. “Говори с Ним!”

Несколько недель тому назад я посетил Трапп¹. Отец-привратник впустил меня и по длинным светлым коридорам, простым и безмолвным, повел к приору. Я вошел в комнату со стенами, выбеленными известкой, без украшений, без картин, где меня ждал молчаливый человек с обликом, изучавшим свет. Лицо его было сурово и одновременно светилось добротой — не душевной, но всецело духовной, которая смягчала резкость черт его аскетического лица. Во взгляде у него сочетались наивность ребенка и умудренность старца. Наша беседа

---

¹Монастырь во Франции, принадлежащий ордену цистерцианцев, которых, по имени этого монастыря, называют также траппистами. Это созерцательный орден со строгим уставом, включающим обет молчания. К траппистам принадлежал, в частности, выдающийся духовный писатель XX столетия о. Томас Мертон. — А. М.

протекала доверительно. Получилось так, что он заговорил со мной о тех далеких днях, которые определили направление его жизни.

Подростком он посещал большой парижский патронаж¹. В зимний четверг под вечер, когда все уже наигрались, викарий собрал старших детей в маленькой часовне и стал говорить им о молитве. После этого наш герой дал уйти своим товарищам, сам же остался, якобы для того, чтобы помочь викарию в уборке, а на деле ему нужно было кое-что выяснить, только он совершенно не представлял себе, как за это взяться. И вот, подметая пол, — ибо так он смущался меньше, чем разговаривать лицом к лицу, — он, наконец, произнес: «Вы нам без конца повторяете, что нужно молиться, но вы нас не учите, как это делать!» — «Вот как! Ты хочешь уметь молиться, Франсуа? Ну, что ж: ступай в часовню, и там — говори с Ним!».

«Я пошел в часовню в тот вечер, — продолжал старый монах. — Должно быть, я провел там много времени, поскольку помню, что вернулся домой поздно, и меня сурово за это побранили. Впервые тогда я помолился. И я совершенно убежден, что с тех пор никогда не прекращал говорить с Ним».

¹Патронаж — церковное учреждение, опекающее детей и подростков, организующее их религиозное воспитание и досуг. — А. М.

рассказ, отец-приор умолк. По некоторой дрожи его голоса я понял, что он не без волнения оживил эти старые воспоминания, это первое звено долговременной тесной связи с Богом. Молчание затянулось. Я не решался его нарушить: я был уверен, что он говорил с Ним. Несомненно, он воздавал Ему благодарение за благодать встретить в пятнадцатилетнем возрасте священника, который его направил на путь молитвы.

Совет vicария не был таким банальным, как может показаться. Если задуматься, он выдает человека, опытного в молитве, который предпочел долгим поучениям попросту ответить подростку, желавшему научиться молитве, всего тремя словами: «Говори с Ним!».

Невозможно беседовать с тенью. Важно, следовательно, быть уверенным в присутствии Божиим, чтобы начать с Ним разговаривать. И чтобы знать, что же Ему сказать, нужно, чтобы вера пробудилась и принялась за поиски. Необходимость же формулировать высказывания влечет за собой невозможность удовлетвориться зыбкими переживаниями, она побуждает выражать свои мысли, свои желания, свои точные чувствования. Воистину, достоинства подобного метода велики, если только можно назвать методом столь простой совет.

Многие христиане, молясь, убаюкивают себя туманными мечтаниями, умиляются, глядя на себя, дремлют в сладостном тепле неясных благочестивых переживаний, им так никогда и не удастся утвердить свой неспособный к собранности дух... Как хорошо им было бы услышать совет скромного викария и последовать ему! Но они, возможно, презрели бы его, из гордости либо из духовной лени, или же потому, что воображают себя более преуспевшими на путях молитвы, а то и просто из нежелания совершать усилия.

Я полагаю, что не мог бы дать вам лучшего ответа на ваше недавнее письмо, как пересказать вам мою встречу в Траппе. Вы тоже хотите научиться молиться: выслушайте же и исполняйте совет парижского викария.

Наступит день, когда ваша молитва больше не потребует слов, когда вы, дерзну так выразиться, «овладеете ремеслом», или, точнее: когда благодать проявит в вас свое действие. Но не перескакивайте через ступеньки, и на сегодня — говорите с Ним.

4. Совет старого кюре

Не так давно я повстречался с одним савойским крестьянином, который помимо своих основных занятий выполняет ответственную работу в организации земледельцев. Мне говорили о его исключительной христианской активности. Мы познакомились и подробно рассказали друг другу о нашей деятельности. Я стал говорить ему о «Заметках о молитве», и его интерес заметно возрос. Мне это показалось любопытным, и он, заметив мою реакцию, рассказал мне следующее:

«В юности я часто прислуживал во время Мессы старому кюре в нашей деревне. Интересный был человек, суровый, хмурый, молчаливый, его побаивались, но и очень любили, или, вернее, очень почитали. С ним избегали встреч в повседневной жизни, но в случае чего сразу же бежали к нему за советом. Жил он в домике при церкви, обставленном скромно,

как монашеская келья. Целые часы он проводил в церкви за молитвой. Однажды — мне было примерно лет четырнадцать, — я сказал ему: «Я тоже хотел бы уметь молиться, месье Кюре». Должно быть, для него это было нечто чрезвычайное, поскольку он, который никогда не улыбался, вдруг улыбнулся такой улыбкой, передать которую слова бессильны.

Я потом подумал, что он, верно, всю жизнь молился, чтобы наступил день, когда кто-нибудь задаст ему этот вопрос. Он выглядел таким счастливым, что я приготовился, стоя в ризнице, где витал неясный аромат ладана, выслушать от него долгое поучение. К несчастью, я не могу вам описать его ясный взгляд, но по крайней мере его ответ я передам вам слово в слово, ибо он очень краток: «Когда ты приходишь к Богу, малыш, твердо помни, что Он здесь, и скажи Ему: “Господи, я отдаю себя в Твое распоряжение”».

И своим обычным суровым тоном он заключил: «А теперь поскорее уложи свой стихарь». Я сразу понял, что его резкость происходила от стыдливости.

В тот день я научился молиться. И скоро сорок лет, как я каждый день творю молитву, отдавая себя “в распоряжение Божие”.

Согласитесь, что этот рассказ стоит целого поучения о молитве. Поэтому позвольте мне ни-

чего больше не писать вам сегодня. Но постарайтесь уразуметь, что значит: быть в распоряжении Божиим. Это далеко ведет. Следует начать с того, чтобы отказаться от права распоряжаться собой по собственному произволу, а затем перестать и принадлежать себе. Всецело предоставить себя Богу, отдаться на Его милость, предать себя Его власти, Его безраздельной власти, предать Ему свое тело, свой разум, свое сердце, свою волю, свою жизнь, чтобы Он располагал этим по Своему усмотрению.

Но к чему стараться это объяснять? — Словами этого не выразишь. Просите старого кюре, который уже не должен быть суровым теперь, когда он нашел Того, Которого искал, испросить для вас благодать пребывать в распоряжении Божиим.

5. В присутствии Бога

Я разделяю ваше мнение, что ваше духовное развитие в настоящий момент приостановилось. После размышления и молитвы я пришел к убеждению, что так будет продолжаться до тех пор, пока вы не предоставите более широкого места в вашей жизни молитве. И под молитвой я главным образом подразумеваю то, что принято называть «умной молитвой»¹.

«Умная» молитва есть общение души с Богом. Именно так духовные люди всегда ее понимали. «Молитва, дерзну сказать, есть беседа души с Богом», — писал св. Климент Александрийский. Для св. Бенедикта это — «проводить время с Богом». Для св. Терезы Авильской умная молитва есть «дружеское общение, в кото-

---

¹Святоотеческое выражение, обозначающее молитву, творимую в глубоком созерцательном сосредоточении, «умом», а не словами. — А. М.

ром душа пребывает наедине с Богом, сознавая, что Он ее любит». Для Дом-Мармиона — «общение дитяти со своим Отцом Небесным, под действием Святого Духа».

Эти выражения: «беседа», «общение» могут, однако, вызвать недоумение, наводя на мысль, что молитва состоит в основном во внутреннем говорении к Богу. На деле же она есть жизненный акт, включающий все наше существо целиком.

Существует выражение, которое, если только брать его во всей полноте значения, могло бы достаточно хорошо передать эту внутреннюю активность молящегося человека: «Находиться в присутствии Бога».

Позвольте мне, чтобы пояснить мою мысль, напомнить вам об одном событии, которое, несомненно, очень глубоко отложилось в вашей памяти. Я тогда пришел к вам, и вы, открыв мне дверь, сообщили, что ваша дочь Моника, по всей вероятности, заболела менингитом. Вы провели меня в ее комнату, погруженную в полумрак. Ваша жена сидела у маленькой кровати, безмолвная, с напряженным вниманием вглядываясь в маленькое исхудавшее лицо; время от времени она нежно поправляла прядку волос на лбу Моника; когда ребенок открывал глаза, она отвечала ему улыбкой — той улыбкой, описать которую слова не в силах.

Наводя ли порядок в комнате Моники или принимая пищу в соседней, мать продолжала непрестанно находиться возле своей дочери. Все ее существо до самой малой частицы, до малейшего мгновения ее жизни было устремлено к Моники. Вот так же есть или, по крайней мере, так должно быть и в молитве. Глубокая сосредоточенность души, общение без слов, которое, не пренебрегая словом, является, тем не менее, чем-то совершенно иным: вниманием, предстоянием пред Богом всего нашего существа, души и тела, пробуждением всех наших сил.

Стоит ли мне тратить время на защиту в ваших глазах молитвы? — У меня есть все основания полагать, что она в такой защите перед вами не нуждается, что вы не относитесь к тем весьма многочисленным христианам, которые отвергают ее необходимость. Не стану от вас скрывать, мне становится не по себе, когда я вынужден бываю множить аргументы, чтобы призвать детей Божиих приблизиться к своему Отцу, поведать Ему свои сокровенные чувства, жить с Ним в тесной близости, говорить Ему о своей любви и благодарности.

Не странно ли, что приходится настаивать на том, чтобы существа, наделенные разумом, приложили усилия к познанию Того, Кто наиболее интересен? Чтобы существа, созданные для любви, любили Того, кто наиболее лю-

бви достоин? Чтобы существа свободные охотнее служили Господину, чем рабам? Чтобы существа, сотворенные для блаженства, не удовлетворялись мелкими удовольствиями?..

6. «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой»

...Помните, что вы однажды сказали о Филиппе? — «Он очень услужливый мальчик, всегда готов исполнить мои поручения. Порой он так торопится, что убегает в лавку прежде, чем успеваает узнать, что же нужно там купить».

«До чего же вы похожи с вашим сыном!» — думал я, читая ваше последнее письмо. Когда наступает время вашей ежедневной молитвы, вы принимаетесь за дело без промедления, вы устремляетесь, как Филипп, вы думаете о Боге, говорите с Богом, стараетесь явить Ему свою любовь, и все это прежде, чем спросить Его, чего же Он от вас желает, чего Он ждет от вас?

Вот почему я не стану обращаться к вам с высокими соображениями о молитве, но хочу всего лишь дать вам очень скромный совет; впрочем, важный не менее, чем скромный:

«Никогда не начинайте вашей молитвы, не остановившись на некоторое время, не дав установиться в себе тишине, не спросив Бога, что вам нужно будет делать в эти четверть часа молитвы?»

Я возвращаюсь к вашему Филиппу. Этот услужливый мальчик еще и хорошо воспитан. Я заметил, что в присутствии взрослых, т. е. тех, кто для него, для ребенка, являются «значительными лицами», он всегда молчит, не вмешивается в разговор, даже если у него чешется язык. Почему же перед столь неизмеримо более значительным Лицом, как Бог, вы не ведете себя так же, как вы научили вести себя вашего сына? Почему вы не оставляете Ему инициативы в ваших отношениях?

Поймите правильно мой совет: я не предлагаю вам спрашивать самоё себя, что надо сказать Богу, но спрашивать у Него, что Он собирается вам сказать, какого ответа Он ждет от вас, каково должно быть расположение вашей души, чтобы быть Ему угодным?

Я знаю, что вы мне тут же возразите: «Не принимайте меня за великого мистика! Я никогда не слышала, чтобы Бог мне что-то говорил». И в качестве контрдовода скажу: чтобы услышать, может быть, стоило бы начать с того, чтобы послушать?

«Мне случалось, тем не менее, иногда прерывать свою речь, однако ни разу я не слышала Его голоса». Но действительно ли вы желали его услышать, действительно ли были всецело внимательны?

Впрочем, я вам не обещаю, что Его голос будет ясно различим. Хотя, и это не исключено: св. ап. Павел, дрожащий и подавленный, как бы потерянный в большом многоязычном городе Коринфе, услышал голос Христа, Который с любовью ободрял его: *«Не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я с тобою»* (Деян 18,9-10). Но не таков обычный образ действия Господня, даже со св. ап. Павлом.

Если вы примете за правило, начиная свою молитву, некоторое время хранить внимательное, вопрошающее молчание, вы скоро поймете, в каком смысле можно сказать, что Бог говорит с нами. Иногда из этого молчания вынырнет мысль, имеющая привкус молитвы; окажите ей хороший прием; создайте благоприятный климат для ее созревания. Вспомните чудесные стихи Поля Валери, которые не возбраняется применить к молитве:

Покой, покой,
Покой в лазури!
Плод созревает в тишине.

В другой раз эти мысли не появятся так спонтанно. Вам понадобится соединить тишину и размышление, изыскать, чем должна быть ваша молитва, чтобы она отвечала на ожидание Господне. К примеру, вы будете духовными очами созерцать совершенства Бога, перед Которым вы предстоите, и, возможно, тогда у вас возникнет потребность совершить акт поклонения или воздать благодарение, или же выразить свое смирение. Либо вы вспомните, что Дух Христов в глубине вашего существа взывает: «Авва, Отче!», и ваша молитва станет вживанием всей вашей веры, всего вашего существа в любовь Сына к Своему Отцу. Или, может быть, это будут семейные или светские обстоятельства, которые предстанут перед вами как бы для того, чтобы вдохновить вашу молитву и побудить вас к ходатайству за всех тех, кому необходима поддержка, как Авраам возле дубравы Мамре вступался за города, которым угрожал огонь небесный (Быт 18).

Вам покажется, возможно, что Бог почти что и не вмешивается во все это, что это вы сами искали и нашли тему для своей молитвы. Но, говоря по правде, если вы не станете бросаться в молитву очертя голову, если вы станете смиренно просить Господа помочь вам, то позволительно будет надеяться, что Он поддержит изнутри ваши усилия сделать молитву более осмысленной, даже если вы и не будете

отдавать себе в этом отчета, и даст вам понять Свои мысли и Свои желания. Поверять другому свои мысли и желания не значит разве: говорить с ним?

Оставайтесь, однако, всегда скромны, не уподобляйтесь тем, которые наивно полагают, будто посещающие их мысли являются мыслями Самого Бога.

Из всего, что я вам написал, запомните прежде всего, что первыми словами нашей молитвы, новички ли мы или же весьма в ней продвинулись, всегда должны быть те, что произнес юный Самуил: *«Говори, Господи, ибо слышит раб Твой»*(1 Цар 3,9).

Писатель XVII-го столетия, о. Бургуэн, говоря на тему, которой мы только что коснулись, приводил такой неопровержимый аргумент: «Если природа нам дала два уха и лишь один язык, то это означает, что, общаясь с людьми, мы должны, по меньшей мере, вдвое больше слушать, чем говорить. Так не тем ли паче с Богом?»

7. Изобретательность любви

«Как могло случиться, что после пятнадцати лет регулярной молитвы, в настоящее время она у меня столь тусклая и столь, по-видимому, мало эффективная, без света и без радости?»

Чтобы вам ответить, я перебрал в памяти объяснения духовных писателей о скудости молитвы: вера, не достаточно поддерживаемая чтением и размышлением, особенно над словом Божиим; вялая любовь, ибо нет решительного умерщвления собственных пристрастий, привязанностей и страстей; скудость может быть также следствием недисциплинированности воображения или же мысли.

Но я склоняюсь скорее к другому объяснению. Ни в коей мере не настаивая, что оно наилучшее, я, тем не менее, хотел бы, чтобы вы подумали над ним какое-то время.

Я задаюсь вопросом, не оказались ли вы жертвой одновременно рутины и сноровки? Объяснюсь. Когда вы принялись за регулярную молитву, то, сознавая собственную неопытность, вы обратились за советом, прочли статьи и наставления по этому вопросу. Я помню ваше доброе расположение. Каждая ваша молитва была победой над неопытностью, апатией, рассеянностью. Или хотя бы мужественной против них битвой.

Затем вы обрели опыт и сноровку. Вы узнали, что очень важно подготовиться к молитве и хорошо ее начать, и вы неизменно так и делаете. Вы боретесь с рассеянностью, но без судорожного напряжения, как и подобает человеку искушенному, ведающему, что нередко эта рассеянность допущена Богом; вы говорите с Господом, но вы умеете также и молчать, ибо вы познали цену безмолвия в молитве; вас огорчает, что вы не испытываете больше, как бывало прежде, внезапных приливов света и любви, но вы читали, что так называемая «сухость» имеет место в развитии всякой духовной жизни.

Так вот, не сделали ли вы «профессионалом» в молитве, который хорошо изучил правила искусства и умело их применяет? Как говорят о художнике: «он набил руку», о враче, или о пианисте, или о проповеднике: «он овладел ремеслом». Безусловно, это очень важно. Но все

же этого совершенно недостаточно, в особенности, когда речь идет об отношениях между людьми: здесь мне на ум приходят учитель, писатель, проповедник...

Еще менее этого достаточно в отношениях между мужчиной и женщиной, в лоне семьи. Вообразим себе молодого мужа, которого научили, что нехорошо предоставлять стихийному течению вечерние беседы с женой. И вот, следуя этому совету, каждый день, вернувшись со службы, он расспрашивает жену о том, как она провела день, чем занималась, с кем встречалась, как себя чувствует малыш? В свою очередь, он не преминет рассказать ей о примечательных событиях у себя на службе, потом он ей предложит почитать вместе на сон грядущий новую книгу. И все-таки, вопреки его правильным установкам и похвальным усилиям, не исключено, что вечер окажется испорчен для обоих и что каждый останется в одиночестве, при собственной скуке, при собственных мыслях и собственных мечтаниях.

Дело в том, что в супружеской жизни недостаточно только усвоить теорию или приобрести сноровку. Два живых существа сегодня уже не те же самые, что были вчера. Каждый день требуется выходить навстречу друг другу по неизведанным тропинкам, стремиться разгадать, что за жизнь течет в глубине души супруга, искать, что бы могло пробудить его вни-

мание, его интерес, его нежность, избегать того, что в настоящую минуту может вызвать у него раздражение или его утомить, открывать то, что способствует единению. И тогда временами чудо осуществляется: происходит подлинный глубокий взаимообмен, сердца и души соединяются воедино; тогда и слова вдруг обнаруживают изумительную способность питать этот взаимообмен, — пожалуй, лишь безмолвие это удастся еще лучше.

Недостаточно быть натасканным в психологии, знать наизусть кодекс добрых отношений между мужем и женой. Дело в том, что надо вносить изобретательность в каждую беседу, в каждый совместно проведенный вечер, чтобы он действительно стал встречей, подлинной встречей. Изобретать, однако, трудно, это утомительно или, говоря точнее, это предполагает любовь живую, юную, всегда готовую к самой обыденной беседе, нетерпеливо ищущую более тесного единения, питаемую надеждой. Это любовь пробуждает изобретательность, и, наоборот, изобретательность в свою очередь обогащает любовь.

Молитва подобна в этом супружеской жизни (ибо она также есть встреча двух личностей): она увядает, когда сноровка подменяет собой изобретательность. Я задаюсь вопросом, не так ли это произошло в вашем случае?

Безусловно, очень полезно знать и применять, как вы это делаете, правила, которым учат нас мужи молитвы, но если в игру не вступает изобретательность, то вопреки всякой сноровке и всякой науке, молитва останется поверхностной, внешней, искусственной, и в ней не будет достигнуто единение души с Богом.

«Любящий человек, — скажете вы мне, — сумеет угадать по неприметным для всякого другого признакам — по особенной улыбке, особенному свету во взгляде, по легкому подрагиванию какого-нибудь мускула лица или руки, — что составляет для его жены радость ее сердца. Но для Бога?..»

Однако вера делает для нас известным то, что Ему угодно. Правда, одной веры недостаточно, чтобы наставить нас в том, что Ему угодно *hic et nunc* (здесь и теперь), чего Он хочет от вот этой самой молитвы, вот в эти самые полчаса: желает ли, чтобы мы всматривались в то или иное Его совершенство, ждет ли от нас того или иного настроения души, хвалы или же сокрушения, поклонения или сыновнего доверия, или же изменения того или иного нашего расположения духа, которое встает между нами? По какому знаку понять нам это? — Возможно, это окажется тишина или мир особенного рода, идущие на смену беспокойству (в буквальном смысле этого слова: «отсутствие вну-

треннего покоя»), или же впечатление наполненности, окрыленности. А порой испытывают чувство, что душа обрела равновесие.

Пока я писал все это, в моей памяти всплыло старое детское воспоминание (извините за легкомысленность сравнения): бильярд, шары на поле и лунки, помеченные цифрами 10, 100, 500, 1000. Надо было поместить шар в лунку с возможно большим числом. Шары кружились, суетились, какой-нибудь из них то приближался, то удалялся от отверстия, но в конце концов падал в него, еще какое-то мгновение подрагивал, и наконец замирал, обретя покой. Точно так же, когда нам трудно начать молитву, стоит попробовать «примерить» по очереди те мысли или те настроения, которые помогли нам в предыдущей молитве. Если ни одно из них не находит в нас отклика, не вызывает чувства мира, мы остаемся в неуверенности, в большем или меньшем беспокойстве. Нам следует искать еще, зная, что уже самый наш поиск угоден Богу. Зато, если мир воцаряется в душе, если у нас возникает ощущение пребывания в истине, тогда следует прекратить поиск: то, чего Бог хочет от нас, найдено. Теперь нам остается только углубить нашу мысль или укрепиться в своем настроении. Благодаря дарам Святого Духа, мы понемногу станем более способны различать то, что угодно Богу.

Но даже если мы останемся в неуверенности, мы на правильной дороге, если наша молитва направляется желанием ответить на волю Божию. Будем искать настойчиво, но спокойно; так обращаясь с Богом, как сын со своим отцом.

Запомните из этого долгого письма, что каждая ваша молитва должна быть любовным изобретением, изобретением в смысле открытием — открытием того, что угодно Богу. Не только память о том, какова была вчерашняя молитва, или одно только знакомство с искусством молитвы научат вас тому, какова должна быть молитва сегодня. Вам следует искать упорно, с душою бодрой, прилежной, уповающей.

8. Самое главное

«Совершая ежедневную молитву вот уже в течение шести месяцев, — пишете вы мне, — я, однако, не уверен, что молитва была у меня успешной и хорошей больше четырех или пяти раз».

Что вы хотите этим сказать? Что все ваши молитвы, за исключением этих четырех или пяти, были неуютны Богу? Но вы об этом ничего не знаете. Или же, что они не принесли удовлетворения вам самому? Думаю, так. Но следует ли отсюда, что они не были хороши на самом деле?

Прошу вас, не позволяйте себе впасть в эту ловушку, с которой сталкивается каждый начинающий, а именно, судить о своей молитве по пережитому воодушевлению, сосредоточению, прекрасным идеям или же ощутимым результатам. С молитвой здесь, как и с таинствами: ее

ценность и действенность относятся к сверх-природному порядку, и потому не могут быть измерены нашими человеческими мерками.

Если бы вы хорошо уразумели, что составляет самое главное в молитве, вы не были бы обескуражены тем, что вы называете «приступами рассеянности».

Молитва — это сложный акт. Весь человек принимает в нем участие: его тело и душа, интеллект, сердце, вся его свобода. Но нужно ясно различать самое главное, то, что будучи упущено, лишает молитву всей ее ценности.

Относится ли это к телу? — Очевидно, нет. Иначе пришлось бы сказать, что парализованный, не способный принять молитвенную позу, не может молиться. Но это абсурд.

Тогда, может быть, это слова? Но ясно ведь, что слова и в молитве, как и в отношениях между людьми, никогда не могут быть самым главным.

Или, быть может, это ощущения, переживания, воодушевление? — Но тогда это весьма плачевно, ибо достаточно ведь самой малости, чтобы нарушить всякие переживания, сбить всякое воодушевление: какая-нибудь забота, затруднение или радость, или страсть, или зубная боль. Поистине, невозможно допустить, чтобы ценность нашей молитвы зависела от милости малейших внешних или внутренних событий.

Тогда, быть может, размышление? — Действительно, размышление очень важно: познание Бога влечет за собой любовь к Богу. Но если бы это было главным в молитве, тогда те, кто менее одарен умственно, были бы обречены на молитву посредственную, а совершенство было бы доступно только интеллектуалам.

Или внимание к Богу? Но если так, вам остается только погрузиться в отчаяние, ведь вас осаждают рассеянность. Ибо так часто не в нашей власти от нее избавиться; наше внимание, как и все наши ощущения, отличается непостоянством. Так же трудно держать его всегда направленным на Бога, как трудно было бы при ходьбе постоянно сохранять стрелку компаса неизменно устремленной к северу.

Итак, что же остается? Чувства: горячая любовь, живое упование, глубокая благодарность? Действительно, наши чувства, в сравнении с ощущениями и с нашим воображением, являют собою некоторую стабильность. И вместе с тем, необходимо признать, что и они отчасти ускользают из-под нашего контроля: им невозможно приказать, горение сердца не зависит от нашего решения.

Так что же тогда самое главное в молитве? — Это воля.

Но не следует под волей здесь подразумевать тот психологический механизм, который заставляет нас принимать решения или кото-

рый принуждает нас делать то, что нам неприятно. Воля, согласно здоровой философии, есть готовность нашего глубинного существа свободно устремляться к определенному благу, к определенному человеку, определенному идеалу, скажем так: «всецело предаться чему-то», употребляя излюбленное выражение нашей эпохи. Когда наша глубочайшая сущность устремляется к Богу и вверяется Ему, свободно и непринужденно, вот тогда имеет место подлинная молитва, даже если наша чувствительность инертна, наше размышление скудно, наше внимание рассеянно. И ценность нашей молитвы находится в прямой зависимости от устремленности и глубины этой самоотдачи.

Итак, пусть наши чувствительность, внимание, все эти элементы нашего существа изменчивы и мимолетны, однако воля наша бесконечно более стабильна и постоянна. Движения нашей чувствительности не слишком увлекают нашу волю, рассеянность воображения не обязательно является рассеянностью воли.

Я обращаюсь к вашему опыту. Разве вам никогда не случилось во время молитвы, внезапно осознав, что вас увлекла рассеянность, вернуться в себя и обнаружить, что ваша воля, спокойная и стойкая, по-прежнему устремлена к Богу и желает быть Ему угодной? В ней ничего не изменилось, пока вы были увлечены воображением.

Желать молиться, это и есть молиться.

Мне хорошо известно, как эта формула способна разгневать тех из наших современников, которые испытывают суеверное преклонение перед спонтанностью. По их мнению, все, что специально налагается на себя, непременно искусственно, условно, притворно. Но я достаточно вас знаю, чтобы надеяться, что вы не впадете в подобный инфантилизм.

В идеале, действительно, молитва, истекая из глубин нашей воли, должна захватывать все наше существо. Ничто в нас поистине не должно оставаться вне нашей молитвы, — так же как и вне нашей любви. Бог хочет человека всего целиком: *«Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею»* (Втор 6,5; Лк 10,27). Разумеется, необходимо стараться изгнать все посторонние шумы и всякие отвлекающие движения души, необходимо собраться, всецело сосредоточиться, чтобы полнее принести себя в жертву. Но, повторяю, к счастью, нет необходимости достигать подобного состояния, чтобы молитва наша уже была хорошей.

Кто хочет избавиться от рассеянности и управляемых движений души, должен рассчитывать больше на благодать Божию, чем на свои собственные усилия. Неплохо, тем не менее, знать и соблюдать несколько классических правил:

— Один старинный автор (к слову, немного женоненавистник) учил: «Приступы рассеянности в молитве, как женщины: не обращайтесь на них внимания, и они скоро оставят вас в покое».

— Огорчаться из-за рассеянности — другой способ рассеянности.

— Порой бывает достаточно сделать пометку в записной книжке, чтобы избавиться от докучливой мысли: скажем, не забыть позвонить куда-то.

— Выбрать время, наименее располагающее к рассеянности: для многих это начало дня.

— Может оказаться полезным для умиротворения духа записывать свою молитву, когда дух слишком возбужден.

— Сделать самую рассеянность темой молитвы: такой здоровый парень, а вера твоя колеблется...

9. Как молиться?

Вопреки вашей просьбе, я не стану разбирать с вами методы молитвы — вы их легко найдете в любом учебнике. Я хочу дать вам только несколько советов о том, как молиться.

Не ищите в этом письме ничего оригинального. С меня довольно будет предложить вам классические наставления, с которыми духовные писатели обращались к тем, кто собирался практиковать молитву. Но смотрите, не примите их за рецепты с гарантией успеха; старайтесь просто уловить их дух.

Передо мной встает одна картина, давнее воспоминание из той поры, когда я был молод; я занимался тогда бегом, и я вспомнил, как мы стояли на старте, наклонившись вперед, напрягая все мускулы, готовые сорваться с места.

Для молитвы это верно так же, как для бега: очень важно хорошо принять старт. Если этого

не будет, может статься, через пять минут сам факт, что вы находитесь в молитвенной позе, явится для вас сюрпризом: вы и забыли уже, что собирались молиться; пока тело принимало положение для молитвы, мысли продолжали свое собственное течение.

Поэтому я настоятельно вас призываю внимательно следить за жестами и настроением в начале молитвы. Хорошо совершенное коленопреклонение, с участием души в не меньшей степени, чем тела; ясное и бодрое физическое состояние человека, сознающего свое положение и присутствие Божие; крестное знамение, неторопливое, исполненное смысла. Неторопливость и спокойствие имеют большое значение для того, чтобы прервать суетливый и напряженный ритм жизни, столь преисполненной делами и насыщенной, как ваша. Может быть, очень хорошо еще произнести какую-либо устную молитву, очень медленно, вполголоса.

А затем осознайте — я не говорю: присутствие Бога, но: Бога присутствующего; Кого-то живого, Великого Живого, Который здесь, Который ждет вас, Который вас любит. У Него есть собственное представление об этой молитве, которой предстоит сейчас начаться, и Он требует от вас слепого согласия на то, чего Он от нее хочет.

Наблюдайте за внутренним состоянием еще больше, чем за внешним. Основное расположение человека перед лицом Бога: зависимость и покаяние.

Зависимость: не какая-то неопределенная зависимость, когда порой отказываются от каких-либо собственных планов, чтобы исполнить волю Божию, но зависимость куда более радикальная, такая, как у потока (который непременно пересохнет, если его отсекут от его истоков), как у виноградной ветви (которая засохнет и погибнет, если ее отделить от лозы), как у человеческого тела (которое вовсе уже не тело, но труп, когда прерывается связь, соединявшая его с душой).

Покаяние: это острое ощущение нашего глубинного недостойнства в присутствии Святости Божией. Как св. Петр, стремительно павший ниц перед Христом: *«Выйди от меня, Господи, ибо я человек грешный»* (Лк 5,8).

Эти два настроения существенны для того, чтобы сделать в нас прямыми пути Господу.

Настроив душу таким образом, испрашивайте благодати молитвы, ибо, как я вам уже говорил, молитва — это прежде всего дар Божий, а затем уже человеческие усилия. Призывайте смиренно Духа Святого, Он есть наш Учитель молитвы.

Теперь вы можете позволить телу принять положение, наиболее благоприятное для душевной свободы. В те часы и дни, когда тело грозит заразить душу своей расслабленностью или бесчувствием, держите его бодрым и настороженным. Другой раз, когда, усталое или напряженное, оно не отзывается на ваши усилия, предоставьте ему положение отдыха и покоя.

После такого приготовления может начаться молитва в собственном смысле слова. Чего вы ждете от нее? — Что Бог вступит во владение вами. И единственное к тому средство — это привести в действие три великие сверхприродные способности, которые Господь даровал нам именно для того, чтобы мы могли вступить в контакт, в общение с Ним (вот почему их и называют богословскими¹ добродетелями): веру, надежду, любовь. Они в нас — сверхъестественные движущие силы, постоянно готовые к действию, как только вы приходите к Богу.

Упражняйте вашу веру. Я не требую от вас, чтобы вы предавались философским спекуляциям о Боге, но чтобы вы думали о Нем, размышляя о том, что говорит Он вам через Творение, где все свидетельствует о Его совершенствах, — через Библию, и более всего и прежде всего, — через Сына Своего, Который вопло-

---

¹Букв.: «боговедческими», *theologales*. — А. М.

тился, жил и умер только для того, чтобы явить нам бесконечную любовь Отца. Великая заслуга св. Бернара, францисканцев XIII и XIV столетия, св. Игнатия Лойолы — напомнить молящимся, что Христос есть, если можно так выразиться, величайшая тема для размышления.

Но главное не много думать, а много любить. Упражняйте любовь, как только вера приведет ее в движение. Снова я прибегаю к термину «упражнять». Пусть он вас не вводит в заблуждение, я вовсе не ратую за безудержный волюнтаризм. Упражнение веры и любви должны быть таким же естественным и мягким, как дыхание. Упражнять любовь значит не столько возбуждать в себе эмоции, пылкость и какие-либо чувства, но согласовывать себя с волей Божией, соразмеряться с Его желаниями и интересами.

Ибо свойственно любви — стремиться к соединению с тем, кого любишь, и к счастью, какое обещает подобное соединение. Когда речь идет о Боге, это стремление зовется «надеждой». Итак, упражняйте также и надежду.

Такая молитва, которую я только что описал, называется «теологальной»¹ молитвой. К ней порой относятся, словно она — некое изысканное средство скрасить свой досуг. При таком

---

¹См. сноску на предыдущей странице. — А. М.

подходе получается, что если она и пригодна для монахов, то уж никак не может быть занятием для тех, которые вовлечены в жестокие сражения активной жизни. «Польза! Необходимо заботиться об эффективности!» — говорят они. Им можно было бы возразить, что хвала и поклонение превосходят действие. Но уже и на том самом уровне эффективности, где они чувствуют себя в своей тарелке, подобная молитва легко себя оправдывает. «Действие следует за существованием» — говорили старые схоласты¹; а теологальная молитва, в силу того, что она есть чудесное обновление нашего существа, приведенного в соприкосновение со своим Создателем, умножает нашу энергию многократно. Достаточно почитать жития святых, св. Терезы Авильской, например, чтобы в этом убедиться.

Ратовать за теологальную молитву это не значит — осуждать иную форму молитвы, ту, что зовется молитвой практической. Нет никаких оснований противопоставлять друг другу эти два вида молитвы, больше того, имеет смысл их сближать и комбинировать.

Возникнет ли необходимость изменить нашу жизнь, обдумать наши чувства, наши мысли, наше поведение для того, чтобы их исправить,

---

¹Ср. по-латыни: *Primum esse, deinde agere* — «Сперва быть, потом действовать». — А. М.

— во всех подобных случаях это более, чем очевидно. Все это — тема для «практической молитвы», но почему бы это не могло возникнуть как заключение молитвы теологальной? Вера, после того как созерцала Бога, обращает свой взгляд к нашей жизни; любовь, после того как обновила нашу тесную связь с Ним, побуждает нас служить Ему в наших каждодневных занятиях. Один из моих друзей никогда не завершает своей молитвы без того, что он называет «размышлением над повесткой дня». Он рассматривает свой день, предоставляет его Господу; он перечисляет тех, кого он должен будет сегодня встретить, и его перечисление становится молитвою за них.

Не показалось ли вам к концу этого письма, что молитва есть упражнение весьма немалой сложности, обескураживающей тех, чье существование и без того столь усложнено? Не поддавайтесь такому впечатлению. Самые простые жизненные акты кажутся сложными, если их анализировать: спуститься по лестнице, дышать, произносить слова, — но для того, кто бегло их совершает, это очень просто.

Вот именно то слово, которое обозначает форму молитвы, достигаемой теми, кто постоянен в своих усилиях: «молитва простоты». Отец Гру описывает ее в таких словах: «Вместо сложных и длительных упражнений памяти,

внимания и воли, которые состоят в размышлениях то над одним предметом, то над другим, Бог нередко вводит душу в молитву простую, где у разума нет иного предмета, как созерцать образ Божий; в сердце нет никаких иных чувств, кроме ощущения Бога, сладостного и мирного, которое его питает без усилий, как молоко питает младенцев. Душа тогда мало воспринимает свои действия, и они настолько тонки и деликатны, что ей кажется, что она пребывает в бездействии и погружена как бы в некую дрему».

Я добавляю последнее замечание, прежде, чем с вами проститься. Подобно тому, как невозможно стать столяром, музыкантом, писателем в один присест, точно так же невозможно стать человеком молитвы без тщательного обучения. Чтобы этому удивиться, нужно иметь весьма убогое представление о молитве, нужно никогда не бывать в монастырях, где встретишь молодых людей, которые, чтобы только вступить в молитвенную жизнь, не поколебались оставить все, и где увидишь старых монахов, чей ясный облик и кроткий взгляд многое говорят о тайнах их молитвенной жизни.

10. Молитва — дар Божий

Бог требует от меня веры, и я делаю усилия, чтобы верить; Он требует любить ближнего, и я стараюсь совершать дела любви; Он требует быть чистым, и я борюсь, чтобы этого достичь — такова спонтанная реакция многих христиан. Это трогательно, это свидетельствует о наличии доброй воли и великодушия, но это и весьма наивно, ибо это — признак веры еще незрелой, ребяческой, не ведающей той истины, присутствующей на каждой странице Священного Писания, что человек без божественной поддержки не способен угодить Богу, ответить на Его ожидание.

Верить во Христа — невозможно, если не вмешается Сам Бог: *«Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец»* (Ин 6,44). Любить — невозможно самому по себе: лишь Дух Святой, — пишет св. ап. Павел, — изливает любовь в наше сердце. Быть чистым — этого

также нужно ожидать лишь от Бога: *«Сердце чистое сотвори во мне, Боже»* (Пс 50). И с молитвой дело обстоит точно так же. Приходилось ли вам об этом думать?

Вы поняли, что необходимо предоставить в вашей жизни место молитве, и вы приступили к делу, но вы мало в нем преуспели, и тогда вы стали упрекать себя в отсутствии умения, в недостатке воли, настойчивости. Но не в отсутствии ли зрелой веры вам бы следовало упрекать себя прежде всего? Не слишком ли вы рассчитываете единственно на самого себя? Вы хотите творить молитву? — Так испрашивайте у Бога благодати молитвы!

Молитва — это пламя в нас, вздымающееся к Богу, и следует испрашивать его, как Илия призывал огонь с неба на сложенные им дрова. Просить настойчиво и со смирением; просить нетерпеливо, неотступно. Не забывайте, что Христос воздал хвалу настойчивому человеку, который не отступится, пока не добьется своего.

«ОТЕЦ МОЙ ДОНЬИНЕ ДЕЛАЕТ, И Я ДЕЛАЮ»

В той встрече любви, какой является молитва, Бог есть главное действующее лицо; тем более необходимо начинать с того, чтобы верить в Его любовь, которая спешит ответить на наш призыв, и подчиниться ее воздействию.

Для чего столько суетиться, как если бы ценность нашей молитвы зависела единственно от наших собственных усилий? Любовь Божия объемлет нас и окружает со всех сторон, и только от нее зависит отворить все двери (**1. Верить в солнце**). — Молитва есть действие Божие при содействии человека, а не наоборот. Следовательно, речь идет о том, чтобы предоставить себя до последних глубин нашего существа действию Божью (**2. Притча о скрипаче и скрипке**). — Св. Марк Евангелист повествует об Иисусе, к Которому подошел богатый юноша: *«Он, взглянув на него, полюбил его»* (Мк 10,21). Это верно по отношению к каждому из нас. Молиться — это значит осознавать этот взгляд любви и предоставлять себя его очистительному и возрождающему воздействию (**3. «Взглянув на него, полюбил его»**). — Бог смотрит на нас, потому что Он думает о нас; Он смотрит на нас с любовью, потому что Он думает о нас с любовью от века. Именно эта мысль

Божия о нас призвала нас к существованию и поддерживает наше бытие, и это она сделает наше существование святым, ибо только к такому существованию мы призваны, если только мы этому не воспротивимся (**4. Если бы Бог перестал думать обо мне...**). — Отвращает ли наш грех взгляд Господа от нас? — Безусловно, нет, ибо это не наша святость привлекает его любовь к нам, но именно Его любовь делает чистым, живым, святым того, кто непоколебимо в нее верует (**5. «Я изольюсь потоком»**). — Эта любовь, из которой не исключено ни одно существо, не является, тем не менее, любовью безличной, которая безразлично изливается на всякого человека. Бог любит каждого из Своих детей единственной любовью (**6. Потому что я Агнесса**). — Вот почему Он активно принимает на Себя ответственность за нас (**7. Я так занят тобой**). — Через наши просительные молитвы мы идем навстречу Его любви, горячей нетерпением трудиться над нашим счастьем и над нашим освящением (**8. Ты слишком робко просишь у Меня**). — Нам нужно отрешиться ото всякой робости, приступить к Нему с непринужденностью ребенка, который знает, что его бесконечно любят, и который дерзает во все верить, на все надеяться (**9. Дерзновение**). — Вот что делает нашу молитву всемогущей по отношению к Богу Всемогущему: то, что она в нас есть результат действия Самого Духа Святого (**10. Авва, Отче!**).

11. Верить в солнце

Вы уперлись в классическое препятствие: чувство, что ничего не получается, что время на молитву тратится зря, или даже, возможно, чувство унижения, что вам не удастся представить Богу ничего, кроме какой-то бесформенной, безнадежно пустой молитвы. И вот вы уже разочарованы... Не забыли ли вы, что в молитве вы не один, что вас там двое: Бог и вы? Не следует судить о ценности времени, посвященного молитве, с точки зрения одной только вашей активности. Бог также действует. Прежде всего, Бог. И, надо думать, Его действия имеют все-таки большее значение, чем ваши!

Когда вы принимаете солнечные ванны, вам нет нужды прилагать усилия, чтобы солнце вас согрело и в вас проникло: достаточно, чтобы вы находились на месте, предоставляя себя действию его лучей. Подобно и в молитве: достаточно только предоставить себя воздействию Солнца.

Но еще необходимо верить в Солнце и в Его действие. Важно, чтобы у нас была вера. Именно она воспринимает освящающее воздействие Божие, именно она раскрывает нас и предоставляет нас этому воздействию.

Итак, никогда не начинайте вашей молитвы без того, чтобы не осознать: Бог здесь; без того, чтобы не предоставить себя Его действенной и плодотворной любви.

И надо быть настойчивым: от вашей настойчивости зависит, чтобы Бог мало-помалу преобразил вас и обожил.

Если вы склонны к разочарованию, посмотрите, до каких высот привела святых их верность молитве. И сильное желание, которое бы вы хотели устремить к Богу, желание тесного единения с Ним пробудится в вас. Вот, прочитайте этот отрывок из св. Иоанна от Креста, он вам прибавит мужества:

«Душа достигает состояния, когда она вся наполнена лучами божественного, и вся преобразуется, подобно своему Создателю. Ибо Бог сверхъестественным образом ей сообщает Свое существо, так, что она становится как бы Самим Богом, ибо она имеет то, что имеет Бог, и все, что присуще каждому из них, кажется составляющим одно благодаря такому преобразению. Можно даже сказать, что благодаря такому приобщению, душа становится как бы более Богом, нежели душой, хотя при этом она и

сохраняет свое существо, и это существо отличается от существа Божия, как стекло остается отличным от луча света, который его освещает и пронизывает».

12. Притча о скрипаче и скрипке

Концерт окончился. Гремят аплодисменты, занавес опускается. Аплодисменты гремят все громче, скрипка выходит на авансцену, кланяется и, указывая на скрипача, скромно притулившегося в сторонке, обращается к публике: «Я бы хотела адресовать ваши приветствия также и этому господину; по правде говоря, следует признать, что без его содействия мне вряд ли удалось бы добиться такого успеха».

Многие христиане напоминают мне эту скрипку; не относитесь ли и вы к их числу?

По их мнению, святость, та святость, к которой они устремляются своею доброй волей, есть дело человека, совершаемое при содействии Бога. В этом их обличает их образ действий и в особенности их молитва, которая протекает в испрашивании у Бога помощи, в защите перед Ним своего дела при помощи

всех убедительных доводов, какие они только могут привести, чтобы побудить Его вмешаться в их пользу. Такое расположение духа, несомненно, трогательно, но оно основывается на ребяческом представлении об отношениях Бога и человека, оно извращает христианскую жизнь и сдерживает порыв души к совершенству. Действительно, освящение не есть дело человека при содействии Божиим, но дело Божие при содействии человеческом. И разница тут большая.

Если это понять, то все тогда преобразуется, и прежде всего молитва. Она более не направлена к тому, чтобы побудить Бога действовать, добиться от Отца, чтобы Он заинтересовался Своим дитятей: нет, теперь становится понятным, что Бог действует всегда, — как говорит Господь: *«Отец Мой доныне делает, и Я делаю»* (Ин 5,17). И тогда получается, что молитва состоит главным образом в том, чтобы предоставить себя этому действию Божию.

И, безусловно, нет ничего невозможного в том, чтобы оставаться в такой зависимости с утра до вечера; но наши занятия нередко нарушают нашу связь с Богом. Тем самым, мы более или менее ускользаем из-под Его воздействия, и как раз в молитве следует нам туда возвращаться, вновь предоставлять в Его владение все наше существо целиком, все наши способности. И снова принявшись затем за

наши обязанности, мы будем оставаться в силовом поле воздействия Божия, движимые Духом Божиим, мы будем действовать тогда, как дети Божии, как пишет св. ап. Павел: «*Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии*» (Рим 8,14).

Под таким углом зрения, ваши молитвы не будут больше просьбами, которыми ребенок старается заставить действовать десницу Господню, старается заставить Его изменить Свои намерения; они будут куда больше беседой, как говорили раньше, «обращением»¹ к Нему, обращением, поворотом вашего существа, смиряющегося, принимающего и позволяющего воздействовать на вас освящающей силе Божией.

Дело не в том, чтобы заставить Бога обратиться к нам, но в том, чтобы нам обратиться к Богу.

---

¹Фр. *conversation* ("беседа"), от лат. *convertere*, «обращаться». — А. М.

13. «Взглянув на него, полюбил его»

Евангелия не раз упоминают о взгляде Иисуса. Андрей приводит своего брата к Иисусу, и Тот «взглянул на него» (Ин 1,42). Петр отрывается от своего Учителя, и Тот, *«обратившись, взглянул на Петра»*, и Петр заплакал горько (Лк 22,61). Добродетельный юноша спрашивает Христа о пути к жизни вечной, и Он, *«взглянув на него, полюбил его»*, рассказывает нам св. Марк (10,21), который был одарен способностью высказываться кратко и ясно.

Любовь и взгляд тесно связаны друг с другом. Нужно смотреть, чтобы любить, но также и любить, чтобы действительно смотреть: «Хорошо видеть можно только очами сердца».

Ничто не раскрывает любви лучше, чем взгляд. Тот, на кого смотрят подобным образом, не обманывается: все его существо — я говорю о самом сокровенном его существе, о его внутреннем «я», — пробуждается, трепещет, восхи-

щается, воспаряет и оживает, будучи потрясено этим взглядом любви. В нем начинает бить ключом новая, неведомая, пылающая, напряженная жизнь: взгляд любви пробуждает любовь.

И самое чудесное в этом взгляде любви на нас — не то, что благодаря этому взгляду нам открывается душа и любовь любящего нас существа, но то, что благодаря ему мы узнаем о нас самих. Действительно, взгляд любви есть «зеркало, где мы видим себя такими, какими нас видят», согласно удачному выражению Ланце дель Васто.

В то время, как есть такие взгляды, в которых отражается только презрение, которые нас как бы даже уничтожают, во взгляде любви мы открываем, что мы достойны любви, в самом прямом смысле слова: способны возбудить любовь в сердце другого. Подобное зеркало дает нам сведения о нас не так, как зеркало бездушное и бесстрастное, но через радость, восхищение, любовь, восторг, которые пробудились в этом другом существе при виде нашего внутреннего «я» и которые нам раскрывает его взгляд.

И мы бываем очень взволнованы открытием, что мы, оказывается, достойны быть любимыми, способны вызвать поток любви в сердце, как источник из скалы. Как же после этого не примириться с самим собою? Любовь, ува-

жение, почтение к себе — чувства, если и не совершенно нам неведомые доселе, то, по меньшей мере, едва различимые и очень часто извращенные, внезапно проявляясь в нас, заставляют нас осознать наше достоинство. И мы теперь знаем, что у нашего существования есть смысл, — ибо мы существуем для другого.

Но вот что еще более изумительно. Когда этот взгляд любви принадлежит христианину, который в свете Христовом различает в нашем внутреннем «я» нашу душу Божьего дитяти, наше вечное имя — то самое, что Бог произнес от века, то, которым Он породил нас в Божественной Своей мысли прежде, чем дать нам войти в бытие, — тогда этот взгляд содержит нечто бесконечно потрясающее, ибо сквозь него проглядывает взгляд Самого Бога на нас, и в нем мы открываем, какой любовью мы любимы Богом.

Я совершенно убежден, что Бог желал бы для каждого существа, чтобы хоть однажды в своей жизни оно встретилось с таким взглядом.

Однако те, кто любит нас, не могут постоянно пребывать в «состоянии любви». Их взгляды любви — это особые счастливые мгновения, перемежающиеся с другими, более обыденными. Но когда речь идет о Боге, можно быть совершенно уверенным, что Он постоянно пребывает в «состоянии любви», и это состояние, это пламенное внимание есть присутствие любви в на-

шей душе. Как изумительно! Да, Бог находит наслаждение, вглядываясь в душу Своего дитяти, как бы невероятно это ни казалось, ибо в ней взгляд Его соединяется с тем, что есть более она, чем она сама: с вечным божественным именем, которое ей принадлежит. И этот взгляд любви Божией гораздо более действенен, нежели любой человеческий взгляд: он есть творец святости, сообщитель божественной жизни. Но для того, чтобы божественный взгляд произвел свое действие, нужно еще, чтобы душа приняла его, открываясь навстречу ему до последних своих глубин через акт веры. Веры человека, который признает любовь своего Бога, любовь действительную, любовь действующую. И если эта вера будет пламенной и непрестанной, взгляд божественной любви на душу не перестанет возвращать в ней святость, как под лучами солнца зреют нивы.

Молиться — это значит отдавать себе отчет в этом взгляде Божественной любви на нас, значит открываться через веру его творческому воздействию, воздействию возрождающему, обожествляющему, приводящему ко блаженству. И тогда в душе начинает бить ключом Божия любовь, милосердие.

Чтобы хорошо молиться, необходимо верить в этот взгляд любви, устремленный на нас.

«Он взглянул на него и полюбил его».

14. «Если бы Бог перестал думать обо мне...»

«Прав ли я, — пишете вы мне, — когда считаю, что если бы Бог хотя бы на одно мгновение перестал думать обо мне, то я бы тотчас перестал существовать? Или это ошибка? Если так, мне было бы очень грустно, ибо с тех пор, как у меня возникла во время молитвы эта мысль, я чувствую себя намного ближе к Богу, или, говоря точнее, я чувствую, что Бог намного ближе ко мне».

Оставьте всякий страх. То, что вы осознали, полностью соответствует правой вере.

Не существует ничего, что не было бы сотворено Богом и не поддерживалось бы Им в своем существовании, и, следовательно, не существует ничего, чего бы Он не пожелал, — при-

чем не раз и навсегда, но в каждое мгновение, — и также, следовательно, чего бы Он не помыслил, ибо невозможно ничего пожелать, если сперва об этом не помыслить. Если Бог прекратит поддерживать бытие какого-либо существа, то это существо немедленно превратится в ничто; то же случится, если Он перестанет его желать; и, равным образом, если Он перестанет о нем думать.

Так что, надеюсь, все ваши опасения рассеялись. Заметьте, однако, что хотя и можно различать в Боге мысль, волю и действие, но, тем не менее, необходимо тут же уточнить, что это только человеческий способ выражения, ибо в Боге мысль, воля и действие составляют единый акт.

Я очень хорошо понимаю то чувство близости Бога, которое ваша мысль пробудила в вас. Когда некто думает о нас, это делает его еще более близким к нам, чем его физическое присутствие. Это последнее может быть только телесным, например, нетрудно себе представить женщину, живущую бок о бок с мужем, который на самом деле не ближе к ней, чем если бы он жил у антиподов. “Присутствие” и “отсутствие” это явления прежде всего духовного порядка.

Но последуйте до конца за открывшейся вам истиной. Осознайте, что Бог думает о вас от самой вечности. Ваш приход в жизнь есть

лишь осуществление во времени этой вечной мысли, мысли любви. Бог постоянно лелеял эту мысль — сотворить вас.

Вы воплощаете эту мысль, вы есть эта мысль, но в зачаточном состоянии: жизнь вам дана — и благодать действует в вас — для того, чтобы эта мысль полностью в вас расцвела.

Бог, в самом деле, не может ни мыслить, ни желать иного, как только существа совершенного, полностью расцветшего. Итак, божественная мысль, которой вы являетесь, есть мысль о святом, и о святом единственном в своем роде, ни на кого другого не похожем, ибо никогда у Бога не возникает двух одинаковых мыслей.

Если вы будете помогать действию Божию в вас, вы станете тем святым, мысль о создании которого радовала Бога всю вечность.

15. «Я изольюсь потоком»

Ваше письмо меня взволновало, в особенности фраза: «Почему вы никогда не пишете для бедняг-грешников? Окажите хоть немного милости к тем, которые не могут молиться Богу молитвой праведных, и скажите им, правда ли, что они все-таки не исключены из царства молитвы?»

Боюсь, я очень плохо выразился в моих предыдущих письмах, если в результате у вас могло сложиться впечатление, что это были письма праведника, адресованные праведникам!

Прежде всего, мне очень трудно усвоить вашу классификацию. Кто может назвать себя праведным? Кто не грешник? Кто может приступить к молитве без того, чтобы начать с исповедания своих грехов и с признания необходимости покаяться? И, наконец, найдется ли на свете такое убожество, которое Бог признает безнадежным?

Я вспоминаю одну молодую женщину, которую любили столь же безмерно, сколь исключительно она была красива, и, однако, ее отчаянию не было предела из-за безобидного прыщика, выскочившего у нее на губке. Красота ее поблекла, будет ли она теперь любима? — Подобное отчаяние встречается порой и у тех, кто сознает свое нравственное уродство. Но пусть они утешатся. Если для того, чтобы вспыхнуть в человеке, любовь нуждается в созерцании красоты или доброты, у Бога это не так. Его любовь иная. Св. ап. Павел хорошо это знал и, чтобы описать ее, употребил слово, которым до него в этом смысле не пользовались: *agapé*, и которое мы переводим как «любовь-милосердие» (фр. *charité*). Действительно, не от того же любит нас Бог, что мы любви достойны, но это Его собственная любовь творит достойными любви, прекрасными и добрыми те существа, которые Он любит. Согрешив, мы приходим в отчаяние из-за того, что утратили нравственную красоту, благодаря которой нас любили другие и, главное, мы сами, и мы воображаем, что и Бог также от нас отвернулся, так, словно бы до сих пор Он любил нас ради наших добродетелей! Словно человек был способен стяжать Его уважение, возбудить Его любовь!

Причина любви Божией к нам лежит не в нас. Наши добродетели способны привлечь ее не больше, чем наше убожество. Ничем не обу-

словенная, она свободна, она бьет ключом, она есть богатство, превосходящее всякие пределы, она есть творческая сила. Бог не изыскивает для любви человеческих достоинств; он ищет бедного (в библейском смысле слова), что значит: грешника, неразумного, слабого, одним словом, того, в котором Он находит пустоту, которую можно заполнить. Но вот грешник, поскольку он не знает этого свойства любви, думает, что Бог обратился к нему по недоразумению, и, как св. Петр, он восклицает: *«Выйди от меня, Господи, ибо я человек грешный!»* (Лк 5,8).

Но нет, Бог не уйдет, и убожество грешника станет дароносицей Его любви.

Тем самым, молитва грешника должна состоять прежде всего в том, чтобы безгранично верить в эту божественную любовь, оказываемую совершенно даром, и соглашаться на нее безо всякого малодушия. Это кажется удивительно простым; на деле же нередко оказывается весьма трудным, столь жива и сильна в нас потребность, — хотя в то же время мы в этом не признаемся, а порой и сами того не знаем, — быть любимыми Богом ради наших собственных достоинств. Доказательством этому служит та горькая досада, которая потрясает нашу внутреннюю жизнь, когда нам случается впасть в искушение. Итак, следует в корне исключить в наших отношениях с Богом это

стремление видеть в Его любви воздаяние нашим заслугам. И если Бог не защищает нас от всякого падения, то это, несомненно, потому, что Он желает заставить нас осознать, что любовь, которою Он любит нас, основана не на нашей добродетели, но что она свободно истекает из Его сердца и что ей не угрожает опасность перемениться, ибо она не зависит от того, что она находит в нас.

«Сделайся вместилищем, — говорил Господь св. Екатерине Сиенской, — и Я изольюсь потоком».

Такова молитва бедняка, молитва грешника: сделаться вместилищем.

16. «Потому что я Агнесса»

Хорошо молится лишь тот, кто знает Бога. Чтобы молиться лучше, нужно стараться лучше Его узнать. И Бог позаботился о том, чтобы направить наши поиски по верному руслу, открыв нам, что Он есть любовь. Но что же такое эта Любовь? — Отблески ее на тех, кто любит нас, помогают нам получить о ней представление; даже карикатура на нее у тех, кто любит нас плохо, (даже она!) по контрасту, позволяет нам лучше ее понять. Таков был опыт одной женщины, брошенной своим мужем. Она недавно написала мне, и я предлагаю вашему вниманию ее письмо. Порабощающая любовь мужа к своей жене, о которой идет здесь речь, парадоксальным образом подчеркивает личностный характер и великодушные божественной любви.

А.К.

«...Он любил не меня. Он любил во мне женщину, еще точнее — женственность: я была подходящим для него образцом женственности. Но когда он заметил, что я была «кем-то», как только он встретил мое «я», он ощутил беспокойство, не зная, что ему делать с этим «я», с этой живою личностью. Отныне в его жизни имелось нечто чрезмерное, обременительное. Нечто или, скорее, некто, лишавший его права быть одному наедине со своей собственностью, некто, заставлявший его считаться со своими правами и, прежде всего, с правом на признание в качестве единственной и неповторимой личности. И с этим он не смог смириться. Он поспешил отойти; он, можно сказать, почувствовал угрозу в своих собственных владениях. Я стала для него самозванкой, незванным пришельцем; я позволяла себе быть личностью, тогда как он требовал от меня быть вещью, образчиком женственности, приятным и удобным. Он отстранился. Он стал смотреть на сторону; и в один прекрасный день он нашел другую женщину, которая, как он, по крайней мере, сам считал, соглашалась быть его вещью.

После жестоких месяцев помрачения, когда я переходила от ярости к отчаянию, когда меня осаждали все искушения, я больше не могу на него сетовать. Сегодня я обладаю душевным миром, или, скорее, мир обладает мною.

И этим я обязана именно ему. Благодаря моим страданиям нелюбимой жены, мне открылось, какой любовью любит меня Бог. Отныне я знаю, что Бог любит меня не как образец человечества, и не ради того, что Он любит человечество, но потому, что я Агнесса. Он не как солнце, которое раздает свое тепло безразлично и бесстрастно всякому творению: Он дает мне Свою любовь, Он отдает мне Себя, потому что это я. Он не как дама-благотворительница, которая любит «бедных», но не дает себе труда заглянуть каждому из них в глаза и узнать хотя бы имя того, кому она помогает: с какой стати! Она любит «бедняков вообще». Но ничего подобного у Бога. Это меня, Агнессу, любит Бог, и любит потому, что я Агнесса. Он знает меня по имени от вечности. Он зовет меня по имени. Он с нетерпением ждет моего ответа. Он не ревнив к моей независимости и к моей личности. Они Ему, напротив, дороги: чего бы стоил мой ответ на Его любовь без них? Для Него я не являюсь вещью, которою владеют и которой пользуются, но свободным существом, свободой, которая отдает себя и которую Он безмерно уважает.

Благодаря Его любви, я примирилась сама с собою и с другими. Бог открыл в моем сердце источники любви. Я наконец живу. И час молитвы для меня — время самой насыщенной жизни».

17. «Я так занят тобой»

Вы абсолютно правы, восставая против распространённой привычки говорить о Боге, приписывая Ему чисто человеческие мысли, чувства, поведение. Это большая ошибка, из-за которой профанируется Божественная тайна, и, в конечном счете, подготавливается почва для атеизма. Множество верующих вокруг нас впадают в нее, и началось это не сегодня. Уже Вольтер возвестил о ней в своей знаменитой формуле, которую я привожу по памяти: «Бог создал человека по образу Своему, но и человек воздал Ему сторицей».

В то же время, вы заблуждаетесь, заключая Бога в облаке непознаваемости, словно мы принуждены согласиться с тем, чтобы ничего о Нем не знать!

Правда, что Бог наш есть «Бог сокровенный» (Ис 45,15). Правда также, что Он совсем

иной, чем мы, Он Сам это провозглашает через пророка Осию: «Я Бог, а не человек» (Ос 11,9).

Бог не есть образ человека, запомним это крепко. Но человек есть образ Божий. И потому свойства человека, в особенности свойства человеческого сердца, позволяют нам постигать совершенства любви Божией к нам.

С одной стороны, Библия решительно и постоянно утверждает трансцендентность Всевышнего и отвергает возможность познавать Творца с помощью человеческого разума так, как мы познаем творение, а с другой — не колеблется говорить нам о Нем, прибегая к сравнениям с тварью.

Она открывает нам в Боге чувства отца, который «ласково подкладывает пищу» (Ос 11,4); нежность матери: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя!» (Ис 49,15); верность супруга: «Забудет ли человек жену юности своей? В жару гнева Я сокрыл от тебя лице Мое на время, но вечною милостью помилую тебя» (ср. Ис 54,6.8).

Итак, глубоко благочестиво находить в Боге, как в их источнике, самые благородные, самые нежные, самые пылкие чувства человеческого сердца.

Кстати, совсем недавно я вспоминал о вас, читая Ануя, и привожу вам то место, где опи-

саны чувства мужа при виде своей юной супруги, уснувшей от усталости:

«Довольно оказалось тебе умолкнуть, голове твоей склониться на мое плечо, и все... Другие продолжали смеяться, разговаривать вокруг меня, но я их уже покинул. Юноша по имени Ясон умер. Я был твоим отцом и твоей матерью; я был тем, кто несет голову Медеи, уснувшей на его плече. Что за мечты кружились в маленькой твоей женской головке, пока я был занят тобой? Я отнес тебя на наше ложе... Я только смотрел на тебя, спящую. Ночь была тиха, мы намного опередили погоню, посланную твоим отцом, мои товарищи бодрствовали с оружием в руках вокруг нас, и однако, я не смел сомкнуть очей. Я защищал тебя, Медея — хотя и не было опасности — всю эту ночь».

Осознайте — и это будет для вас великим утешением, — что наш Бог не менее «человечен» по отношению к вам, когда вам случается задремать во время молитвы вечером, под конец тяжелого трудового дня. Я знаю, что вы увидите в этих словах не поощрение к небрежности, но совет довериться Тому, Кто любит вас более горячо, чем человек свою возлюбленную, и кто окружает вас Своей бесконечной заботливостью.

18. «Ты слишком робко просишь у меня»

Хвала, поклонение, предание себя любви Божией являются, пишете вы мне, великими движущими силами вашей молитвы. Я очень рад этому. Но не пренебрегайте, тем не менее, просительной молитвой, словно бы она была чем-то низшим, или же представляла собою уже пройденный этап. Никогда нельзя забывать ни об одной из так называемых целей молитвы: поклонении, благодарении, покаянии, прощении. Они являются стержнем церковной литургии, и они должны играть ту же роль в вашей личной молитве.

Я часто замечал, что просительная молитва является надежным критерием, чтобы судить о подлинности духовной жизни: лже-мистики презирают ее, мистики подлинные находят в

ней отраду. Святой — всегда попрошайка, пусть не у людских дверей, но у дверей Бога. Он доверчиво ожидает от Господа хлеба своего насущного, и более всего Он просит у Него благ духовных, которых он алчет еще больше, чем хлеба: возрастания веры, надежды, любви, разумения Креста и любви к нему, смирения, сокрушения, даров Святого Духа.

К тому же, подлинно духовный человек помнит слова Учителя, также побуждающие его к просительной молитве: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян 20,35). Человек открывает в этих словах тайну сердца Христова, и для него призыв к просительной молитве не столько предписание, сколько дружеская доверительность. Так что именно эту радость давать стремится он доставить своему Богу, когда явится перед Ним, как проситель.

Спросите свое собственное отцовское сердце, не явит ли оно вам подобного свидетельства?

Я нашел отголосок этой потребности и радости давать в одном письме св. Томаса Мора к его дочери. В нем с очевидностью можно обнаружить, что святость не угашает отцовских чувств, но наоборот, утончает их и углубляет, так, что они становятся как бы зеркалом, в котором отражаются чувствования Бога. Читая эти строки, где превосходный отец выражает

свою потребность и свою радость давать, уразумейте, что подобное расположение, несомненно, гораздо более пылко проявляется по отношению к вам у Бога, вашего Отца.

«Ты просишь у меня денег, дорогая моя доченька, с чрезмерной робостью и сомнениями. Твой отец, ты хорошо это знаешь, постоянно готов давать тебе, и тем более, что твое письмо заслуживает не двух золотых филиппов за строчку, как платил Александр за стихи поэта Херилия, но, если бы только мой кошелек соответствовал моим желаниям, по две унции золота за каждую букву...

Тем не менее, я посылаю тебе ровно столько, сколько ты просишь. Я бы, конечно, мог и прибавить, но если мне нравится давать, то мне нравится также, когда моя дочь ласково меня просит, как она умеет это делать. Так что поторопись потратить эти деньги, — я уверен, ты найдешь им хорошее применение, — и чем скорее ты снова ко мне обратишься, тем больше буду я доволен».

19. Дерзновение

Почему я считаю вас человеком ветхозаветным? — Потому что вы, похоже, не ведаете той добродетели, которая является характерной чертой каждого истинного ученика Христова: дерзновения.

Благочестивые Иудеи не смели приблизиться к своему Богу, говорить с Ним по-дружески; они поклонялись Ему, но как бы на расстоянии. Услышать Яхве и особенно увидеть Его означало, думали они, подвергнуться смертельной опасности. Они обращались к нему как к Хозяину одновременно грозному и почитаемому: *«Господи! Да будет ухо Твое внимательно к молитве раба Твоего и к молитве рабов Твоих, любящих благоговеть пред именем Твоим»* (Неем 1,11).

Только первосвященник имел право произнести священную тетраграмму, четыре согласных Божественного Имени: это был предел до-

зволненной близости. Когда они произносились, те, кто стоял вокруг и слышал, простирались ниц на земле; другие же произносили: «Да будет во веки благословенно Имя Царствия его преславного!» И никто не покидал своего места до тех пор, пока Божественное Имя, если можно так выразиться, продолжало витать в воздухе.

Но пророки возвещали новые времена, времена Мессии, когда всякому человеку будет дано приближаться к Богу и молиться Ему с упованием: «Тогда Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа» (Соф 3,9).

И действительно, Иисус Христос сказал Своим ученикам: «Молитесь так: Отче наш, сущий на небесах» (Мф 6,9). «Потому что, — поясняет св. ап. Павел, — вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: Авва, Отче!» (Рим 8,15). «А как вы сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: “Авва, Отче!” Посему ты уже не раб, но сын» (Гал 4,6-7).

Отныне христиане, не оставляя, разумеется, почтительности, которая лежит в основе всякого благочестия, могут «приближаться» с горячим упованием к своему Богу, о Котором они узнали, что Он есть их Отец. Послушаем св. ап. Иоанна: «Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу» (1 Ин 3,21). И

вновь св. ап. Павел: «Во Христе мы имеем через веру в Него дерзновение и надежный доступ к Богу» (Еф 3,12).

Это и есть то дерзновение, та сыновняя уверенность, которую священные книги выражают словом «парресия» («дерзновение»), от греческого *par* и *rethos*, т.е. «(право) говорить все». Парресия, дерзновение, к которому нас призывает святая Литургия перед прочтением, во время каждой Мессы, молитвы «Отче наш»: «Как научились мы от Самого Спасителя, и согласно Его заповеди, взываем дерзновенно...».

Может быть, чтобы побудить вас молиться дерзновенно, имеет смысл присовокупить к вышеприведенным соображениям еще и заразительный пример? Я процитирую вам св. Терезу (Авильскую). Перегруженная тяжелыми трудами, истомленная заботами, она, сверх того, была лишена в молитве ощущения присутствия своего возлюбленного Бога. Не в силах больше этого переносить, она однажды пожаловалась Богу, и в словах ее сыновнего дерзновения было не меньше, чем почтения: «Как же так! Мой Боже, не довольно разве того, что Ты заставляешь меня вести эту убогую жизнь, что, ради любви к Тебе, я принимаю все эти испытания, и что я соглашаюсь оставаться в этом изгнании, где все устроено так, чтобы мешать мне обладать Тобой, где мне необходимо зани-

маться едой, сном, делами, отношениями с бесчисленным множеством людей? И однако, я смиряюсь со всем ради любви к Тебе, ибо Ты знаешь хорошо, о мой Боже, что это все для меня суцая пытка! И вот, в те несколько мгновений, которые мне остаются, чтобы радоваться общению с Тобой, Ты прячешься! Как это вяжется с Твоим милосердием? Как может Твоя любовь ко мне допускать такое? Господи, если бы возможно было для меня спрятаться от Тебя, как Ты прячешься от меня, то я думаю, я убеждена, что Твоя любовь ко мне не перенесла бы этого! Но Ты-то видишь меня постоянно. Такое неравенство слишком жестоко, о мой Боже. Учти, молю Тебя, что это значит обижать ту, которая Тебя так любит».

20. «Авва, Отче!»

В своем недавнем письме я старался определить, как вы помните, что есть главное в молитве. Усмотрев, что главное не может относиться к тому, что привносят в молитву тело, разум или чувства, я заключил, что оно содержится в воле. Это так, но и не так. Я пишу вам снова, чтобы устранить опасность ввести вас в заблуждение. Это верно в том смысле, что тот, кто молится, не может совершить ничего больше и ни лучше того акта воли, в котором он обращается к Богу и предается Ему. Но молитва христианина — это не только акт человека, но она есть также, и прежде всего, акт Бога, и совершенно очевидно, что действие Божие намного важнее человеческого. Это подразумевалось мною, когда я вам писал; подразумевалось ли это также и вами, когда вы читали мое письмо?

Впечатляющая библейская сцена весьма ярко иллюстрирует то, что происходит в христианской молитве. Маной и его жена (Суд 13,19-20), будучи удостоены посещения Ангела Господня, принесли в его присутствии, на алтаре посреди поля, жертву всесожжения Господу. Они сложили дрова, возложили козленка, зажгли огонь. И вот внезапно ангел был как бы подхвачен пламенем и вознесен с земли к небесам.

Таинственное Существо возносит молитву христианина, направляет ее, представляет ее Отцу-Вседержителю: Существо Это — Дух Святой. Апостол Павел предлагает нам это удивительное учение в самых недвусмысленных выражениях: «Дух подкрепляет нас в немощах наших, ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим 8,26). Эта молитва Духа в нас, вот что придает невероятное величие нашей молитве. Мы приступаем к ней усталыми сердцем и духом, и едва бормочем нечто убогое. Неважно! Из этих мертвых сучьев Дух разожжет живое пламя.

Эта молитва Духа неуловима. Есть, однако, слова, которые позволяют распознать ее присутствие: Авва, Отче!

«Поскольку вы сыны, — пишет св. ап. Павел, — Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего,

вопиющего: «Авва, Отче!» (Гал 4,6). Тем самым, сущность нашей молитвы есть этот порыв сыновней нежности¹ Сына к Своему Отцу, порыв, который Дух Святой порождает в нашей душе. Нужно ли теперь удивляться, что наша человеческая молитва бывает приятна Богу?

Поскольку мы еще только новички в сфере молитвы, мы обычно не отдаем себе отчета в этой молитве Духа Святого; мы не воспринимаем этого возгласа: «Отче! Отче!», который, тем не менее, раздается в глубине нашего существа. Наши внутренние чувства, пока еще плохо воспитанные, нечувствительны к этому присутствию Духа в нас. Но время от времени, с тайной радостью и все чаще и чаще по мере того, как утончается наше духовное восприятие, мы начинаем предощущать нечто о трепетной жизни Духа Христова: «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим 8,16). Это следует понимать так, что мы открываем в себе порыв любви к Отцу, о котором нам безусловно следует признать, что он исходит не от нас. Итак, молиться — это очень просто, это значит только согласиться, примкнуть (слова, исполненные смысла для людей духовных) к тому, что совершается в нас, это

---

¹Арамейское слово «Авва», употребленное не раз Самим Господом, несет, по утверждению филологов, оттенок, присущий скорее русским словам «папа», «папочка», нежели слову «отец». — А. М.

значит только предать себя молитве Духа Святого, как масло в лампе предает себя пламени и в нем сгорает.

Очень часто ничто в нас не обнаруживает таинственной деятельности Духа. Но и тогда не меньше следует с нею соглашаться и к ней примыкать, но уже в плане веры, и как раз именно тем самым актом воли, о котором шла речь в моем предыдущем письме.

Не боюсь показаться излишне настойчивым, рекомендуя вам, когда вы только приступаете к молитве, ясно и твердо исповедовать веру в Духа Христова, исполненного желания молиться в вас. И, как подписывают незаполненный чек, заранее и полностью на это согласиться.

«БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ»

Предстать пред милосердным Богом, сознавая свою греховность и крайнюю нищету, и в то же время уповая на Божию милость, непоколебимую и великодушную, — таким должно быть наше устремление, когда мы приступаем к молитве.

Молитва — самый благоприятный момент для осознания нашей духовной нищеты и предания себя милосердию Божию (**1. Молитва грешника**). — Порой молитва — это крик отчаяния свободного существа, которое больше не в силах сопротивляться осаждающему его злу (**2. Молитва доньи Прузэ**). — Но даже и тогда, когда оно впадает в искушение, когда ему недостает отваги противостоять греху, чадо Божие всегда может обратиться к своему Отцу и призвать Его на помощь (**3. Шерстяная нить**). — Познанный, исповеданный, отвергнутый грех уже более не грех, но нищета, предстоящая пред сладостной милостью Божией (**4. «Грех мой всегда предо мною»**). — И Отцовское прощение дает забить ключом во тьме и нечистоте души источнику новой жизни (**5. Тому, кто считает себя недостойным молиться**). — В то время как грех, в котором исповедуются, не может служить препятствием для встречи с Богом, грех не исповеданный, и особенно недостаток любви к ближнему делают бесплодной нашу

молитву (**6. С ног до головы**). — Но ощущение полного бессилия в молитве не обязательно следствие греха. Оно может быть допущено Господом для того, чтобы внушить нам, что в области духа мы коренным образом являемся нищими. Представлять свою нищету очам Божиим — и есть молиться (**7. Молитва нищего**). — Тому, кто привык познавать, желать и мочь, тяжело видеть себя недостойным и беспомощным. Но для него это может быть сколь тяжело, столь и плодотворно: он учится переходу от «я желаю» к «я прошу» (**8. Признать себя банкротом**). — Грех, бессилие, нищета приводят нас к осознанию нашей зависимости от Бога. Но тот, кто любит, воспринимает зависимость не как рабство, но скорее как потребность (**9. Зависимость**). — Эта зависимость от Господа не есть нечто случайное, она врожденная, радикальная, всеобъемлющая. Признать ее, всецело согласиться с ней — вот что значит отдать себя Богу; тогда и отношение зависимости превращается в отношение любви (**10. На просвет**).

21. Молитва грешника

Не стану от вас скрывать, что ваше письмо меня разволновало. Вы пишете, что в моих рассуждениях о молитве я забываю о грешниках. «Несомненно, потому, — прибавляете вы, — что вы не считаете их достойными молиться». Да сохранит меня Господь от подобного фарисейства! Грешник, который обращается к своим братьям-грешникам, чтобы призвать их к обращению через молитву, — я только о них и думаю!

Все же я стал размышлять над тем способом, которым я говорю о молитве. Я подумал, что для того, чтобы избежать недоразумения, которое вызвали мои рассуждения, мне следовало бы чаще ссылаться на замечательное место из св. Луки, на притчу о блудном сыне. Терзаемый голодом, несчастный парень говорит себе в один прекрасный день: «Встану, пойду к

отцу моему». И отец, который каждый день выходил на то место, откуда видна была дорога, заметил его издалека, «побежал ему навстречу», «пал ему на шею» и «целовал его».

Такова молитва: момент, особенно благоприятный для того, чтобы осознать свою нищету и отвратиться от нее, и обратиться к Богу; место встречи Отца и Его чада; взаимные объятия милосердия и нищеты; радостный праздник возвращения.

Поймите: это не сын очищается, освящается сам по себе, и лишь тогда идет искать своего отца. Вглядитесь получше: он приближается, будучи нечист, он одет в отвратительные лохмотья, и лишь отцовское попечение очищает его, преображает, облакает в праздничную одежду. Чтобы не говорить иносказательно: очищение и освящение грешника не есть дело человека, но дело Божие: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже» (Пс 50,12). Оно есть дар Божий, дар незаслуженный, дар, которого человек никогда бы не сумел быть достойным, и который ему дается, если он верит в него, если он дерзает в него поверить. И вот это-то как раз и драгоценно в очах Господа: когда у человека столь высокое представление о своем Боге, что он не колеблется поверить в Его милосердие. И как раз то весьма тяжело в очах Господних, что старший сын впал в соблазн из-за милосердия,

что он увидел в нем только урон достоинству, поправление справедливости.

Род фарисейский никогда не сможет этого понять. Ибо для него человек сам освящает себя через свои усилия и свое моральное мужество, и в результате предстает перед Богом уже достойным, как он считает, общаться с Ним, быть Ему близким. Напротив, в собрании святых «более будет радости об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк 15,7); это собрание благоговеет при виде милосердия, изливающегося из сердца Божия всякий раз, когда предстает перед Ним грешник, доверяющийся Ему, смеющий верить в «безрассудство Божие».

Принести свою нищету, чтобы милосердие объяло ее — такова молитва грешника, т.е. всех нас, ибо «если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас», — утверждает св. Иоанн (1 Ин 1,8).

22. Молитва доньи Пруэс

Ваша реакция меня удивляет. Как можно соблазняться молитвой, которую донья Пруэс в «Атласной туфельке» обращает к Пресвятой Деве?

Несомненно, вы не вспомнили, при каких обстоятельствах была произнесена эта молитва.

Юная девушка из Франш-Конте, донья Пруэс, живая, пылкая, благородная, вышла замуж за дона Пелагио, пожилого кастильского дворянина, чопорного, сурового и набожного. Нелегко находиться в одной упряжке чистокровной лошади и рабочему быку! — Однажды бурным вечером в их двери постучал потерпевший кораблекрушение, Родриго, также благородного происхождения, из рода великих конкистадоров. И вот между ним и Пруэс вспыхивает любовь, внезапная, как молния. Пруэс слишком христианка, чтобы этим не возмутиться, слыш-

ком верна своей присяге, чтобы этому не воспротивиться, и слишком человечна, чтобы ей удалось от этой любви избавиться.

Немного спустя, путешественник покидает старый дом. Но любовь сохраняется в сердце молодой женщины и превращается в необоримую страсть. Однажды она отправляется в путешествие, в сопровождении офицера своего мужа, питая тайную надежду встретить Родриго. Покидая свой дом, Пруэс проезжает под статуей Пресвятой Девы, которая возвышается над главными воротами. И тут, словно по наитию, она встает на седло своего мула и, разувшись, вкладывает в руки Пресвятой Девы свою маленькую атласную туфельку. Молитву, с которой она к Ней обращается при этом, трудно счесть образцовой, но все-таки я нахожу, что вы весьма несправедливо сочли ее лицемерной и кощунственной.

Вникните в чувства, которые столкнулись в молодой женщине, те самые, которые разбирает св. ап. Павел в своем послании к Римлянам: «Желание добра есть во мне, но чтобы делать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим 7,18-19). У нее нет больше сил сопротивляться зову запретной любви, но ее совесть не позволяет ей называть добрым то, что дурно. Ее во-

ля, покоренная страстью, сопротивляется, как бедная маленькая девочка в руках похитителя. Ее вера смеет надеяться, что не будет кощунством закричать Богу: «Я не могу не устремиться в это зло, но Ты можешь сделать так, чтобы я в него не впала; Ты не можешь больше управлять мною посредством моей воли, которая ускользает от Тебя, как ускользает она и от меня; но, может быть, маленькой тувельки, которую я отдаю Пресвятой Деве, чтобы Она передала ее Тебе, будет довольно для Тебя, чтобы удерживать меня от пути греха».

Безусловно, верно, что молиться таким образом в то время, когда еще сохраняется возможность повернуться к искушению спиной, было бы лицемерием; но если мы — по нашей ли вине, или же нет, — оказываемся охваченными страстью с головы до ног, этот последний выкрик нашей свободы, которая хотела бы не уступать злу, есть признание нашего убожества и признак веры в благодать Божию, что непременно должно тронуть сердце Отца.

В то мгновение, когда видишь себя готовой предать Бога, отдача своей тувельки не есть ли как бы предание самой себя?

Прошу вас, перечитайте в свете этих размышлений молитву Пруэс. Я убежден, она покажется вам одной из самых смиренных, самых искренних, самых беспредельно доверчи-

вых молитв, какие только могут излиться из христианского сердца:

«Теперь, пока еще есть время, и Ты держишь мое сердце в одной руке и мою туфельку в другой,

Я прибегаю к Тебе! Дева Матерь, я отдаю Тебе мою туфельку! Дева Матерь, сохрани в Твоей руке мою несчастную маленькую ногу!

Я Тебя предупреждаю, что очень скоро я Тебя больше не увижу и что я всецело предаюсь противному Тебе.

Но когда я устремлюсь навстречу злу, пусть я буду при этом хромать! Когда я захочу преодолеть препятствие, которое Ты мне поставила, пусть я при этом буду как с перебитым крылом!

Я сказала Тебе все, что я могла сказать, а Ты сохрани мою бедную маленькую туфельку.

Сохрани ее у Своего Сердца, великая страшная Мама!»

23. Шерстяная нить

Я отметил в вашем письме, дорогой друг, короткую фразу, которую не могу оставить без внимания: «Я больше не имею права молиться». Не существует состояния, допускающего такое утверждение. Никто никогда не бывает лишен права воззвать к своему Богу. Каким бы виновным, каким бы падшим ни был человек, будь он лишен всех гражданских прав или даже отлучен от Церкви, пока в нем есть дыхание жизни, никто не может отнять у него права молиться.

«Как я могу обратиться к Богу, — прибавляете вы, — если у меня нет мужества решиться на разрыв, который вернул бы мне Его дружбу?»

Но даже и вопреки такому плачевному состоянию вы можете, вы должны воздавать хвалу Богу за Его совершенства, за дивные Его дела, признавать через поклонение Его верхов-

ную власть, даже если в какой-то области вы ею пренебрегаете на практике; вы должны просить, даже если вы не исполняете Его волю, чтобы наступило Царствие Его, и молиться за других.

Сделайте еще один шаг, который бы приблизил вас к возвращению Его дружбы. У вас нет сил, чтобы совершить то действие, которого Он ждет от вас? — Ну, что ж! Но почему вы не попросите у Него этих сил? Вы скажете: «Я не хочу, чтобы Он мне их дал»? — Просите же тогда, чтобы вы захотели просить их у Него! Скажите, как некий добрый молодец однажды: «Воистину, Бог не горделив!». Как это верно! Ведь это мы горделивы и находим унижительным быть вынужденными молиться, чтобы «испросить желание» быть исцеленными от нашего порока. Убогая молитва! — но, между тем, она уже составляет живую связь меж человеком и Богом. Если вы согласитесь ее творить, она доставит вам желание, которое повлечет за собой прошение. И вместе с прошением к вам придут силы, и силы совершат необходимый разрыв, и благодаря этому разрыву и прощению Божию возродится ваша дружба с Господом.

Позвольте мне, чтобы не дать забыть вам мой урок, завершить его рассказом об одном примечательном происшествии.

В XIX веке, в одном маленьком английском городке, после многих месяцев работы, завершилось строительство огромной фабричной трубы. Последний рабочий спустился с вершины трубы по деревянным лесам. Все население маленького городка собралось, чтобы отметить событие. И прежде всего, чтобы присутствовать при разрушении громадных лесов. И вот, едва только эти леса обрушились при общих возгласах и смехе, как вдруг все с изумлением увидели, что на вершину трубы выскочил один рабочий, который, оказывается, заканчивал какую-то работу внутри трубы, и потому остался незамеченным. Все пришли в ужас... Сколько дней понадобится, чтобы воздвигнуть новые леса, а рабочий за это время погибнет от холода, если не от голода! Его старая мать рыдала здесь же... Но вот она внезапно отделяется от толпы, делает знак своему сыну и кричит ему: «Джон! снимай носок!» Собравшихся охватила скорбь: несчастная женщина лишилась рассудка! Она настаивает. Чтобы не огорчать ее, Джон исполняет ее просьбу. Тогда она снова кричит: «Потяни за кончик нитку!» Он подчиняется, и вот у него в руках оказывается внушительных размеров клубок шерсти. «А теперь — бросай его сюда, и крепче держись за кончик!» К нитке привязали бечевку, Джон подтянул ее к себе, затем к бечевке привязали веревку, к веревке канат, и подтянув к себе канат,

Джону не оставалось уже ничего больше, как закрепить его как следует и спуститься по нему под радостные клики толпы.

Убедил ли я вас устремить к Богу шерстяную ниточку? — Как бы я этого желал! И я испрашиваю этого у Бога, в силу всей моей дружбы к вам.

24. «Грех мой всегда предо мною»

Я воспользовался каникулами, чтобы посетить одного очень старого и весьма почтенного священника, живущего в провинции. Он парализован и не покидает больше своей комнаты, но из кресла он видит верхушку своего старого собора и непрестанно молится.

Трудно определить чувство, которое я испытываю в его присутствии. Он словно бы излучает некую исключительную чистоту, которая пронизывает и вас. Чистота эта исходит от него, но не он ее источник: это излучение Чистоты Божией сквозь существо, ставшее прозрачным. Слушая его, я спрашивал себя, как ему удалось достичь такой прозрачности. Одно слово представилось мне: смирение. Действительно, он очень часто упоминал о своем «убожестве», с весьма примечательным оттенком покоя, доверия и радости.

Незадолго перед тем я получил ваше письмо, где вы мне писали: «Я предпочитаю не думать много о моих грехах, это приводит меня в уныние». Эта ваша фраза пришла мне на память во время нашей беседы, являя любопытный контраст с настроением моего собеседника, и я привел ему ее, не называя, разумеется, вашего имени. В результате я услышал драгоценные слова:

«Посмотрите на мытаря из притчи: он находится перед Богом, не смея поднять взгляд; он бьет себя в грудь, он не перестает повторять: “Боже, милостив будь ко мне грешному”. Он удивительно смиренен. Но смирение у него не есть, как у множества других, еще одна добродетель, которой он немало гордится. Он просто-напросто высказывает Богу то, что он констатирует с утра до вечера: что он грешник. В каком-то смысле, это есть то единственное, чего Господь ожидает от нас, чтобы осыпать нас благодеяниями: сознание, признание, отвержение, сожаление о нашем грехе. Подобно св. ап. Павлу, я говорю о грехе в единственном числе, т.е. о том зле в нас, из которого истекает все множество наших грехов. Невозможно избавиться от греха, он прилип к нашей душе. Но есть нечто лучшее, чем огорчаться и отчаиваться, лучшее, чем прятаться от Бога, как это сделал Адам после своего падения, или же чем просить Бога удалиться, как св. Петр после чу-

десного лова рыбы: куда лучше предстать пред Богом такими, как мы есть, нагими, явить Ему наши язвы. И грех познанный, исповеданный и отвергнутый — это уже не грех, но всего лишь «убожество», нищета, взывающая к сладостному милосердию Отца. Поскольку мы сознаем наш грех, поскольку мы называем его своим именем, поскольку мы отрекаемся от него, поскольку мы представляем его под очищающий взгляд Божий, то он уже не является для нас губительным, и вот мы чудесным образом очищены. Человек, который во время молитвы и на протяжении всех мгновений своей жизни живет в таком состоянии исповедания Богу своего греха, является прозрачной водой, где отражается чистота неба».

Во время нашей беседы, когда у меня вырвалось восклицание: «Ах, если бы я знал эти ветхие глубины моего существа, где копошится грех!», — мой друг откликнулся так живо, что мне даже на мгновение показалось, что он избавился от своего паралича: «Не клеветайте на глубины вашего существа! У чада Божия заражены грехом не глубины существа, но только темные его области, не просвещенные еще светом Евангелия. Не забывайте никогда, что глубина существа христианина есть после крещения область светлая, сияющая, бесконечно чистая, благодаря присутствию Пресвятой Трои-

цы. Ах! Если бы христиане понимали, что небеса не где-то, но в них самих, в сердцевине их сердец, что глубина их существа уже целиком погружена в бесконечную любовь Божию, и что им нужно делать только одно: позволить этой любви одолеть последние очаги сопротивления, покорить все области их внешнего существа!»

Вы скажете, что я, собственно, не ответил на ваш вопрос о том, как проводить вашу молитву? Но такое состояние признания своего греха и есть основа всякой истинной молитвы, как и всей христианской жизни.

25. Тому, кто считает себя недостойным молиться

Однажды, чтобы подать совет со знанием дела, мне пришлось расспросить одну вдову об эволюции ее духовной жизни. «Своей внутренней жизнью я обязана Сержу (ее мужу), — сказала она мне. — Точнее, отношению его ко мне во время одного малопочтенного периода моей супружеской жизни: будучи замужем уже в течение пяти лет и матерью двоих детей, я была ему неверна. И притом, я его любила! Не желая разрушить его счастья, я старалась изо всех сил, чтобы он не мог ни о чем догадаться.

Его любовь ко мне, исключительная любовь, возрастала день ото дня. Однажды вечером, — я это помню так живо, словно все произошло только вчера, — он выразил мне свою любовь, свое почитание, свое восхищение мною словами, тронувшими мое сердце. Это было для меня

уже слишком. У меня вырвалось: «Если бы ты только знал!» — «Я знаю», — отвечал он мне. И тут, эти слова вызвали у меня взрыв негодования, столь же яростного, как и несправедливого: «Так для чего же ты ломал со мною эту чудовищную комедию? Одно из двух: или ты не страдаешь из-за того, что “ты знаешь”, и это значит, что ты меня не любишь, или же ты возмущен до глубины души, и тогда твоя безмятежность — только ложь и лицемерие!». Я была вне себя, я нападала, издевалась, старалась ранить побольнее. Он дождался, пока буря не уляжется. Затем, спокойно, серьезно и ласково он произнес: «Пойми! В течение десяти месяцев я жестоко страдал, но мои страдания были переносимы, потому что они не губили меня, тогда как твоя беда тебя губила, и это было невыносимо для моей любви. Я видел ясно, что мне следовало делать, именно то единственное, что я и делал: любить тебя еще больше, чем прежде, чтобы ты воскресла благодаря любви, чтобы эта совершенно новая любовь не только испепелила в своем пламени твою беду, но и сотворила в тебе новое сердце, новую чистоту, красоту более сияющую, чем когда-либо прежде». И действительно, его любовь в то же самое мгновение сотворила из меня это новое существо».

Доверительность этой женщины позволила мне лучше уяснить себе, что такое истинное прощение. Будучи высокомерным, прощение порождает возмущение; недомолвки гнетут; без любви прощение не может освободить и спасти. И только истинное прощение, плод совершенно чистой любви, способно дать забить ключом источнику жизни в неверном сердце, восстановить того, кто погрешил против любви, дав ему возродиться в любви.

Могут ли я надеяться, что эти далекие воспоминания помогут вам понять, чего Бог ожидает от вас? «Я чувствую себя недостойным молиться», — написали вы мне. Но если так, то когда же вы станете молиться? Тогда, когда вам удастся избавиться от греха, освободиться от всяческой нечистоты и всякого несовершенства? Выходит, вы забыли, что только любовь Христова способна вас очистить, преобразить вас и освятить? И вместо того, чтобы бежать от нее, ступайте и представьте перед Ним в молитве вашу душу грешника. Вы обнаружите, что для Бога прощать значит любить, любить такой любовью, которая вспыхивает в потемках и нечистоте души, любовью поистине новой, которая не только очищает душу, не только ее возрождает, но доводит ее до совершенно нового совершенства. Подумайте о том взгляде, каким Христос взглянул на Петра, когда тот отрекся от Него... Неужели вы думаете, что это

был взгляд упрека или же гнева? Нет, он был, и это куда страшнее, взглядом любви, любви еще более сильной, еще более жгучей, взглядом нежности, еще более привлекающей, чем когда бы то ни было. Петр не мог ей противиться: его сердце истаяло, из глаз его пролились слезы, одновременно горькие, но и отрадные. В одно и то же мгновение, под совместным воздействием взгляда Христова и Духа Христова, новая любовь охватила все его существо настолько, что через несколько дней после своего отречения он дерзнул без колебания утверждать перед Христом: Ты знаешь, что я люблю Тебя. Поистине люблю, с того самого вечера. И Петр не лгал: та новая любовь, какую породил в нем взгляд его Учителя, привела его даже к отдаче своей жизни на кресте, после того, как он отдал все силы, проповедуя народам ту любовь, какую возлюбил нас Бог.

26. С ног до головы

Ваша молитва, сухая, как пустыня, отсутствие у вас духовной живости в час молитвы, ощущение, что Господь не открывает больше перед вами дверей, в которые вы, тем не менее, стучитесь, не переставая, — все это делает вас несчастным, беспокойным; вы мечтаете, говорите вы, вновь обрести, если не пламенность молитвы, то, по меньшей мере, такую молитву, которая давала бы вам уверенность, что вы не теряете время зря. У меня нет для вас непогрешимого совета; я хотел бы попросту предложить вам самому поискать то, чего Бог ожидает от вас.

Возможно, что это испытание, допущенное Богом, чтобы стимулировать ваше желание, ваши поиски и ваше доверие. Но не исключено также, что это сигнал, предупреждение о том, что нечто в вашей жизни нуждается в исправлении. Я прошу не отмахиваться поспешно от второй гипотезы. «Никогда еще, — пишете вы, — я не следовал так тщательно вашим советам

о том, как нужно совершать молитву». Что же, не буду спорить. Но как раз это и заставляет меня предположить, что есть нечто, требующее изменения, и не столько в вашем способе молиться, сколько в вашей жизни. Действительно, в христианской жизни все взаимосвязано. Стоит пренебречь усердием в какой-либо добродетели или недостаточно прибегать к таинствам, или не распознать в каком-либо отношении воли Божией, и это скажется на всем остальном, и в первую очередь на молитвенной жизни. Вот почему я не уверен, что ваше горячее стремление молиться лучше является наилучшим средством этого достигнуть. Начните, скорее, с того, чтобы выяснить, не ожидает ли Бог от вас некоторой перемены жизни?

Проверьте себя прежде всего в отношении основ христианской жизни: веры, надежды, любви, главное, в отношении любви. Если вы не расположены к ближнему, если не спешите оказать ему услугу, засвидетельствовать ему любовь Бога, Который позволил вам постичь и вкусить от Его безмерной благодати, то понятно тогда, что Господь, не скажу: отталкивает вас, но отнимает у вас ощущение Своего присутствия и Своей любви. Любите, любите тех, кто вас окружает, старайтесь выходить навстречу тем, к кому вы испытываете менее всего симпатии. Рассмотрите, нет ли кого, кто бы тщетно

ждал от вас помощи материальной или моральной? Весьма возможно, что возрастание ваше в христианской любви принесет вам чувство присутствия Бога в вашей молитве или, по меньшей мере, убежденность, что вы не зря тратите время, ибо Христос не умеет противиться молитвам тех, кто сам не противится призывам своих ближних. Он, как вам хорошо известно, рассматривает как сделанное Ему Самому то, что мы делаем другим. Св. Августин в своем комментарии на 1 Послание св. Иоанна с помощью неожиданного и сильного сравнения, которое, раз прочитав, забыть уже невозможно, выражает это самоотождествление Христа с членами его Мистического Тела:

«Того же Самого, Кому ты поклоняешься в Его голове, Того же ты тяжко оскорбляешь в Его членах. Он любит Свое тело. Если ты отсекаешь себя от тела, то Глава не отсекает Себя от Своего тела. “Тщетно ты почитаешь Меня, — кричит тебе Глава с высоты небес, — тщетно ты почитаешь Меня!”. Это как если бы кто-либо хотел поцеловать тебя в голову, наступая тебе на ноги. Он бы раздавливал твои ступни своими тяжелыми подкованными башмаками, желая взять руками твою голову, чтобы поцеловать ее. Разве не прекратил бы ты этого проявления почтения, крича и восклицая: “Что ты делаешь, несчастный, ты меня давишь!”. Ты не сказал бы ему: “Ты давишь мне голову”, — ибо он как

раз воздает почитание голове; но голова громче кричала бы о членах, которые давят, чем о себе, которую почитают. Она кричала бы: “Я не хочу твоих почестей! Прекрати давить меня!”. Если бы ей сказали: “Как можешь ты говорить, что я давлю тебя? Напротив, я хочу дать тебе поцелуй, я хочу почитать тебя”, — то услышали бы: “Но разве ты не видишь, дурень, что то, что ты хочешь почитать, в силу взаимосвязанности, которая делает из тела одно целое, присутствует в том, что ты давишь? Наверху ты воздаешь мне честь, а внизу ты меня давишь. То, что ты давишь, страдает больше, чем радуется то, что ты почитаешь; ибо то, что ты почитаешь, страдает из-за своих членов, которые ты давишь“.

Я бы охотно дал такую интерпретацию этим изумительным строкам: «Ты приходишь на молитву, чтобы поцеловать Мое лицо, в то время, как ты отказываешь твоему брату в уважении и помощи, которых он ждет от тебя и которых Я в нем жду от тебя; не удивляйся же, что Мое отношение к тебе такое же, какое было бы у человека, который стал бы избегать того, кто наступает ему на ноги».

Я не претендую, дорогой друг, на то, чтобы выразить таким образом чувства Христа по отношению к вам, но только предлагаю вам задать себе вопрос.

27. Молитва нищего

Осмелюсь ли признаться, что меня радует чувство полного бессилия и неудачи, какое вы испытываете в молитве? Это не жестокосердие, поверьте, но убежденность, что такое суровое испытание готовит для вас великие блага.

Вы располагаете большими интеллектуальными способностями и материальными возможностями; вы находитесь на руководящем посту; вами восхищаются и вас боятся, вас любят и вам повинуются; множество людей и дел зависит от вас; но вот в одной сфере, в сфере молитвы, вы терпите провал... Вы горячо стараетесь добиться успеха, но усилия ваши тщетны. И ваше письмо извещает меня, что «молитва не для вас», что вы выходите из игры.

Прошу вас, поразмыслите еще немного, прежде чем решать окончательно. Уделять время каждодневной молитве кажется вам невозможным: но не результат ли это тайного несогласия

признать себя недостойным, бессильным, убогим, хотя бы только на полчаса в день? Едва начав молиться, вы уже испытываете нетерпеливое желание вернуться к профессиональной деятельности, но не потому ли, что вы торопитесь доказать другим, и прежде всего самому себе, что вы человек «способный», человек творческий, дельный? Вы заблуждаетесь. Боюсь, как бы вы не впали в коварное, опасное искушение — оказаться в числе тех людей, которых осуждал наш Господь: в числе богатых. Ведь богатый — это господин, который может, который имеет, который *есть*.

Сколь же необходима для вас молитва! В той жизни, какую вы теперь ведете, в жизни под знаком успеха, она вам предоставит шанс установить пределы ваших возможностей, убедиться в вашей нищете, самой истинной и самой благотворной — в нищете души. Воспользуйтесь же ею, чтобы вновь обрести ваше детство, то время, когда вы не могли многого, когда вы не владели многим, где вы зависели от других, были маленьким и слабым. В Царстве Божиим можно быть только ребенком, беспомощным и бедным.

Вы должны больше читать Библию, чтобы открыть в ней Блаженство нищих и размышлять о нем. Я говорю не только о нескольких строках Евангелия, называемых этим терми-

ном: «Блаженства». Ибо Библия вся целиком есть Блаженство нищих. С первой страницы до последней она их хвалит.

Важно, однако, хорошо понять, что значат эти слова: «нищета», «нищий»; значение их тщетно искать в словаре Ларусса, но лишь в священном тексте. В самых древних из этих текстов еврейское слово, которое означает «нищий», представляло собой конкретное понятие: «попрошайка», «тщедушный», «согбенный»; оно выражало физическое состояние бедняка, нищету. С течением веков эти слова стали понемногу принимать религиозное значение; они стали выражать скорее состояние души, чем физическую или социальную реальность. Нищим стали называть того, кто смиренно ищет Бога, прибегает к Нему, боится Его, служит Ему. Не трудно усмотреть, впрочем, как произошел переход от одного смысла к другому: совершенно естественно, иудей, у которого не было денег, не было работы, который не ел досыта, которого притесняли власть имущие, не находя защиты у людей, обращался к Богу.

В конце, в последние века перед пришествием Христа, нищие, «анавим» — это просто благочестивые иудеи, независимо от того, были ли они лишены материальных благ или нет. Но это понятие «нищий» хорошо им подходило: они также испытывали нужду, духовные голод

и жажду — они алкали и жаждали «утешения Израилева», алкали и жаждали Бога. Это к ним обратился Христос на горе: «Блаженны нищие духом, блаженны страждущие, блаженны плачущие...» И самая блаженная из всех, ибо самая нищая — это Пресвятая Дева Мария.

Понимаете ли вы теперь, почему молитва для вас необходима? Она делает из вас, на полчаса в день, нищего. Будьте же блаженны! Осознали ли вы, почему я назвал благодетельным ваше бессилие в молитве? Оно приведет вас к тому, что вы примиритесь не только с вашей неспособностью молиться, но и до конца познаете и примете вашу неспособность спасти собственными силами. Она обяжет вас примириться с состоянием просящего с протянутой рукой, который надеется получить все даром от нескончаемой любви Божией. Будьте упорны, прошу вас: понемногу покой заменит в вас раздражение, и вы сумеете пребывать у ног Божиих, будучи счастливы собственной нищетой. Вы поймете наконец, что молитва означает открывать свою нищету Богу.

Во всякой нужде прибегайте к молитве «нищих» (часто называемых также «мальми», «смирненными», «угнетенными», «убогими»), которую сохранили для нас псалмы.

28. Признать себя банкротом

Знаете, о чем я думал, читая ваше последнее письмо? Что даже в вашей молитвенной жизни вы действуете как глава предприятия. У меня нет, поверьте, никакого предубеждения против деловых людей, одним из которых вы являетесь, наоборот, я втайне восхищаюсь теми человеческими качествами, которые определяют вашу силу и ваш успех: инициатива, ясность взгляда, умение доводить дело до конца, организаторские способности, деловитость. Но молитва не есть человеческое дело, и умонастроение делового человека здесь неприменимо. Однако, как мне кажется, я различаю признаки такого умонастроения в ваших реакциях. Во время нашей последней встречи вы меня спрашивали о предмете молитвы и были разочарованы, когда я вам сказал, что ничего лучше Евангелия мне для этого неизвестно. «Чтение Евангелия мало помогает мне в молитве»,

— отвечали вы. Ваше письмо содержит жалобу, что в наших «Заметках» невозможно найти точного метода молитвы. Все это выдает, по-моему, ваше умонастроение главы предприятия, озабоченного его эффективностью, продуктивностью, прибыльностью. Я далек от мысли сказать что-либо дурное об этом древнем инстинкте успеха, глубоко укорененном в нашем существе; человечество обязано ему своим развитием и многими своими достижениями, и если он одновременно причиняет много зла, то в этом следует винить не его, а эгоизм, тщеславие, властолюбие, которые используют его для своих целей. Однако, в молитве этот инстинкт успеха есть худшее из препятствий. Молитва не человеческое дело, в котором следует добиться успеха; это самоотречение, которое следует принять. И, возможно, как раз поэтому вам так трудно ей предаться. Отречение вам кажется худшим видом малодушия: не для того ли существует всякая трудность, чтобы ее преодолеть; не для того ли всякое сопротивление, чтобы его победить? И вы, несомненно, правы в деловой сфере. Но не так в молитве.

Вот вы приступаете к молитве. Вы вопрошаете страницу из Евангелия, но она не отвечает; вы стучите, но дверь остается запертой; ничего больше и не требуется, чтобы привести вас в ярость. Не в ваших привычках смиряться с тем, чтобы люди и вещи вам сопротивлялись. И

потом, думаете вы, для чего же тратить драгоценное время, которое можно было бы употребить с гораздо большей пользой, хотя бы на службе Божией? Или же, пусть вам дадут эффективный метод молитвы! — Так вот нет же, необходимо, чтобы вы смирились с сопротивлением этой страницы, которая не открывает вам своего секрета. Дело не в том, чтобы найти дружю, более красноречивую, или же чтобы взять духовную книгу, оказывающую на вас большее воздействие, или открыть безошибочный метод медитации; дело в том, чтобы признать свою неспособность постичь мысли Божии, смириться перед этим немим текстом, простереться ниц перед безмолвной запредельностью Бога. В том, чтобы ждать в состоянии грешника, пока Господь соизволит снисходиться над вами и дарует вам благодать молитвы, ту благодать, на которую у вас нет ни малейшего права и которую Он даст вам даром в свое время.

Благодать дается даром, но не по капризу; если она запаздывает, то не потому, что Бог колеблется ее давать, но потому, что это вы медлите приготовить в себе пути, следуя по которым, Господь желает вступить в обладание вашим существом.

Мне приходит на память одно воспоминание, которое лучше других будет способно помочь вам уловить смысл сказанного. Жена моего друга, чей торговый дом был накануне кра-

ха, пришла ко мне однажды в полном замешательстве: она никак не могла понять переживаний своего мужа при этих обстоятельствах. «Нет слов, — сказала она мне, — чтобы передать то, что с ним происходит: страдание, упадок духа, — ни одно из этих понятий не подходит; это гораздо больше, чем страдание, и это не упадок духа, поскольку он делает все, чего требует ситуация. Это, скорее, особый вид смерти, так, словно бы он был поражен в самом источнике своей жизни, в самом своем достоинстве человека. Несомненно, мы, женщины, не способны представить себе ту внутреннюю катастрофу, какой является для мужчины крах его предприятия, его творческих усилий. Разве только в сфере любви нам знакома подобная скорбь». Гораздо лучше моей посетительницы вы можете представить себе смятение человека, доведенного до банкротства. Возмущение, которое вы испытываете, не того же ли свойства? Всю жизнь вы действовали успешно, а здесь терпите неудачу. Повсюду вы должны бороться, а здесь — сложить оружие, признать свое банкротство. Это противоречит всем вашим привычкам и, более того, основным устремлениям вашего существа. Вы любите побеждать, и вы правы, но поймите, что с Богом наша победа состоит в том, чтобы признать себя побежденным. Посмотрите на св. Павла на пути в Дамаск.

В повседневной жизни вы говорите: «Я желаю». В молитве вам следует сказать: «Я прошу». Здесь вы уже не солидный человек, обладающий авторитетом, но ребенок, который просит, который кланчит, который протягивает руку, здесь вы банкрот, согласный с унижением.

Чтобы добиться жизненного успеха, нужно уметь, желать, мочь. Чтобы добиться успеха в молитве, вам нужно согласиться ничего не уметь и не знать, ничего не желать, ничего не мочь для того, чтобы Бог дал вам Свое знание, Свою волю, Свое могущество.

«Это противно природе!» — сказали вы мне как-то. Да, я хорошо знаю, что для вас будет мучительно — и для вас больше, чем для кого-либо другого, — оставаться бессильным перед Богом и что вы предпочли бы любую активность, приняли бы любое другое страдание. Но как раз в молитве произойдет то превращение вашей природы, то обращение, которое одно способно сообразовать вас с воздействием Божиим.

Не думайте, однако, что я вас призываю к какой-то квиетистской¹ пассивности. Отказаться от борьбы, признавать свое банкротство

---

¹Квиетизм — учение, доводившее принцип покорности воле Божией до полной пассивности, бездеятельности. Осужден Церковью. — А. М.

во время молитвы — это очень содержательное действие, оно предполагает напряженную духовную активность: вы при этом верите в присутствие и действие Божие, вы безжалостно умерщвляете в себе то, что требует жизни и успеха; вы отдаете себя или, скорее, вы спокойно и жертвенно ожидаете, что Бог придет взять вас.

29. Зависимость

Сначала — выдержка из письма, которое я только что получил:

«Мне сорок лет, и я никогда до сих пор не болел. Таким образом, болезнь оказалась для меня совершенно неизведанным опытом, и, уверяю вас, приятного в нем было мало. В первые дни во мне нарастало возмущение. Я переходил из рук в руки, как некий предмет, с которым обращаются, как кому угодно, и даже не удостоивают его серьезного ответа, когда он требует объяснений. А ведь в своей обычной жизни я не мог перенести даже того, чтобы моя секретарша переставила на моем столе пресс-папье! Что за ужасное ощущение — быть не более, чем вещью!.. О да, разумеется, такой вещью, о которой заботятся, которую обследуют, чинят, проверяют, способна ли она еще хорошо функционировать, но все равно — вещью, т.е. чем-то пассивным. Я с завистью думал о самом

последнем бродяге: он — самый настоящий князь, ибо он хозяин самому себе, в сравнении с этим буржуа в комфортабельной клинике, который теперь не больше, чем вещь в руках других».

Я хочу поделиться с вами мыслями, пришедшими мне в голову, пока я читал эти строки. Они продолжают нашу последнюю беседу.

Мой корреспондент прав: нет ничего более непереносимого для свободного человека, законно гордящегося своей автономией, чем стать зависимым. Это означает ни много ни мало, как утратить свое человеческое достоинство. Но, по правде говоря, независимость представляет собой явление морального порядка. В госпитале, в концлагере, под пытками люди остаются свободными. Их тело становится добычей других, но их душа ускользает от насилия. И лишь когда человек сдается, он делается вещью. Я признаю, однако, что и физическая зависимость есть ограничение независимости, вот почему она также представляется непереносимой.

Но вот любящий человек испытывает неодолимую потребность пожертвовать свою независимость, которая ему столь дорога, тому, кого он любит, и как раз потому, что для него это самое высшее благо, и пожертвовать им — значит неопровержимо доказать, что он любит

этого другого более, нежели самого себя. Вот почему он бывает счастлив объявить себя достоянием, вещью другого. В XVII столетии называли себя рабом любимого существа, ибо положение раба такое же, как вещи, которой кто-то другой располагает по собственному усмотрению, а не такое, как у личности, пользующейся полной автономией.

Молиться — значит переносить эти чувства в наши отношения с Богом. Это значит — радоваться и гордиться тем, что мы желаем быть достоянием Божиим, Его вещью. Это покой в зависимости добровольной, желанной, отрадной: «Как посох в руке странника», — писал Пеги. И человек молитвы тем больше ценит эту зависимость, чем больше ему открывается, насколько она всеобъемлюща и от природы нам присуща. Он мог бы восстать против нее, но он не может сделать так, чтобы не быть обязанным Богу своим существованием, и не только раз и навсегда, но и в каждое мгновение. Молитва есть то время, когда человек, освобождаясь от иллюзии собственной автономии, которой он порою поддается, снова сознает свою глубокую зависимость. Он соглашается на нее, он предает себя в руки Отца, как вещь, которой он Ему предоставляет распоряжаться: «В руки Твои, Господи...»

Очень хорошо понял все это один старый священник, вся духовная жизнь которого вращалась вокруг идеи зависимости от Бога, и который однажды мне признался: «Мне достаточно бывает только подумать о слове “зависимость”, чтобы войти в молитвенное состояние».

30. На просвет

Написав вам, что основным расположением в молитве должно быть отдание себя Господу, я вдруг засомневался. Не натолкнул ли я вас на одну ошибку — столь всеобщую, что удивительно бывает встретить кого-либо, кому удалось ее избежать?

Дело в том, что мы считаем себя хозяевами самих себя, независимыми, свободными. И полагаем, что наилучшим употреблением нашей свободы, самым прекрасным поступком будет именно отказ от нашей независимости, принятие зависимости от Бога, отдание себя Ему. Некоторые, похоже, недалеко даже от мысли, что Господь им должен быть еще весьма обязан за этот ценный дар.

Верно, что нет ничего более великого для свободного существа, как сделаться зависимым от другого ради любви: как невеста в день своей свадьбы. Но не верно, что мы являемся хозяевами самих себя по отношению к Богу.

Взгляните на лист бумаги на просвет: вы различите там водяные знаки с именем фабриканта. Посмотрите на человека в божественном свете, и вы увидите начертанным на самой ткани его существа имя Господа. Бог есть автор человека, человек принадлежит Ему, как урожай крестьянину, как статуя скульптору, и даже не «как», а намного больше. Вещи принадлежат человеку, потому что являются плодами его труда, но они не ему обязаны всецело своим существованием: не он их сотворил; тогда как человек все, что имеет, имеет от Бога; тем самым, он принадлежит Ему принадлежностью гораздо более радикальной, глубокой, всеобщей, окончательной, исключительной. Все в человеке — от Бога: его разум и сердце, его тело и его душа, то, что он делает и то, чем владеет. Знает ли он это или нет, согласен ли он с этим или отрицает это, но реальность такова: он Божий, он принадлежит Богу. И эта зависимость возникает не из того, отдает ли он себя или нет.

Что же тогда следует понимать под «отданием себя Богу»? — Безусловно, не то, что эти слова означают в человеческих отношениях. По отношению к Богу, отдавание себя означает признание факта, неопровержимого, бесспорного, неизменного, что мы принадлежим Ему, что мы являемся Его достоянием. Это надо

принять разумом, согласиться от всего сердца, признать со всею готовностью нашей воли. И таким путем совершается существенная переменна: отношение зависимости превращается в отношение любви.

Проклятый так же, как и святой, принадлежит Богу. Но в то время, как эта зависимость составляет блаженство второго, ее приемлющего, она терзает первого, поскольку он с яростью отвергает ее. Для одного она есть единение в любви, а для другого — ад. Но для обоих она есть.

Итак, когда вы молитесь, остерегайтесь наивного и претенциозного расположения души такого человека, который желает сделаться зависимым от Бога через похвальное дарование себя. Напротив, поспешите осознать, что вы принадлежите Богу, что вы Ему принадлежите до самой глубины вашего существа, — и вы испытываете от этого смиренную и тайную радость, ощущение полной защищенности. А затем согласитесь на эту принадлежность от всего сердца, от всей души и от всего вашего духа: вот это и значит — отдать себя Богу.

«СИЯ ЖЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ — ДА ЗНАЮТ ТЕБЯ»

Как и во всякой любви, знание любимого играет первостепенную роль в наших отношениях с Богом, и особенно в молитве. Нужно знать, чтобы любить, знать лучше, чтобы любить лучше.

Знание Бога вызывает любовь к Богу, и, наоборот, любовь, по слову св. Августина, «стремится ко святой отраде молитвы», где она обновляется и укрепляется во все лучшем познании Господа (**1. Время, украденное у Бога**). — Усердное размышление о совершенствах Божиих дает расцвести в нас основным настроениям молитвы: поклонению, хвале, благоговейному страху, благодарению, самоотдаче (**2. Отвечать Богу**). — Наша сверхприродная способность познавать — это вера. Она нередко дремлет, и потому необходимо пробуждать ее в нас, упражнять ее и развивать с помощью размышлений и молитвы. Тогда она становится жаждой познать Бога живого (**3. Познавать, чтобы любить**). — Чтобы дать Себя познать, Бог обращается к нам различными способами. Его нам открывают Его дела и среди прочих — брак, в котором отражается божественная любовь (**4. Письмо Полю и Монике**). — Размышление о великих законах, управляющих супружеской жизнью, позволяет лучше понять требования и

сокровища молитвенной жизни, которая ведь тоже встреча, общение в любви (**5. Одному жениху**). — Но еще больше, чем в Своих делах, Бог открывается нам в Своих словах. Если мы недостаточно размышляем над Писанием, наша вера чахнет; но питаемая словом Божиим, она приносит обильные и сладостные плоды (**6. Иссохший сад**). — Не довольствуясь тем, чтобы обращаться к нам при посредстве Своих дел и Своих вестников — пророков, Бог нам послал Своего Сына. «Его слушайте»: таково повеление Отца. Нам нужно быть внимательными к Нему, внимать Ему всем нашим разумом, всем сердцем, всем нашим существом (**7. «Его слушайте»**). — И тогда мало-помалу познание неизмеримых богатств Христовых пробуждает в нас восхищение и любовь, раскрывает в нас источники молитвы (**8. «Неисследимые богатства Христовы»**). — Но главное откровение Христос дает нам с высоты креста. Тем самым, крест есть книга, над которой должны мы неустанно размышлять (**9. Самая мудрая книга**). — Следует, однако, научиться понимать ее язык: эта книга — не панегирик страданиям, но весть о всепобеждающей любви (**10. Молиться перед распятием?**).

31. Время, украденное у Бога

Было бы весьма несправедливо, если бы кто посмел вам сказать: «Часы, которые вы проводите в молитве, есть время, украденное у Бога, ибо Бог ожидает вас в том ближнем, которого вы покинули ради молитвы!». Можно ли так решительно заблуждаться относительно конечной цели человеческой жизни? И столь презирать в этом отношении мирян? — Ибо это значит именно презирать их, не признавать за ними иного права служить Богу, как только на манер рабов — рабов, которым запрещено возводить взор к высокому господину, которому никогда не придет в голову допустить их к своей близости.

Вы руководите вашим предприятием, находитесь в постоянной заботе о социальной справедливости, лучшая часть вашего досуга посвящена Обществу помощи развивающимся странам, которое вы основали; мало того, вы еще

муж и отец, весьма привязанный к своей семье... и вас еще должна беспокоить совесть из-за того, что вы оставляете себе полчаса каждый день и одно субботнее утро в месяц для молитвы и для размышления над словом Божиим!

Я умоляю вас, не поддавайтесь несправедливым упрекам! «Ересь активизма», о которой говорил Пий XII, еще не исчезла.

Если бы воспитание веры, размышление, молитва были роскошью или просто времяпрепровождением, подобным коллекционированию марок, игре в бридж или же услаждению себя чтением Монтеня, Сен-Симона либо писем Вольтера, я бы понял тогда вашу щепетильность. Но для христианина стараться как можно лучше познать Бога есть наиважнейшее. Вы, вероятно, возразите мне, что любовь превосходит познание. Это верно, но познание и любовь тесно связаны. Возрастание в любви почти что невозможно без настойчивого «искания лица Божия», согласно излюбленному выражению псалмопевца. На сверхприродном уровне так же, как и на простом человеческом, чем лучше мы знаем, тем лучше мы любим, а чем лучше любим, тем сильнее желаем лучше узнать.

К тому же, Сам Бог призывает человека познавать Его: *«Остановитесь и познайте, что Я — Бог»* (Пс 45, 11).

Св. Фома Аквинский уточняет: «Дружбе свойственно общение между друзьями. Общение же человека с Богом происходит в созерцании».

Разумейте под созерцанием то усилие (подобное вашему) к познанию Бога через чтение и молитву, или, точнее, то простое, проникающее и отрадное познание, к какому обыкновенно приводит такое усилие.

Св. Августин оставил нам на эту тему отрывок, который, я надеюсь, совершенно вас успокоит: «Любовь к истине стремится к святому досугу молитвы, но обязанности милосердия влекут нас к праведным трудам. Когда нам не предлежат эти труды, надобно предаваться поискам истины и созерцания; если же они есть, милосердие требует, чтобы мы их исполнили. Но даже и в этом случае, важно не оставлять совершенно радости созерцания, из опасения, чтобы, лишённые этой отрады, мы не изнемогли в трудах».

32. Отвечать Богу

В психологии и в биологии много времени уделяют изучению реакции, определяемой, как ответ живого существа на возбуждение. Я задаюсь вопросом, почему в духовности так мало внимания уделяют этому понятию? Ведь, в некотором смысле, о духовной жизни — и особенно о молитве — следовало бы сказать, что она есть реакция человека на присутствие Божие.

Поклонение, самоотдача, хвала, страх, благодарение, посвящение, т.е. все основные религиозные настроения человека в молитве, ни с какой иной точки зрения совершенно непонятны.

Когда мысль о Трансцендентности (Запредельности) Божией предстает перед вами или внезапно, под воздействием благодати, или же в результате усиленного размышления, разве не охватывает вас непреодолимое стремление простереться ниц, подобно бедуину во время

намаза? Простереться не только своим телом, но и всем разумом, всем сердцем, всею жизнью?

Когда вам открывается, что все происходит от Бога, разве не испытываете вы потребности возратить Богу все ваше существо в порыве самоотдачи и покорности?

Когда вы созерцаете отблески Божественного Сияния в творении, то разве не поднимается восхищение от вашего сердца к устам для песни хвалы? Сколько псалмов родилось от такого созерцания!

Если Бог позволяет вам увидеть нечто от Его Святости, то разве не испытываете вы того чувства, которое англичане называют *awe*, почтительный страх, трепет всего существа, острое осознание не только того, сколь вы малы у подножия Величия Господня, но и сколь вы греховны? «Горе мне! погиб я! — восклицал Исаия, столкнувшись внезапно лицом к лицу со Святостью Господней, — ибо я человек с нечистыми устами» (Ис 6,5).

Если вам случится припомнить то многократное действие благодати, которое проявилось в вашей жизни, то разве не охватит вас ощущение благодарности, как бы порыв благодарной твари к своему Творцу, радостный прыжок ребенка к своему Отцу?

И если однажды бесконечная любовь, которой вы любимы, слегка вам приоткроется, то разве вы не ощутите неодолимую потребность посвятить себя Богу через отдавание Ему всего своего существа?

Уловили ли вы теперь, что я вам говорил: молитва есть ответ нашего существа на присутствие Божие? Несомненно, не все эти настроения должны обязательно быть равно выражены в каждой нашей молитве: то или другое будет преобладать; но религиозная основа, откуда проистекает наша молитва, состоит из этих великих переживаний, которые настойчивая молитва накапливает понемногу.

Рассчитывать извлечь из самого себя эти порывы молитвы без того, чтобы начать с размышления о совершенствах Божиих, было бы столь же абсурдно, как для зеркала абсурдно было бы мнить, что оно изливает свет из самого себя.

Когда-нибудь, возможно, Бог соблаговолит приоткрыть вам то или другое из Своих совершенств. Но, в ожидании того, вам нужно продвигаться к их открытию на ощупь, размышлять, не унывая, питая свои силы радостной надеждой.

33. Знать, чтобы любить

Должен вам признаться, что ваше пренебрежение к размышлению не кажется мне оправданным. Вы правы, думая, что молитва не должна быть интеллектуальным упражнением, но временем дружеской близости с Богом, где разум должен уступать место сердцу. Но я боюсь, как бы под предлогом защиты первостепенной важности любви, вы не отказали в должном внимании тому, какое место должно занимать познание Бога в молитве. Вы поддаетесь здесь стремлению, обычному для женщин, в то время как мужчинам свойственно уклоняться в сторону интеллектуальности. Обе тенденции рискованны. Необходимо предупредить мужчин об опасности, которая им угрожает и которая тем более существенна для них, что их внутренняя жизнь разделена на различные сферы, а между интеллектуальностью, сердцем и волей не всегда есть связь: познание

не ведет их с неизбежностью к любви. Но молитва, исполненная аффектов, которую вы так цените, и совершенно обоснованно, таит в себе другую опасность, а именно, что любовь, недостаточно питаемая познанием, вырождается в сентиментальность.

По правде говоря, это слегка презрительное неприятие размышления является отличительной чертой не только женщин, но и всего вашего поколения. Несомненно, оно возникло, как реакция на известные методы размышления, которые наши современники обвиняют в том, что они заключают душу в темницу вместо того, чтобы давать ей крылья. Но вызывает сожаление, что недоверие, более или менее заслуженное определенными методами размышления, распространяется на всякое усилие к познанию Бога.

Вспомните проповедь, которую вы слушали вместе с вашим мужем месяц тому назад. Я говорил тогда о супружеской любви, которая увядает, если супруги отказываются от усилий ежедневно выходить навстречу друг другу, чтобы постоянно заново открывать друг друга. Точно так же в наших отношениях с Богом: любовь хиреет, когда ослабляется усилие к познанию. Познание и любовь или, по-другому говоря, вера и любовь тесно связаны друг с другом.

Не соглашайтесь же на веру дремлющую, на смутное познание Бога, пробудите ее. Как? Так же, как по утрам вы будите вашего маленького Марка: сперва он с трудом раскрывает свои отяжелевшие от сна веки, ничего не понимая, и готовый вновь погрузиться в сон. Но вы снова его окликаете, он пробуждается наконец, его взгляд встречается с вашим улыбающимся взглядом; он также улыбается в ответ, и внезапно в нем вспыхивает интерес к наступающему дню, который обещает быть таким чудесным! Точно так же и здесь: предложите взгляду вашей веры то, что способно приковать ее внимание, заставьте ее вновь обратиться к лику Божию, который она уже почти не различала в своей полудреме.

Но не надейтесь, что удастся в несколько мгновений, ни даже в несколько недель пробудить уснувшую веру, что удастся так скоро придать ей радость, пронизательность, интенсивную жизнь. Великим средством вновь воодушевить ее, обогатить, оживить является медитация, т.е. молитва-размышление. Тем, у кого есть живая вера, ибо они упражняют ее в течение дня с помощью учения и размышлений, не остается ничего иного, как только любить, когда они приступают к молитве. Другим же предстоит терпеливо и тщательно упражняться в познании Бога через медитацию. В конце концов их вера непременно пробудится,

оживет, возбудит в них любовь и поддержит их молитву.

Я советую вам повторять время от времени молитву св. Августина, которая пробудит в вас потребность познания и поощрит ваши поиски: «Господи, мой Боже, моя единая надежда, услышь меня! Не допусти, чтобы по расслабленности я прекратил искать Тебя, но сотвори, да пламенно ищущи лица я Твоего. Даруй мне силу искать Тебя, Тебя, Который позволяешь мне все более и более находить Тебя. Перед Тобой и сила моя, и моя немощь. Перед Тобою все познание мое и все мое невежество: там, где Ты отворяешь мне, прими мое вхождение; там, где Ты затворяешь, отвори на зов мой».

34. Письмо Полю и Монике

И вы тоже спрашиваете у меня книгу по медитации! Но научитесь же постигать ту, которую Бог вам дал: ваше супружество.

Поясню. Когда я был еще молодым священником, я любил навещать моего друга-художника в его мастерской. У подлинных артистов встречается одно качество души, которое, похоже, составляет их привилегию (не скажу: монополию, ибо его встречают также у святых): это особенная свежесть чувств, — может быть, следует сказать — простодушие, что-то вроде духовного детства. Мой друг обладал им в исключительной степени. Возраст словно бы отфильтровал и очистил это свойство его души. И когда он обходил свою мастерскую, показывая свои картины, восхищаясь ими, как молодая мать своим новорожденным, это ни в коей мере не стесняло зрителя: ни малейшего следа тщеславия в нем не было, только воодушевление.

Еще больше, чем на его картины, я любил смотреть на его красивое, всегда трепетное лицо; это неимоверно подвижное лицо передавало все нюансы, все разнообразие душевных вибраций, соответственно картине, которую он комментировал. Не все свои произведения он любил одинаковой любовью. Перед некоторыми он задерживался, отдавая им предпочтение. Это были, несомненно, те, где ему удалось наилучшим образом выразить свои внутренние переживания. Он им радовался детской радостью, которая предвосхищала мою реакцию и возрастала по мере того, как я все больше проникался пониманием его картины или, скорее, тех его чувств, отражением которых она являлась.

Сколько раз я думал о Боге, покидая эту мастерскую; Бог в обширной мастерской, какой является вселенная, ведет нас за руку, чтобы показать нам Свои произведения, дать нам прочесть их по складам, помочь нам открыть их глубокое значение, ввести нас через них в Его собственные мысли и Его чувства. Не все Его творения привлекают Его в равной степени. Есть среди них такие, перед которыми Он останавливается и задерживает нас подольше: это те, в которые Он вложил Свое самое лучшее, через которые Он раскрывает нам самые возвышенные Свои совершенства. Любовь, единение мужчины и женщины — из их числа.

Все было уже сотворено, день за днем, и в день шестой сотворение человека увенчало все здание. И тем не менее, божественное предприятие оставалось незавершенным, предстояло еще установить супружество. И тогда Бог сотворил Еву и соединил ее с Адамом. Это единение мужчины и женщины выражало Его великое, Его чудное намерение, которое проглядывало в дали грядущих времен: единение Сына Его со спасенным человечеством. Как же Ему было не испытывать предпочтения к этому последнему из всех Его творений, к супружеству?

И потому нет ничего неожиданного, что мы никогда не перестаем делать открытия в жизни супружеской пары. Ничего удивительного, что все мистики, следуя за Библией, прибегают к образу супружества, чтобы раскрыть нам сокровища любви, которые хранит для нас единение с Христом. Поймите, наконец, Поль и Моника, что то, чем вы живете, исполнено смысла. Не уподобляйтесь тем невеждам, которые при виде исписанной страницы и не подозревают, что здесь нечто сказано, что это, возможно, прекрасная поэма. Ваше супружество не есть только великая человеческая реальность, оно богато и сверхъестественным значением: есть Некто, Который через него открывает вам Свое сердце, Свое пламенное желание завязать меж каждым из вас и Собою связи

любви еще более глубокие и блаженные, нежели связи супружества; Некто, Который при посредстве вашего брака желает помочь вам понять, чего Он ждет от вас, каковы должны быть ваши отношения с Ним во все время вашего существования.

Я хочу привести вам три отрывка, которые покажут вам, как следует читать и понимать ту притчу, какой является человеческая любовь. Я говорю «притчу», ибо смысл ее не высказан ясно, необходима некоторая «невинность взгляда», чтобы распознать в супружестве божественную миссию, которую оно несет.

Первый я нашел в письме одного друга, который живет в Марокко. Его жена провела отпуск во Франции, вдали от него, но возвращение уже близко, он готовит все к этому возвращению, и прежде всего, он готовится сам... И смотрите, куда возносится при этом его мысль:

«Я ожидаю Франсуазу через неделю. Если мы будем готовиться к причастию, как мы готовимся к приезду жены, я думаю, мы сделаем значительные успехи в познании и любви Христа».

Второй — это отрывок из «Писем к невесте» Жака Майе. У него было очень сильное чувство, что хотя любовь Божественная превосходит

любовь человеческую, однако последняя не утрачивает от этого своей цены. Любовь к Мадлен заставляла его думать о Боге, любовь к Богу заставляла его думать о Мадлен:

«Думать о вас, Мадлен, значит чувствовать себя обязанным обрести вновь наивную радость, это значит — стараться сражаться с печалью, чтобы быть более достойным вашего взгляда. То, как я отношусь к той, которую люблю, учит меня, как я должен относиться к Богу, испытывать более живое желание быть в Его присутствии, исполнять Его волю, которая никогда не бывает капризом; быть внутренне сосредоточенным, чтобы чувство Его присутствия погасило во мне всякую тягу к недолжному. Если бы я испытывал такую же тоску по Богу, какую я испытываю по своей маленькой Мад! Если бы каждую минуту у меня была мысль об избавлении ото всего, что разделяет меня с Ним, подобно тому, как я стараюсь избавиться от всего, что стоит между мной и вами!»

И наконец, свидетельство, выбранное из многих, которые поступили в ответ на анкету, опубликованную в специальном выпуске *Апнеан д'Ор*¹, «Господи, научи нас молиться». Од-

¹«Золотой Перстень», религиозный журнал, издававшийся параллельно с «Записками о молитве» о. Анри Каффарелем. — А. М.

на женщина открыла для себя, в чем суть молитвы, исходя из супружеского диалога. Этот диалог, который порой в безмолвии достигает степени сверхчеловеческой, не есть ли в плане человеческой любви то же, что молитва — в плане единения человека с Богом? — Время тесной близости, когда она выражается наиболее совершенным образом и вместе с тем обновляется:

«Приняв решение приступить к регулярной практике молитвы, я как бы очертя голову бросилась в воду, не представляя себе хорошенько, как надо взяться за дело. Но тут же, внезапно, вспыхнул свет. Следовало, несомненно, прежде всего привести душу в состояние тесной близости с Богом. Но тогда это совсем просто! — я была уже научена такой «гимнастике» посредством нашей супружеской жизни. Когда я хочу провести вечер с мужем в подлинной близости, я заставляю умолкнуть во мне всякое журчание домашних забот, забот о детях, всех незаконченных дел; я стараюсь освободиться от этого всего, предоставить себя в распоряжение моего мужа, слушать его о его заботах, о его мыслях, о его неудачах... И после этого, возможно, мы будем говорить как раз о детях, о моих собственных заботах, но в очищенной атмосфере.

Оглядка на нашу супружескую жизнь послужила для меня первым посвящением в молитву.

Много раз в дальнейшем, испытывая ощущение, что я топчусь на месте, я хотела бы, например, погрузиться в биографию св. Терезы, но всякий раз что-то меня останавливало. И я поняла тогда, что есть другая биография, с которой мне следует сверяться: именно та, которую мы каждый день пишем вдвоем».

Итак, я показал вам, Поль и Моника, ваш собственный путь, следуя которому, вы должны будете расшифровать притчу вашего супружества, сделать в ней ваши собственные открытия. Но не забывайте, по примеру апостолов, просить Христа разъяснить вам ее смысл, чтобы не уподобиться тем, о которых Учитель говорит: *«Они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают. Ибо огрубело сердце людей сих, и не обратятся, чтобы Я исцелил их»* (Мф 13,13.15).

35. Одному жениху

Мой дорогой Франсуа, в моем последнем письме я предлагал вам воспользоваться тем счастливым временем, каким является период помолвки, чтобы раскрыть богатства и требования любви, и таким образом заложить прочные основания для вашего брака. Но также и ваше единение со Христом должно весьма обогатиться от этого чудесного опыта помолвки.

Да, я хорошо знаю, нередко говорят, что у влюбленных разум и сердце заняты, замкнуты на себя. Но это правда, лишь когда речь идет о любви эгоистической, собственнической, плотской. Не так у истинных христиан. Их любовь, напротив, раскрывает их навстречу другим, миру, Богу. Я очень часто это замечал.

Пусть же ваша помолвка станет дорогой к Богу! Пусть она не только побудит вас воздавать Ему благодарение за ваше счастье и просить Его о помощи, но, прежде всего, пусть она

поможет вам продвинуться дальше по пути близости со Христом! Жизнь со Христом (и особенно молитвенная жизнь) есть также диалог любви, духовная встреча, общение душ. Правда, в отношениях влюбленных большую роль играют чувства и переживания, любовь же души ко Христу, отнюдь не исключая чувств и эмоций, коренится прежде всего в вере. Но это никак не умаляет того факта, что одни и те же основные законы обнаруживаются на всех уровнях любви.

Чтобы проиллюстрировать свою мысль, я приведу конкретный пример из недавно полученного мною письма:

«В далекие времена моей помолвки у меня сложилось обыкновение начинать молитву с принесения Богу моей радости. Вот, как я к этому пришел. С тех пор, как я встретил Бернадетту, стоило мне только перестать ощущать, что она счастлива, как я чувствовал себя глубоко подавленным. Не менее несчастным ощущал я себя и тогда, когда в своих письмах она не говорила, что разлука ей тяжела. Зато, когда мы были вместе, если я замечал, что радость блестит в ее взоре, меня охватывало невероятное счастье. И точно так же, когда она мне писала, что страдает от разлуки со мной. Эти мои реакции стали меня беспокоить. Почему, действительно, я так хотел, чтобы она была счастлива возле меня и страдала в разлуке со

мною? Не было ли то чувством примитивным, эгоцентрическим, обнаруживающим более мою любовь к самому себе, чем бескорыстную любовь к ней? Помню, что я долго мучился над этим вопросом, до того дня, когда внезапно вспыхнул свет: когда кого-нибудь любят, то хотят ему счастья; когда представляют себя соединенным с любимым существом, то не могут не задаться вопросом, способны ли мы сделать его счастливым, быть его счастьем? Та любовь не истинна, которая не задает себе с тревогой этого вопроса. В тот день, когда я это понял, я освободился от всякого беспокойства и угрызений совести, и я гордился так, словно я был первым, кто сделал подобное открытие. Когда назавтра во время нашей встречи Бернадетта спросила меня, что бы она могла сделать, чтобы я стал счастливым, я, не задумываясь, отвечал: «Ни что иное, как только самой быть счастливой, счастливой моим присутствием, моей любовью, счастливой мною. Радость, которую я часто читаю на твоём лице, ловлю в твоём взгляде, угадываю в твоём сердце, — вот твой самый дивный дар, о котором я только мог бы мечтать».

«Вечером того же дня, — продолжает мой корреспондент, — молясь перед сном, я внезапно подумал: «Если Бернадетта не может сделать ничего лучшего для меня, для моего счастья, как только являть мне свою радость от мо-

ей любви, то, несомненно, я не могу сделать ничего лучшего для Бога, как представить Ему мою радость, радость от Его присутствия, от Его любви, от Его счастья”. Я заметил тогда, что эта моя радость была почти что безжизненной, и ощутил от этого великий стыд. И я дал себе обещание обращаться к Богу более усердно, чтобы эта радость возрастала во мне и чтобы моя самоотдача стала Ему более приятна. Прошло много лет, я почти никогда не опускал каждодневной молитвенной практики, и всякий раз я начинал ее с принесения Богу моей радости. Таким образом, я приобрел хорошую привычку — каждый день спрашивать себя, действительно ли Бог является моей радостью? И если я замечаю, что моя радость затухает, я знаю, какой мне следует сделать из этого вывод: стать более внимательным к любви моего Бога».

Это всего лишь пример, мой дорогой Франсуа. Но, по меньшей мере, из него хорошо видно, как человеческая любовь в одном из своих аспектов может стать вступлением к любви божественной. Однако, нужно еще научиться жить этой человеческой любовью, познать ее богатства и ее требования, и различить в ней предвестие жизни в мире Благодати.

36. Иссохший сад

«Моя молитва суха, моя жизнь, похоже, не приносит больше таких плодов, как в начале моего священнического служения. Но причина этого от меня ускользает». Ваше письмо нашло меня в доме одного сельского священника, где я проводил короткий отпуск. Я читал и перечитывал его у себя в комнате при закрытых шторах, ибо солнце на дворе палило немилосердно. Цветочный горшок на моем окне имел весьма печальный вид: все иссохло. Мой друг кюре жаловался, что у него не будет овощей. Нужен был хороший дождь. Но дни шли за днями, а небо оставалось безжалостно синим.

Не этого ли недостает и вашей душе: дождя, того дождя, каким является слово Божие? Сравнение принадлежит не мне, но пророку Исаии: *«Как дождь и снег нисходит с неба, и туда не возвращается, но напояет землю и делает ее способною рождать и произращать,*

чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест: так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис 55,10-11).

Если крестьянин ничего не может сделать, чтобы пошел дождь, вам достаточно только пожелать, чтобы слово Божие оплодотворило вашу жизнь. Слово Божие не избегает нас, это мы его избегаем.

То, что вы уже несколько месяцев забросили размышления над Писанием, заставляет меня задаваться вопросом, и задать его вам: достаточно ли вы почитаете слово Божие?

Вы говорите, что вам больше не удастся размышлять. Если вы придадите слову «размышлять» его основной смысл: «размышлять о чем-то...», размышлять над словом Божиим, углубляться в его смысл, вы тогда не сможете утверждать, что вы неспособны к размышлению. Нужно еще, разумеется, в этом упражняться настойчиво и с постоянством тем большим, что ваша активная и перегруженная жизнь весьма мало этому благоприятствует.

Правда, вы уверяете меня, что вы стараетесь соблюдать тишину, стараетесь установить «пустоту» внутри себя. И я хорошо понимаю, что вы это делаете с целью предоставить в себе место Богу. Но нет ли в том ошибки? Тишина

не имеет цены сама по себе; дело не в том, чтобы умолкнуть самому или заставить умолкнуть всякий внутренний шум, но в том, чтобы слушать слово Божие, «Слово Жизни» (Флп 2,16), «Слово Спасения» (Деян 13,26), чтобы «принять его» (Мк 4,20), чтобы его «хранить» (Лк 8,15; Ин 8,51; 14,23; 15,20). Именно Слово, проникая в душу, погашает в ней шум, устанавливает тишину.

Речь не о том, прежде всего, чтобы начинать с установления в себе пустоты. О. Пле справедливо пишет: «Многие впадают в ту ошибку, что для них стать в присутствие Божие состоит в том лишь, чтобы установить в себе пустоту, освободить свою душу от всяких земных забот. При этом с горячностью изгоняют всякую постороннюю мысль, примерно так, как полицейские с поспешностью освобождают помещение, через которое должна будет проследовать важная персона; затем, с пустыми головой и сердцем (если допустить, что им удалось этого достичь), начинают ожидать “чувства” присутствия Бога. И ничего не происходит, разве что они впадают в какую-нибудь иллюзию».

Я знаю хорошо, что духовные авторы рекомендуют молитву тишины и пустоты, отречения от себя, в течение которой нужно прекратить говорить, думать, действовать. Св. Иоанн от Креста дает весьма живое описание такой

молитвы: «Простое внимание, устремленное на свой объект — так, как если бы кто раскрыл глаза, чтобы смотреть с любовью». Но такая пассивная, созерцательная молитва есть дар Божий. Ее никоим образом нельзя достичь в результате собственных усилий и ухищрений, и когда она нам не дарована, лучше действовать, чем вздыхать и ожидать, сложа руки, ее прихода или возвращения. Ветер не дует? Что ж, беритесь за весла, если вы хотите плыть дальше. Бог не говорит из глубины вашего сердца? — Слушайте Его слова в Писании. Ищите Его слово, жуйте, пережевывайте его; одним словом, размышляйте.

Молитва, вы это увидите, есть слово Божие не в его движение от Бога к человеку, но в его устремлении возврата от человека к Богу. Она есть это слово Божие, которое возвращается к Богу, *«совершив то, для чего Он послал его»*, по слову Исаии.

Напитанное словом Божиим, все в вас, словно в саду после дождя, вновь пустится зеленеть и возрастать. Жизнь, жизнь Божия, жизнь божественная, вновь забьет ключом. Вера станет в вашей душе живым, жадным, восхищенным сознанием Тайны Божией и Его любви, сознанием всегда юным, ибо всякий день обновляемым. И поскольку любовь вызывает любовь, любовь пробьется в свою очередь, столь горячая, сколь будет живой ваша вера. И

надежда знать и любить Бога все больше, видеть Царство его установившимся на земле, станет движущей и вдохновляющей силой и вашей молитвы, и всей вашей деятельности.

37. «Его слушайте»

Евангелия доносят до нас множество слов Христа, но передают только три речения Отца Небесного. Сколь же драгоценными должны быть они для нас! Одно из них — совет, единственный совет Отца Своим детям. С каким же безграничным сыновним почтением следует принять его, и с какой поспешностью ему последовать! Этот совет, который содержит всю тайну святости, очень прост и выражается всего лишь двумя словами: *«Его слушайте»* (Мф 17,5), — вот что говорит Отец, указывая нам Сына Своего Возлюбленного.

Творя молитву, мы, следовательно, прежде всего выражаем послушание Отцу, мы пребываем, подобно Магдалине, у ног Христа, чтобы слушать Его слова, или, лучше, чтобы слушать Его Самого, Того, Кто говорит нам. Ведь, действительно, к Нему еще более, чем к Его словам, должны мы быть внимательны.

Отсюда следует, что весьма желательно практиковать молитву на какую-либо евангельскую тему, но при условии, что мы будем читать эту страницу Евангелия не на манер преподавателя литературы, но как влюбленный, который за словами полученного письма слышит стук сердца своей возлюбленной.

Великое искусство — умение слушать. Сам Христос предупреждает нас об этом: *«Наблюдайте, как вы слушаете»* (Лк 8,18). Если мы подобны краю дороги или каменистой почве, или тернию, то слово Его не может возрасти в нас. Нужно быть той доброй почвой, где семена находят все необходимое для прорастания, роста, созревания.

К тому же, слушать не есть деятельность одного только разума. Все наше существо — душа и тело, разум и сердце, воображение, память и воля должны внимать слову Христа, открыться ему, предоставить ему место, дать ему окружить нас, охватить, проникнуть в нас, дать ему безоглядное согласие.

Вы понимаете, почему я употребляю слово «слушать», а не слово «размышлять». У него более евангельский оттенок и, главное, оно означает не одиночную активность, но некую встречу, некий обмен, некое взаимодействие сердец, чем, в сущности, и является молитва.

По правде говоря, не имея благодати, никто не был бы способен слушать Христа, ибо все мы глухи от рождения, дети рода глухих. Но во время нашего крещения Христос произнес слово, которое со времени исцеления глухого косноязычного, отверзло уши миллионам учеников: «*Еффафа*», то есть: «*Отверзись*» (Мк 7,34).

Слово Христа, когда мы делаемся доступными для него в молитве, обращает нас, дает нам «*перейти от смерти в жизнь*» (Ин 5,24), нас воскрешает; оно становится в нас и для нас источником, текущим в жизнь вечную.

Но слушать слово — это еще не все. «Блаженны слышащие слово, — говорит Господь, — и соблюдающие его» (Лк 11,28), блажен, кто радуется ему и питается им, кто носит его в себе как Дева Мария носила Дитя, Которое Она зачала, и Которое было воплощенным Словом. Через Свою Мать Иисус освящал тех, с кем встречался, и заставил выиграть от радости Иоанна Крестителя во чреве Елисаветы; точно также Он хочет действовать и через нас.

Но и это еще не все. Слово, услышанное и сохраненное, необходимо еще «исполнить делом» (Иак 1,25). Под этим следует понимать, что в течение всего дня нужно быть внимательным к его действительному присутствию в нас, следовать его внушениям и побуждениям. Тог-

да его энергия даст нам совершать и множить наши добрые дела, трудиться, переносить трудности, жить и умирать ради пришествия Царства Отца. И если мы будем верными, велика будет наша радость, ибо Иисус сказал: *«Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его»* (Лк 8,21).

38. Неисследимые богатства Христовы

Я был счастлив узнать о вашем решении совершить духовные упражнения. Действительно, ничто не является более важным для вас в настоящее время, как ввести молитву в вашу жизнь. Таким образом, вы отправитесь в чудесное и страшное путешествие, представление о котором может дать одна только любовь. Вы встретитесь там с величайшими радостями и величайшими испытаниями. Впрочем, «радость» и «испытание» — слова слишком слабые: вам откроется самый смысл вашей жизни и, если вы будете честно вести игру, — а заключается она в том, чтобы предоставить Христу безраздельную власть над собой, — то вы познаете ту полноту, которую хранит любовь для тех, кто исполняет все ее требования, — несравненную

полноту, которую хранит в себе самая высокая любовь.

Возвращаюсь к вашему письму и вашему вопросу: хочу ли я руководить вами? — И если я не колебался ни секунды, чтобы ответить вам «да», то после мне пришлось долгое время размышлять о том, какой же совет вам подать? Следует ли мне начать с того, чтобы ввести вас в различные формы и способы молитвы и в разнообразные методы; должен ли я сказать вам о великих двигателях молитвы: о хвале, о поклонении, о раскаянии, о прощении?.. Но размышление, а более всего — пример многих христиан, уверенно вступивших на путь молитвы, указали мне тему этого первого письма.

Вы хотите научиться молиться? — Ищите тогда познания Христа. Я не говорю о познании чисто интеллектуальном, но о познании веры и любви. И прежде всего, веруйте крепко, что Христос не есть некий персонаж, затерянный в туманных далях истории, но некто живой, Живой, который стоит у ваших дверей и стучит, как говорит Он Сам. Именно об этом Христе, о Христе, обращенном к вам, и который хочет завязать с вами личные отношения, именно о Нем следует постараться узнать, что Он думает о вас и чего Он от вас желает, о Его чувствах по отношению к вам. Чтобы не ввес-

ти вас в беспочвенные спекуляции либо иллюзии, есть одно-единственное средство: крепко сжать в руках Евангелие и более не выпускать его, и затем искать, искать безустанно. Понемногу, со все возрастающей ясностью, подлинный лик Христа предстанет перед вами и, с помощью Его благодати — ибо Он гораздо более нетерпеливо стремится открыть Себя, чем вы — познать Его, — вам откроется «неисследимое богатство» Его любви, о котором говорит св. ап. Павел (Еф 3,8).

Если понимать молитву таким образом, проблема (которая, к тому же, нередко ставится неправильно), — должна ли быть молитва размышлением, решена. Если под словом «размышление» разуместь некий строгий метод, то следует признать, что необходимости в нем нет, хотя оно и может быть полезно для отдельных натур с определенным складом характера. Если понимать размышление, как чисто интеллектуальное упражнение, без связи с любовью, то нужно бежать от него, как от молитвы ущербной и губительной: «Горе знанию, которое не обращается в любовь». Но если под размышлением подразумевать нетерпеливое стремление познать Христа, которого требует, к которому побуждает и ведет непрестанно сама любовь, — ибо тот, кто любит, мечтает знать все лучше,

чтобы любить все глубже, — тогда да, тысячу раз да: молитва должна быть размышлением.

Я убежден, что множество христиан отчаиваются практиковать молитву потому, что им не удастся полюбить Христа; но если они Его не любят, то это потому, что они не стараются Его познать. Невозможно полюбить некую тень, некое существо, которого не знаешь. Только познание несказанной любви, которую несет нам Христос, способно открыть в нас источники любви и молитвы.

Советуя вам искать прежде всего знакомства со Христом, я чувствую, что правильно следую руслу божественной педагогики. Не так ли поступил и Бог с апостолами и учениками, чтобы привлечь их? Иисус пришел к ним и предложил им Свою дивную дружбу; они видели Его, осязали, слышали; они были покорены; они отдали себя. А затем Христос однажды их покинул, произнеся озадачивающие слова: *«Лучше для вас, чтобы Я пошел»* (Ин16,7).

Но, несмотря ни на что, дружба Христа оказалась для них решающим событием. Так же дело обстоит и в молитвенной жизни: она должна приводить христиан к весьма тесному соединению с Богом, но у нее не может быть лучшей отправной точки и лучшей поддержки,

чем восхищенное узнавание непостижимой любви, одновременно человеческой и божественной, которую дарит нам Христос.

39. Самая мудрая книга

Мне кажется, вы напрасно читаете во время молитвы. Этим вы не столько питаете вашу молитву, сколько потакаете вашему вкусу, — чтобы не сказать гурманству, — к идеям. Итак, отложите в сторону все книги, или хотя бы удовлетворитесь «самой мудрой из них», как выразился однажды св. Кюре из Арса¹, вознося ей хвалу.

«Крест, — говорит он, — это самая мудрая книга, которую только можно найти. Те, кто не знают ее, невежды, хотя бы даже они знали все остальное. Нет истинных ученых, кроме тех, кто ее любит, обращается к ней, в нее углубляется. Как она ни горька, но только вкусив эту

---

¹«Св. Кюре из Арса»: св. Жан-Мари Вианней (1786-1859), выдающийся французский духовник и духовидец. На исповедь к нему приезжали со всей Франции. — А. М.

горечь, испытываешь наибольшее удовлетворение. Чем больше у нее учишься, тем больше хочется с ней оставаться. Время проходит с ней без скуки. В этой школе узнаешь все, что хочешь знать, и никогда не пресытишься тем, что там вкушаешь¹».

Мне кажется, я догадываюсь, что вы мне ответите: «Язык этой книги мне непонятен». Но от вас зависит изучить его. Христианин не может не знать его: это язык, на котором изъясняется Бог. Посмотрите на всех подвизавшихся в молитве, на всех святых, которых христианская иконография, гравюры, миниатюры, картины представляют нам у подножия креста или же с распятием в руках, погруженными в постижение его вести: разве не очевидно, что отныне никакая книга не сможет их отвратить от размышления над крестом, сим «посланием любви от Возлюбленного»?

---

¹Ср. известный диалог св. Бонавентуры со св. Фомой Аквинским. Однажды, застав своего друга за работой, св. Бонавентура, не желая прерывать его трудов, долго безмолвно наблюдал за ним, но наконец, не в силах сдержать охватившего его восхищения, воскликнул: «Что это за мудрая книга, брат, в которой ты черпаешь свои столь прекрасные мысли?» — «Вот эта книга!», — отвечал св. Фома, указывая на распятие. — А. М.

40. Молиться перед распятием?

Сударыня, прошу вас, не беспокойтесь. Ваше письмо меня ни в малой степени не шокировало. Вы небезосновательно задаетесь вопросом, уместно ли приучать ваших маленьких детей молиться перед изображением Христа на кресте, не смутит ли изображение Распятого их души? Но вы совершенно правы, подвергая сомнению те мотивы, которые приводят многих нынешних христиан к удалению распятия из своих домов, что может показаться неуважением к страстям Господним — словно бы Воскресение не требовало в качестве предварительного условия перехода через смерть! Как они далеки от св. ап. Павла, возвещавшего Коринфянам: *«Я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого»* (1 Кор 2,2).

Вопрос, подобный вашему, христианская совесть ставит с большей или меньшей остро-

той на протяжении всех двадцати веков нашей эры. Тому свидетельством христианское искусство и особенно — история изображения Христа распятого: картины, статуи, кальварии¹, распятия...

В первые шесть веков Христа на кресте изображали крайне редко. Изображение Доброго Пастыря служило для христиан той поры тем, чем служит для нас изображение Распятого. Но в дальнейшем изображение распятия стало ведущим мотивом в христианской иконографии. Распятия множились. Они имеются теперь среди изваяний соборов, они проникают во все жилища и во все общественные помещения: больницы, школы... они возвышаются на перекрестках наших дорог. Увы! Их производство нередко преследует лишь коммерческие цели, и христианский мир наводнили распятия, лишенные художественного достоинства, лишенные души. Изображения же Распятого подлинными художниками порой оказываются более чувственными, чем духовными — я вспоминаю сейчас некоторые полотна Ренессанса.

---

¹«Кальвария» (от лат. названия Голгофы *Calvaria*, что, как и слово «Голгофа», означает «череп», иносказательно — «Лысая гора»): принятый в католических странах обычай устраивать увенчанную крестом возвышенность для поклонения Крестным мукам Спасителя. — А. М.

Даже художники подлинно христианские имеют на сей счет различные концепции, которые, несколько упрощая дело, можно свести к двум основным: концепции реалистической и концепции мистической. В зависимости от времени и места им приходилось исполнять неравную роль.

Реалистический образ не является первоначальным: он явился значительно позже. Он стремится выразить прежде всего физические и моральные страдания Христа. Художники представляют Его обнаженным; тело Его изранено, измучено; порой оно доведено страданиями до такого состояния, что мы видим перед собой только жалкий человеческий обрубок. На голове — терновый венец, более или менее вселяющий ужас. Эти художники стремятся прежде всего взволновать, вызвать сострадание, возможно, возбудить отвращение ко греху; несомненно, они также предполагают побудить христиан присоединить свои страдания к страданиям Христа. Но некоторые из таких распятий словно бы даже лишены всякого религиозного содержания: кажется, что видишь символ человеческого отчаяния, а не знак спасения человека Сыном Божиим, ставшим Человеком.

Авторы стремятся передать истину человеческую и историческую, но на деле эти «реалистические» распятия искажают истину или, по меньшей мере, упускают основной аспект этой

истины. Они изображают человека страждущего, но не Бога торжествующего; мучения плоти, а не победу любви. Если бы Христос не представлял для свидетелей Его страдания ничего, кроме зрелища человеческого отчаяния, если Он был тогда всего лишь жалким человеческим обрубком, то разве сотник, стоявший у креста, воскликнул бы: *«Истинно Человек Сей был Сын Божий»* (Мк 15,39)?

Противоположная концепция представлена в распятиях, называемых «мистическими». Подход здесь совсем другой. Христос показан одетым, порой даже в длинной тунике; на голове Его венец, обыкновенно терновый, но иногда это царский венец. Его глаза широко раскрыты и выражают силу души и ясность. Лицо окружено сиянием славы, порой оно отмечено безграничной жалостью к людям. Его руки распростерты горизонтально, Его тело держится прямо. Художники стремятся нам напомнить, что Распятый есть прежде всего Бог, Бог Живой, Победитель страдания и смерти, и что Его жертва — добровольная.

Подобные произведения не столько имеют в виду взволновать наши чувства, сколько стимулировать нашу веру в божественность Христа, в его победу. Их цель — пробудить скорее нашу надежду, чем наше сострадание, убедить нас, что страдание есть только переход к воск-

ресению. Некоторые из них несколько даже бесчеловечны, но не мало и таких, которые излучают волны милосердия, кротости, радостного мира. Их великая заслуга в том, что они не заслоняют самого основного, но помогают нам предощутить божественную тайну.

Помогли ли вам эти несколько замечаний из истории искусства ответить на вопрос, который вы себе задаете?

Удаление распятий из наших церквей, из наших домов означало ужасающий религиозный упадок. Не забывайте же приучать ваших детей молиться перед распятием: оно есть «самая мудрая книга», как говорил св. Кюре из Арса. Но не менее верно и то, что вам нужно выбрать из различных распятий или изображений Христа на кресте наиболее подходящее. Отстраняйте безжалостно те, которые грозят злоупотребить чувствительностью юных душ и исказить глубокую истину о жертве Иисуса Христа. Более того, поскольку вашим детям нередко приходится видеть распятия, вульгарно исполненные или же безрелигиозно-реалистические, учите их смотреть на них глазами духа, глазами веры, которые прозревают тайну за ее несовершенным или обманчивым изображением.

В этом случае распятие раскроется им в своем истинном значении: оно будет не апофеозом страданий, но знаком самой величайшей

любви. Любви Отца, который так возлюбил человечество, что отдал людям Своего Сына. Любви Сына к Своему Отцу, любви Спасителя, ставшего Человеком, к человекам, Своим братьям: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15,13).

Оно будет также знаком апофеоза радости, да, самой исключительной, огромной радости, ибо Христос сказал: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян 20,35).

«ЖИВЕТ ВО МНЕ ХРИСТОС»

Христианская молитва — это не просто человеческое действие, но таинственная, божественная реальность: молитва Самого Сына Божия, привитая к человеческому сердцу.

Знаем мы это или нет, мы участвуем в молитве Христовой. Творить молитву значит занять наше место в сердце Христа молящегося (**1. «Я молился о тебе»**). — В часы уныния, расслабленности или растерянности, когда пересыхают источники молитвы, возможность молиться остается, тем не менее, всегда: молиться о том, чтобы Христос обратился от нашего имени к Отцу (**2. Он непрестанно ходатайствует за нас**). — Но Христос желает большего. Не довольствуясь тем, что молится за нас, Он стремится соединить нас с Собою в любви, чтобы мы жили Его жизнью и молились Его молитвой (**3. «Если бы ты знала дар Божий!»**). — Итак, молитва состоит в том, чтобы полностью предать себя освящающей силе Христа прославленного, непрестанно действующего и созидающего из всего творения безмерное и единое Тело, целиком пронизанное сыновней молитвой (**4. «И осветит тебя Христос»**). — Так, что в молитве каждого христианина, какой бы убогой она ни казалась, Отец распознает молитву Самого Сына Своего Возлюбленного (**5. Уже не я молюсь...**). — Эта молитва Христа в нас как семя среди терний.

Наше дело — непрестанно способствовать его возрастанию, выпалывая буйно растущие мысли и желания, которые грозят его задушить (**6. Семя среди терний**). — Мало-помалу и по мере того, как мы будем соглашаться на это всем нашим разумением и всем сердцем, молитва Христа усилится в нас и овладеет всем нашим существом (**7. Христос молится во мне**). — Творить молитву, тем самым, означает не столько молиться самому, сколько внутренне присоединяться к совершенной молитве, к живой молитве Христа (**8. Его молитва есть моя молитва**). — Вот она здесь, вся проникнутая трепетом сыновней любви Сына к Своему Отцу; она дает нам возможность обращаться к Отцу с невообразимым дерзновением: «Авва, Отец возлюбленный!» (**9. Отец возлюбленный...**). — Отождествиться со Христом нам надлежит в Духе Святом так, чтобы мы могли сказать поистине: я живу, я молюсь, но это уже не я, это Христос живет и молится во мне (**10. Прииди**).

41. «Я молился о тебе»

Мне страшно начинать это письмо. Есть такая скорбь, перед лицом которой ничего невозможно сделать, кроме как только молиться и безмолвствовать: любой совет грозит причинить больше зла, чем добра. Ведь так легко давать советы...

Я ограничусь потому лишь тем, что расскажу об одной откровенной беседе, которой однажды удостоил меня старый миссионер, у которого за плечами было добрых сорок лет жизни в джунглях.

В то время, когда мы встретились, он уже несколько месяцев отдыхал на ферме у своего брата, в департаменте Высокой Юры. Пока мы прогуливались с ним по тамошним местам, суровым и прекрасным, по пастбищам и еловым лесам, он с удивительным воодушевлением делился со мной своими воспоминаниями о джунглях, захватывающими, как приключен-

ческий роман. Но однажды, рассказывая мне об одном эпизоде своей жизни, он внезапно сделался серьезным. Он не стал бы говорить со мной об этом, если бы не мои вопросы о месте молитвы в жизни миссионера.

«Я уже в течение шести лет находился в Миссии, — сказал он, — когда внезапно мощная волна искушения накатила на меня, как на лодку, брошенную на прибрежном песке. Оно неодолимо подхватило меня, приподняло, бросило, вновь меня охватило... Я попытался молиться и не сумел: отчаявшийся ребенок хочет побежать к своему Отцу и не может...»

Я не знаю, как и почему, но после многих дней изнурительной борьбы у меня из груди буквально вырвалась молитва, столь же внезапно, как вот эта куропатка слетела с куста. Я воззвал к Иисусу Христу: «Ты видишь, что я не могу больше молиться! Значит, это Тебе следует сейчас молиться. Молись же, молись за меня!»

Почти мгновенно установился мир. Я не мог в это поверить. Я сперва принял его за затишье перед еще более свирепым натиском. Но затем, очень скоро, пришла уверенность, что я был услышан, что Христос сказал мне, как некогда Петру, чудесные ободряющие слова: «Я молился о тебе; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк 22,32). И правда, я знавал в дальнейшем и другие часы искушений, но никогда более я не испытывал этого гнетущего

чувства — быть игрушкой яростной и всемогущей бури.

Слова плохо передают напряженность этого переживания. Я не в силах выразить, сколько в моем крике, обращенном ко Христу, было спонтанного, требовательного и даже, рискну сказать, повелительного: “Молись же за меня!”

Если бы вы знали, как велика разница между тем, чтобы узнать из книг, что Христос молится за всех людей, и тем, чтобы внезапно обнаружить посреди отчаянной ситуации, что Он здесь, что Он действительно стоит рядом со мной, и вместо моей немощной молитвы Он, Сын Возлюбленный, молится за меня, Сам вступает за меня перед Отцом!

“Я молился о тебе”. С тех пор мне достаточно в самые горькие часы вспомнить эти слова, чтобы вновь обрести мир в глубине души».

42. Он непрестанно ходатайствует за нас

Вам не следует беспокоиться из-за того, что, завершив молитву, вам случилось обнаружить, что вы не молились конкретно ни за вашего мужа, ни за ваших детей. Сосредоточиваться на Боге вовсе не значит пренебрегать своими близкими, что-либо отдавать Ему не означает лишать этого других. Я не хочу этим сказать, что бесполезно молиться за тех, кого любишь. Напротив, это настоящий долг, пример Христа не оставляет в этом никаких сомнений. Но я прошу вас не упрекать себя в тех случаях, когда молитва ваша протекает так, как если бы на свете были только Бог и вы. Да и найдется ли лучший способ молиться за своих, чем забывать обо всем, включая их самих, чтобы пройти возможно дальше в поисках Бога, чтобы достигнуть наибольшей близости с Ним?

И разве Бог не сумеет отыскать тех, кого вы будто бы покинули, в вашем супружеском и материнском сердце? Чем ближе вы к Богу, тем ближе к Богу и они. Маленькое «мистическое тело», каким является ваша семья, все целиком ищет Бога через вашу молитву и воспевает Ему хвалу, оно все целиком в вашей молитве прибегает к Источнику Жизни.

Если вы хорошо уразумели то, что я вам сейчас сказал, то вы приблизились к пониманию более высокой тайны, тайны молитвы Христа. Точно так же, как Отец умеет найти в вашем сердце всех тех, кого вы любите, Он видит в безграничном Сердце Своего молящегося Сына всех людей, за которых Сын отдал Свою жизнь. Вот почему молитва Христа так важна для нас. Через нее мы сами приближаемся к Отцу и воздаем Ему хвалу. Через нее мы преисполняемся Святого Духа, о Котором говорится в Апокалипсисе, что Он изливается, как бушующий поток живой воды, из единения Отца и Сына.

Если молитва матери уже представляет собой великую поддержку для ее детей, насколько же больше молитва Христа представляет наше неоценимое богатство! В какой бы мы чувствовали себя безопасности, если бы поистине верили, что Христос во славе, сидя одесную Отца, непрестанно ходатайствует за нас, как заверяет нас Послание к Евреям (7,25)!

Приступать к молитве — значит присоединяться к молитве Христа, занимать свое место в сердце Христа, молящегося Своему Отцу.

43. «Если бы ты знала дар Божий!»

Никогда не забывайте: для того, чтобы идти к Богу, нужно пройти через Христа. Слово «пройти» может ввести вас в заблуждение: речь не о том, чтобы на пути к Богу нужно было миновать Христа, как если бы Бог ожидал нас где-то вне. Но только лишь через Христа, со Христом и во Христе мы можем найти Отца. Итак, невозможно сделать ничего лучшего, как только любить Христа. Вот почему вам незачем бояться, что молитва ваша, как вы мне пишете, будучи диалогом со Христом, отдаляет вас от Отца. «Филипп, разве ты не знаешь, что видевший Меня видел Отца?» (ср. Ин 14,19). Таким образом, предоставьте дружбе Христовой, столь непредвиденно возникшей в вашей жизни, охватить вас и проникнуть в вас. Но постарайтесь хорошо ее понять.

Вы найдете в ней все богатства дружбы человеческой, ибо Христос — истинный Человек; Его человеческая природа не была просто маскарадным костюмом, надетым на время, а затем сброшенным после тридцати трех лет земной жизни. Сын Божий поистине воплотился, и Он любит вас сердцем из плоти, а не какой-то любовью не от мира сего, о которой можно было бы спросить, в чем же она состоит? Или лучше так: Он любит вас любовью иной, нежели любовь человеческая, любовью божественной; но любовь эта, чтобы сделаться для вас доступной, позаимствовала человеческое сердце и выразилась на человеческом языке, — слово «язык» следует понимать здесь в самом полном смысле: Он не только сказал нам о Своей любви при помощи слов («Я не называю вас рабами, но Я назвал вас друзьями», Ин 15,15), но Он и явил нам это Своими делами и поступками. Вспомните:

Женщины пришли ко Христу, подталкивая перед собой своих детей, чтобы Он их благословил; апостолы, как люди серьезные, у которых нет времени на пустяки, не давали им приблизиться; но тогда Иисус привлек к Себе этих взъерошенных ребятишек и взял их на руки, как бы в знак протеста: почему вы лишаете Меня такой отрады — общаться взглядом и словами с самыми маленькими? (Мк 10,13-16). Не

правда ли, в такой реакции Христа выражается Его чисто человеческая нежность? И когда Лука показывает нам, как Он останавливает скорбную процессию, сопровождавшую на кладбище единственного сына вдовы, когда он говорит нам, что «Иисус сжалился», то как можно сомневаться в том, что при виде слез этой матери Христос вздрогнул от сострадания (Лк 7,11-17)? Еще более выразителен эпизод, который приводит св. Иоанн: Иисус при виде Марии, сестры Марфы, охваченной скорбью из-за смерти своего брата, *«воскорбел духом и возмутился... прослезился»* (Ин 11,33.35), и тогда стоявшие там Иудеи справедливо сказали: «Смотри, как Он любил его».

Сколь же человеческим предстает перед нами на стольких страницах Евангелия сердце Иисуса! Намного более человеческим, чем наше собственное сердце, которому так трудно держаться верной середины между чересчур человеческой, легко приходящей в расстройство чувствительностью, и бесчеловечным самообладанием, когда оно ожесточается, чтобы не уступить.

Когда вы приближаетесь ко Христу в молитве, пусть ваша вера стремится распознать Его дружбу, благоговеет, созерцая неизмеримые сокровища Его милосердия; ибо Он любит вас, Он желает вашего присутствия, и Он не может не затрепетать от радости, когда вы приходи-

те; поскольку Он любит вас, Он с нетерпением желает наделить вас Своими благами, ибо Он Сам сказал, имея в этом опыт: *«Блаженнее давать, нежели принимать»* (Деян 20,35). И еще блаженнее прощать, нежели давать. И поскольку Он вас любит, Он сочувствует — в самом прямом смысле слова — Он приобщается всем вашим чувствам.

Дерзните поверить, что в любви Христовой содержатся все элементы человеческой любви: что она трепетная, сердечная, пылкая, нетерпеливая, сострадающая; так вы воздадите честь истине Воплощения. Вот чего не увидел Грэм Грин, когда писал в «Силе и славе»: «Любовь Божия! Она ведь запалила огнем кустарник в пустыне, не так ли? Она отверзла могилы, разбив их плиты, и силою ее могущества мертвые и восстали и шествовали впотьмах! О! Такой человек, как я, пробежал бы не одну милю, скрываясь от этой любви, если бы только почуял, что она рыщет где-то рядом». Сказано великолепно и в определенном смысле верно; но для писателя осталось недоступным то, что эта любовь, именно для того, чтобы приблизиться к нам, не ошеломляя, чтобы приучить нас к себе, чтобы приручить, хочется мне сказать, явила нам свое Сияние, смягченное человеческим обликом, предоставила нам свои богатства через человеческое сердце.

Не возражайте, что, мол, Христос-то ведь воскрес. Если воскресение избавило Его от необходимости служить смертной плоти, от усталости и жажды, от печали и скорби, то оно не лишило Его человечности, нежной и великодушной. Благодать не разрушает природу, но совершенствует ее.

Так что тем более необходимо приближаться ко Христу с тем же доверием, с каким бежали к нему палестинские ребятишки, которых не смущали тычки апостолов.

Но остережемся, тем не менее, искать у Него только лишь изумительную человеческую дружбу. Он предлагает нам больше; стало быть, и мы должны надеяться на большее, приходя к Нему.

«Если дружба не находит равенства, она создает его». Христос придал особый смысл старой поговорке: Его любовь велит Ему поделиться с нами присутим Ему несравненным достоинством Сына Божия. Он желает сотворить из тех детей земли, какими мы являемся, детей Божиих. Но для этого нам необходимо возродиться. Возродиться от воды и Духа; открыть себя через участие в таинствах и через молитву обожествляющему действию Христову; возродиться, и не только единожды, но каждый день и каждое мгновение; вот почему нам нужно сохранить связь с Ним, ту связь, которую устанавливает одна только любовь, и только

она одна ее поддерживает. Связь, в которой молитве принадлежит исключительное значение.

Почему же христианам так трудно бывает соединить между собой два вида отношения ко Христу: то, при котором видят в Нем брата, друга с отзывчивым и великодушным сердцем, и то, при котором почитают Его, как Единородного Сына Вечного Отца, источника всякой святости? Христос есть Бог и человек одновременно. Не надо делить и выбирать, и прибегать то к Его человеческой дружбе, то к Его обожествляющему воздействию, переходить от одного к другому.

Поскольку благодать склоняет вас искать дружбы Христа, не колеблитесь; приблизьтесь к Нему, откройтесь любви Его кроткого и смиренного, нежного и сильного Сердца. И не отправляйтесь куда-либо еще, чтобы обрести высочайшие дары Божии: именно через человеческую любовь Христа хлынет на вас поток божественной жизни. Ибо такова воля божественной любви — жизнь, вечно бьющая в лоне Божественной Троицы, сообщается нам через человеческое сердце Христа.

44. «И осветит тебя Христос»

Ваше письмо лежит на моем столе. Я долго колебался, прежде чем ответить. Визит одного друга вывел меня из затруднения: мне показалось, что его опыт может быть для вас полезным.

Мы с ним не виделись в течение года, поскольку он живет на юге Франции и редко бывает в Париже. Во время нашей предыдущей встречи он говорил мне, что испытывает затруднения в своей молитвенной жизни. Но он сохранил молитве верность: каждый день он посвящает ей полчаса, несмотря на большую нагрузку практикующего врача и отца семейства. «В молитве — моя сила и мое равновесие», — сказал он теперь. «Но, помнится, год назад вы утверждали, что это были жестокие и бесплодные усилия. Откуда же такая перемена?» — «От святого Павла... от непрестанного,

снова и снова чтения его посланий, писанных в узах¹: к Ефесянам и Колоссянам». Заинтригованный, я долго его расспрашивал. И как бы я хотел передать вам его тон горячей убежденности, чтобы показать, как мысль великого Апостола, достигшая на склоне жизни, в римской тюрьме, изумительной зрелости, может просветить и повести за собой вашу молитву!

В который уже раз противодействие, угроза ереси подстегнула размышление Павла и вознесла его к новым вершинам. В Колоссах некоторые верные поддались соблазну безрассудных умствований, навеянных эллинистическими философскими системами, которые приписывали небесным существам, посредникам между Богом и людьми, великую власть над происходящим в мире. Эти теории грозили затемнить и принизить роль Христа. Но подвергать сомнению первенство Христа значило задеть святого Павла за живое. Его мысль мгновенно встрепенулась, пришла в движение. Он проникает, как никогда доселе, в тайну и миссию своего Господа; он создает мощный синтез. Достигнув никогда прежде невиданных вершин, его восхищенное созерцание замирает перед новыми чудесно раздавшимися горизонтами.

---

¹Т.е. в заточении за проповедь слова Божия. — А. М.

В центре этого синтеза — Человечество Христа, победоносное, прославленное, в котором «обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2,9). Это Человечество излучает свет, и для всей вселенной оно есть духовное солнце, ни один человек не сокрыт от его лучей.

Вся освящающая сила Божества как бы сконцентрирована во Христе Воскресшем. Сконцентрирована, но не заключена, как в темнице. Сконцентрирована, чтобы безмерно распространиться, чтобы охватить всех людей, отдающих себя ее воздействию, сотворить из них существа новые, обожествленные, и составить из них единое безмерное трепещущее Тело, проникнутое Духом Сына Божия и молитвой, которую вдыхает в нас Сей Дух: «Отче! Отче!»

Я сказал: всех людей, — но это самое вселенную, всю целиком, видит св. Павел подверженной действию Христа, движимой Им. Это божественное могущество, сконцентрированное в прославленном Человечестве Христа, стремится распространиться до последних пределов космоса, чтобы всем овладеть и все привести к Отцу.

Вот соображения, которые преобразили молитву моего друга. Те, кто имеет перед глазами этот великий Павлов синтез — или, точнее, те, кто сознает, что повсюду и всегда они находятся в присутствии Христа Прославленного, — знают, что молиться означает главным образом предавать, предоставлять себя с широко раскрытыми сердцем и разумом Его непрестанному воздействию, Его охвату. Дерево, благодаря хлорофилловым зернам, питается светом; душа, благодаря молитве, извлекает из Христа свое пропитание, свою спаянность и свое единство, «чтобы осуществлять свое возрастание в Боге». И постепенно все области ее внутренней вселенной будут проникнуты и охвачены приливом жизни Того, Который хочет быть «всею во всех».

Я желаю вам, чтобы эти перспективы стали также и для вас большой поддержкой. И я оставляю вас над стихом из послания к Ефесянам, о котором думают, что он является фрагментом гимна первой Церкви:

«Встань, спящий,
и воскресни из мертвых,
и осветит тебя Христос» (Еф 5,14).

45. Уже не я молюсь...

Я хорошо понимаю чувства, заставившие вас написать мне: «Моя каждодневная молитва кажется мне убогой. Я не могу себе представить, чтобы это молитвенное бормотание ничтожного творения могло интересовать бесконечно совершенного Бога». У вас обостренное сознание ничтожности творения и величия Божия: вот воззрение веры, драгоценное и существенное; здесь, несомненно, не обошлось без благодати. Но есть и другое воззрение, с которым я хотел бы вас познакомить, чтобы дать высокое представление о вашей каждодневной молитве, какой бы убогой она вам ни казалась.

Для начала давайте немного отступим назад. Прежде, чем говорить о вашей молитве, поговорим о молитве Христа. Беруллий в одном отрывке, который я очень люблю, превозносит исключительный характер молитвы Иисуса: «От

века существовал Бог, бесконечно достойный поклонения, но не было еще бесконечного поклоняющегося; существовал Бог, достойный бесконечной любви и служения, но не было ни одного человека и ни слугителя, бесконечно способного воздавать служение и бесконечную любовь. Но Ты Сам еси ныне, о Иисусе, тот Поклоняющийся, тот Человек и тот Служитель, бесконечно могущий и бесконечно достойный исполнить в совершенстве сей труд и воздать сию божественную честь. Ты еси тот Человек любящий, поклоняющийся и служащий Вышнему Величию так, как Оно заслуживает, чтобы Ему служили, любили Его и почитали».

Этот текст приводит нас на мысль Иисуса, удаляющегося в одиночестве в горы ночью, чтобы молиться. И прежде всего, Иисуса на Голгофе, где совершенный Поклоняющийся воздает Богу совершенное поклонение.

Может возникнуть вопрос, не сделало ли это совершенное поклонение Сына, эта молитва Иисуса, бесполезной молитву людей, окончательно заместив ее?

На него можно сразу ответить, что эта молитва Христа, отнюдь не устраняя человеческих молитв — всего молитвенного лепета от самых истоков человечества, всех жертвоприно-

шений всех религий и всех времен, — напротив, притягивает их к себе, включает их в себя, преподносит их Богу и дает им обрести в себе и через себя удивительный смысл и действительность.

Но существует ответ еще более прекрасный. Христос желает, чтобы Его молитва разносилась по всей вселенной, от тропических джунглей до полярных льдов, от крайнего Востока до крайнего Запада. Он желает, чтобы самый скромный из христиан, молясь, имел, что принести в жертву, кроме двусмысленных слов и неловких чувств, чтобы он располагал молитвой Самого Сына Божия. Он желает, чтобы все люди могли включиться в Его молитву, сделать ее своей и преподнести ее Богу.

Но и этим сказано еще не все. Иисус Христос хочет не только того, чтобы Его молитва стала нашей, словно некое сокровище в наших руках, которым мы можем располагать. Он хочет вкоренить, внедрить ее в самую глубину, в самую сердцевину нашего существа, в душу нашей души, чтобы мы могли поистине повторять вслед за св. ап. Павлом: «Уже не я живу...» Я молюсь, но молюсь уже не я, — молится во мне Христос. Молится Дух Сына, Дух Святой, и это благодаря Ему звучит во мне призыв сыновней любви: «Авва, Отче!» Так молитва Хрис-

това, отнюдь не вытесняя молитвы человеков, придает ей несравненную ценность.

Подобно тому, как в Пасхальную ночь в темной церкви пламя пасхальной свечи передается постепенно множеству маленьких свечек в руках у верных, так и Христос через крещение приобретает людей одного за другим, распространяясь по миру, и вызывает в их душах, из их душ Свою сыновнюю молитву.

В каждом крещеном Отец узнает Своего Сына; в их молитве, столь убогой по видимости, молитву Сына Своего приемлет Бог.

46. Семя среди терний

Ваше желание научиться молитве, найти совет в трудах великих духовных авторов заслуживает полного одобрения. Но мне кажется, что к вашему энтузиазму примешана некоторая лихорадочность, что он несколько преувеличен. Похоже, что вы действуете так, как если бы молитва была чисто человеческим предприятием, тогда как она — прежде всего благодать Христова.

Он пришел к нам, чтобы научить нас молиться. Не только чтобы дать слова молитвы, хотя бы это были слова молитвы «Отче наш»; Он хотел преподать нам Свою молитву, которая прежде, чем стать молитвой в Его устах, уже была порывом Его души, хвалой, сыновней любовью, предстательством. Что я говорю: «преподать нам»? Сообщить нам, влить в нас Свою молитву. Он не перестает осуществлять среди нас Свою незримую миссию: укоренять в на-

ших сердцах эту молитву, единственную, которая поистине может быть услышана Отцом.

Вся душа целиком, находясь в состоянии благодати, есть способность к молитве. Достаточно ей приступить к молитве, чтобы молитва Христа, в ней и через нее, устремилась к Отцу.

Но эта молитва Христова, сообщаемая нам крещением, есть в нас только семя — подобно семени из притчи, которое, будучи меньше всех других семян, может вырасти в больше дерево. Не надо возражать, что в этой притче говорится не о молитве Христа в человеческой душе, но о Царстве Божием в мире. Вам хорошо известно, что Царство Божие есть присутствие Христа, овладение Христом той частью человечества, которая отдает себя Ему, а, стало быть, и вашей душою. Но кто говорит о присутствии Христа, о жизни Христа, тот говорит и о молитве Христа, ибо жить для Христа значит молиться.

Итак, если молитва Христа в нас есть семя среди терний, то приобщение к молитве состоит главным образом в том, чтобы осознать присутствие в себе этой молитвы и способствовать ее возрастаню.

Будем, однако, скромными: не почва производит семя, не труды садовника производят цветы и плоды: почва и садовник, самое боль-

шее, предоставляют условия и надлежащие вещества для цветения и произрастания растений. Не христианин производит молитву, ту молитву, которая одна угодна Отцу, молитву Сына. Она есть дар Божий, но при этом она хиреет, если мы не даем на нее согласия и не содействуем ей всем нашим существом, если мы не прибегаем к таинствам, ее питающим.

Тернии способны заглушить ее, если мы не будем в молитвенном труде выпалывать буйные ростки мыслей, чувств и пожеланий, переполняющих нас.

Но если мы исполним свою часть дела, то нам больше нет нужды беспокоиться и суетиться: *«Царство Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю; и спит, и встает ночью и днем; и, как семя всходит и растет, не знает он»* (Мк 4,26-27). Будем доверчивы. Будем иметь веру в молитву Христа, совершающуюся в нас; будем иметь веру, подобную вере крестьянина в то, что посеянные им семена дадут всходы. И будем иметь также терпение этого крестьянина, который терпеливо ожидает лета, чтобы собрать свой урожай и убрать его в житницы.

47. ...Но Христос молится во мне

Приступая к молитве, возбудите веру в таинственное присутствие Христа в вас, о котором свидетельствует Писание: *«Вы узнаете, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас»* (Ин 14,20); *«Христос верою вселился в сердца ваши»* (Еф 3,17).

Если живой Христос обитает в вас, Он обитает, молясь. Ибо для Христа жить это значит молиться. Присоединитесь к нему; овладейте Его молитвой, или, скорее, — поскольку мои слова слишком подчеркивают вашу собственную активность, — дайте этой молитве охватить вас, вторгнуться в вас, вознести вас и увлечь к Отцу. Я вам не обещаю, что вы ощутите это; я только прошу вас в это верить и в течение молитвы давать и подтверждать ваше полное на то согласие. Уступите ей место, все место. Да проникнет она во все фибры вашей ду-

ши, как огонь проникает в дерево и делает его пылающим.

Молиться — значит отвечать на требование Христа: «Отдай Мне твой разум, твое сердце, все твое существо, все, что в человеке только способно сделаться молитвой, чтобы Я мог исторгнуть из тебя великую хвалу Отцу. Не для того ли Я пришел, чтобы возжечь на земле великий огонь, который будет все более распространяться, охватывать все новые пространства, преобразая все деревья человеческого леса в живые факелы? Этот огонь — Моя молитва. Прими этот огонь».

Христос присутствует в крещеном младенце, как и в великом мистике. Но жизнь Христова в том и в другом не находится на одной и той же стадии развития. Если в душе новоокрещенного уже трепещет молитва Христова, она еще, тем не менее, только зернышко, искра огня. Лишь в течение всего нашего существования, по мере нашего содействия, она усилится и понемногу овладеет всем нашим существом.

Наше содействие состоит прежде всего во всецелом согласии всей нашей воли на Христову молитву в нас. Но заметьте хорошенько тот весьма важный смысл, какой я придаю слову «согласие». Оно здесь означает не безвольное

позволение, принятие устами, но всецелый дар: так полено бросают в огонь, чтобы и само оно стало пламенем. Наше содействие состоит еще и в том, чтобы исследовать с помощью всей силы нашего разума, что такое молитва Христова в нас, каковы ее великие составляющие: хвала, благодарение, самоотдача, предстательство... — чтобы присоединиться к ним наиболее совершенным образом. — Вы просили у меня тем для размышлений: лучших я вам предложить не могу.

Но человек еще долго не ощущает в себе эту молитву Христову, лишь вера свидетельствует о ее присутствии, а размышление позволяет все лучше ее познавать. Однако наступает день — и происходит это не обязательно во время молитвы, — когда он открывает ее в своей душе. Он умолкает тогда; он боится ее вспугнуть, как боятся вспугнуть птичку, прилетевшую на подоконник... Затем внезапно он замечает, что она неизвестно как исчезла, может быть, во время секундного невнимания. Это удручает его. Было так отрадно найти эту молитву в глубине себя; теперь он ждет, что вновь сумеет ее найти — утром ли, едва проснувшись, или в течение дня, прервав на время свою работу. Пусть он не отчаивается: молитва Христова всегда здесь, даже когда ее не ощущаешь. Необходимо возвращаться к ней через веру и,

главное, не стараться во время своей молитвы вновь пережить те же чувства. Ибо было бы непочтением к Богу — приступать к молитве ради даров Божиих, а не ради Самого Бога. Господь, согласно Своему обетованию (Ин 14,21), будет являться нам гораздо чаще, если мы будем не более привержены к Его дарам, нежели к Нему Самому. Несомненно, благодать ощущения в себе молитвы Христовой возобновится. Возможно даже, что, прирученная, эта молитва больше уже не упорхнет от нас — но не прежде, чем мы откажемся от намерения схватить рукой пугливую птичку.

Когда душа совершенно освободится от всего, умрет для самой себя, она испытает тогда то, что св. Игнатий Антиохийский выразил в незабываемых словах в своем послании к Римлянам, написанном на склоне его долгой апостольской жизни, на корабле, который влек его на мученичество: «Страсти мои распяты, и нет у меня более стремления к земным вещам. Но вода живая журчит внутри меня и шепчет мне: “Иди к Отцу”».

48. Его молитва есть моя молитва

Я испытываю глубокую печаль при виде тех людей, которые хотели бы молиться, в которых обитает тайная тоска по молитве, но которые оставляют свои усилия, потеряв надежду на успех. Эта тоска по молитве, тем не менее, сохраняется у них в течение всей жизни. Они напоминают мне несчастных заблудившихся детей, которые никак не могут найти дорогу к отчужденному дому.

Я вспоминаю одного старого священника, заявившего мне: «Я никогда не умел молиться»; я вспоминаю столько мужчин и женщин, которые мне повторяли: «Я не умею творить молитву», «Для чего упорствовать, если у меня все равно ничего не получается?», «Молился ли я хоть раз по-настоящему?»

Что же, станете ли и вы множить ряды всех этих потерявших надежду научиться совершать молитву?

Поймите, наконец, что дело не столько в том, чтобы «творить» молитву, сколько в том, чтобы «достичь» той молитвы, которая уже есть в вас, полностью осуществленная. Христианская молитва прежде всего есть дело не человека, но дело Бога в человеке. Со дня вашего крещения и с момента, как вы находитесь в состоянии благодати, молитва живет в вас. Разумеется, она живет не на уровне ощущений, чувств или представлений, но гораздо глубже, в той интимной сфере вашего существа, в той внутренней крипте, где дышит Дух Святой. Не знаете вы разве, что вы есть храм Духа Святого (ср. 1 Кор 6,19), что Он приходит на помощь вашей слабости, как свидетельствует о том св. ап. Павел, что Он ходатайствует за вас и в вас вздыханиями неизреченными, что ходатайство Его отвечает воле Божией? (ср. Рим 8,26-27).

Сей Дух Святой есть Дух Христов. Вот почему Его молитва есть прежде всего сыновний зов, полный любви. Тот же ап. Павел утверждает: «Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче» (Гал 4,6). Это «Авва» было на народном языке криком радости и любви маленьких детей, которые бросались на шею своему отцу: «Авва, любимый папочка!»

Но вы, возможно, скажете: «Зачем же вы тогда побуждаете меня практиковать молитву, если она уже есть во мне, полностью осуществленная и постоянная, будучи делом не моим, но Духа Святого?» — Да, она есть в вас, как пламя светильника. Но нужно еще, чтобы масло питало это пламя, чтобы оно не зачало и не погасло. И это масло, которое питает молитву Духа в вас, есть ваша любовь к Богу.

Под любовью к Богу я понимаю не какие-либо религиозные переживания, какие-либо чувства, но глубокое согласие нашей воли с волей и действием Духа Господня в нас.

У разных христиан это согласие бывает очень разным. У одного оно неявное, хилое, колеблющееся. У святого оно сияющее, крепкое, пылающее, вдохновленное горячей верой и любовью.

Качество нашей молитвы соответствует качеству нашего согласия на молитвенное действие в нас Духа Святого.

И если необходимо посвящать определенное время практике молитвы, то это потому, что наше внутреннее согласие с Богом в течение нашей жизнедеятельности посреди людской толпы, под влиянием забот, радостей и огорчений, весьма быстро расслабляется и уменьшается. Когда мы приступаем к молитве, наше существо бывает рассеявшимся, как стайка во-

робьев, которые расселись на кустах и деревьях: нам необходимо внутренне собраться, сосредоточиться. Это требует времени, но при этом наше согласие укрепляется по мере того, как усиливается наша вера в присутствие Бога в нас, как актуализируется наша любовь к Нему.

Несомненно, наступит день, когда — не скажу: отпадет необходимость посвящать определенное время молитве, — но когда это внутреннее согласие на молитву Духа Христова в нас станет постоянным, живым, непрерывным. Наши занятия уже не будут ему помехой. Порыв Духа тогда будет возносить, одушевлять нас, будем ли мы ходить, работать или разговаривать, и даже когда мы будем спать: *«Я сплю, а сердце мое бодрствует»*, — восклицает невеста из Песни Песней (5,2).

Вот какова та постоянная молитва, о которой гласит совет Христа ученикам: *«Должно всегда молиться»* (Лк 18,1), совет, который св. ап. Павел давал Фессалоникийцам: *«Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите»* (1 Фес 5,16-18).

У тех, кто достиг такой внутренней и постоянной молитвы, молитва Духа Святого — это уже не просто тлеющая головешка под пеп-

лом, но пламя, которое охватывает все их существо целиком. Святой есть живая молитва.

Теперь вам понятно, что я говорил в начале моего письма: дело не столько в том, чтобы «творить молитву», сколько в том, чтобы «достичь» в себе, благодаря усилию веры, молитвы Христа, Его Духа, примкнуть к ней. Если вы будете действовать таким образом, с терпеливой настойчивостью, отважно, с непоколебимой надеждой, вы сможете однажды написать мне, зная это из собственного опыта: «Христос есть моя жизнь, и Он не только молится со мною, но и во мне, и через меня. Его молитва есть моя молитва. Нет двух молитв, одна прежде другой, есть единственная молитва: Его и моя одновременно. Одна молитва на двоих».

49. Отец возлюбленный

«Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: “Авва, Отче!”» (Гал 4,6). Говоря о христианской молитве, нужно всегда возвращаться к этим словам из послания к Галатам, которые определяют ее тайную природу. Но нужно еще хорошо их прочесть и не проскочить мимо главного слова. Если Павел счел за благо сохранить в греческом тексте арамейское слово «авва», то это заслуживает внимания. Он не поступил бы так, если бы греческое слово *patèr* передавало его достаточно точно.

Он написал Римлянам (8,15) примерно в то же время: *«Вы приняли Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!”»*. И то же самое слово мы встречаем в Евангелии от Марка. В час невообразимой скорби Христа в Гефсимании, именно это слово слетает с Его уст: *«Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня»* (Мк 14,36).

Экзегеты, и притом самые выдающиеся, сделали из употребления этого слова Павлом и Марком тот вывод, что первохристианские общины хранили его с большим благоговением, бесконечным почтением. У них не было реликвий Христа, но у них было нечто гораздо лучшее: то самое слово, которое во время Его беседы с Богом вырвалось из Его сердца: «Авва!». Отрадно было первым христианам употреблять, говоря об Отце, слово из родного языка Иисуса Христа.

Но это было не только сердечной потребностью. Их словарь не содержал термина, способного выразить точный оттенок слова «авва», этого уменьшительно-ласкательного, каким пользовались арамейские ребятишки, обращаясь к своему отцу. Это слово кричал ребенок Иисус Иосифу, возвращавшемуся с работы: «Авва, авва!..». И плотник брал на свои сильные руки радостного мальчугана и нежно целовал его. Если мы хотим передать доверительный и родственный оттенок этого «авва», нам следует переводить его как «любимый папочка», «дорогой папочка».

Поняли вы теперь, почему это слово было так дорого первой Церкви? Апостолы и ученики находились под сильным впечатлением того, что Христос употребил его, молясь «Господу не-

ба и земли» (Мк 14,36). Какой Иудей в те времена дерзнул бы воззвать так к Богу, от святости Которого трепетали Серафимы и пророки? Случалось, что к Нему обращались «Отче наш» (*abinou* на еврейском, *abunan* на арамейском) или, более редко и более торжественно, «Отче мой» (*abi*), но никогда, воистину никогда, никто бы не употребил слова столь по-простому доверчивого, как «авва».

Для Христа же воспользоваться словом «авва» для обращения к Богу было способом выразить, утвердить перед Своими Своё богосыновство.

Но Христос не оставил за Собой монополию на такую сыновнюю доверчивую близость, Он учил ей Своих учеников. Св. Лука и св. Матфей в своих Евангелиях передают нам каждый свою версию молитвы «Отче наш»: более краткую у Луки, более пространную и торжественную у Матфея. Обыкновенно считается, что Лука даёт первоначальную формулу, ту, которой научил нас Сам Иисус. В греческом тексте Евангелия она начинается так: *«Отче! Да святится имя Твое! Да приидет Царствие Твое. Хлеб наш...»* (Лк 11,2). Экзегеты думают, что первое слово здесь было: *«Авва! Отец возлюбленный! (Папочка любимый!)»* Таким образом, ученики могут, как и Учитель, обращаться к Богу с сыновней сердечностью. Действительно,

таково великое откровение, которое Иисус Христос принес в мир: те, кто верует в Него, суть дети Божии. И не в каком-то переносном смысле, но прямо и непосредственно. Ибо они «зачаты от Бога», «рождены от Бога», «причастники Его природы».

Что за дивное откровение! Первые христиане не могли произнести слов «Отец возлюбленный» без того, чтобы их сердце не взыграло от радости. А мы?..

Тому, кто так молится, Бог, в свою очередь, говорит, как Иисусу: «Ты Сын Мой Возлюбленный».

Но Иисус сделал еще больше, а не только научил Своих учеников словам, которыми они должны пользоваться для молитвы. Со дня Пятидесятницы Он посылает Духа Своего, Который в глубине сердца каждого христианина шепчет: «Авва!». Если бы мы умели жить внутренней жизнью, мы не могли бы не узнать Его голоса. Следует признать, что те, к кому обращался св. ап. Павел, были восприимчивее нас ко внушениям Святого Духа. Действительно, для того, чтобы напомнить им о том, что они суть дети Божии, апостол не колеблется им написать (я чуть-чуть перефразирую его слова): «Не правда ли, что стоит только вам сосредоточиться, как некое слово, некое восклицание вырывается из глубины вашего сознания: “Ав-

ва!». Это не должно вас удивлять: вы приняли Духа Святого, Который, как вы хорошо знаете, есть Дух Сына Божия. Дух Сына возбуждает в вас чувства Сына и исторгает с ваших уст возглас Самого Христа: «Авва, Отец возлюбленный!». Какого еще могли бы пожелать вы лучшего доказательства вашего богосыновства?»

Ввел ли св. Матфей в свой текст молитвы «Отче наш» добавление «Сущий на небесах»¹ из опасения, как бы сыновняя доверительность христианина не выродилась в развязность? — С таким напоминанием устраняется опасность ставить Бога на равную ногу с земными отцами, забывая о Его сугубом величии. Но это уточнение не преследует цель умерить нашу сыновнюю доверчивость, как раз наоборот, оно нас заставляет осознать ту изумительную реальность, что Бог наш — Бог недостижимый,

---

¹А ввел ли его св. Матфей, или так произнес эту молитву Сам Господь? — Св. Лука писал с чужих слов, тогда как св. Матфей *сам* ее слышал из уст Господа, и передавал ее, как общепринято считать, на том же — арамейском — языке. Текст молитвы мог сохраниться в разных вариантах, полном и сокращенном, и до Луки дошел именно второй; в этом нет ничего особенного. Другое дело — *приписывать* Господу слова, которых он *не* говорил!

Сказано не в упрек нашему автору: о. Каффарель не был библеистом, он доверчиво следовал авторитету «ученых исследователей». — А. М.

непостижимый, святой, вечный, всемогущий,
— а мы призваны обращаться к Нему ласково,
как маленькие дети: «*Авва*, Отец возлюблен-
ный, *Авва*, любимый Папочка!»

50. Прииди

Нужно ли молиться Святому Духу? — спрашиваете вы у меня. Перелистайте ваш молитвенник, он вам ответит, предлагая дивные молитвы третьему Лицу Пресвятой Троицы. И среди прочих, в молитвах на Пятидесятницу, гимн на литургию *Veni Sancte Spiritus*, и на вечерню — *Veni Creator*¹, тот *Veni Creator*, который Церковь призывает нас воспевать и в самых торжественных случаях, например, при открытии великих церковных собраний...

Вы, конечно, помните, как пели *Veni Sancte Spiritus* перед занятиями в школе; как я упрекаю себя сейчас за то, что столько раз механически отчитывал этот гимн в коллеже перед уроками английского, где мы баловались, или же математики, где мы помирали со скуки, от-

---

¹«Прииди, Дух Святой»; «Приди, Создатель» (лат.): начальные слова латинских гимнов. — А. М.

читывал, даже не подозревая о богатстве слов, которые произношу.

Veni, прииди. Так начинаются эти молитвы. Начинаются словами, которые обращают к тому, чьего присутствия желают. И такова действительно воля Божия, чтобы Дух Святой был нашим гостем, чтобы мы были Его жилищем, Его храмом (ср. Рим 8,9; 1 Кор 3,16; 6,19).

Молитвы к Самому Лицу Святого Духа в нашей латинской литургии встречаются реже, чем на Востоке. Но чего испрашивают главным образом наши молитвы к Отцу и Сыну, как не дарования Духа Святого, Которого Бог обещал на всем протяжении истории народа Божия? Всякая молитва не предназначена ли для нашего освящения? Но ведь именно Дух Святой делает нас сынами Божиими, усыновляет наши души, из которых вырывается призыв любви и упования: «Авва, Отче!» (ср. Рим 8,14).

Молясь Святому духу, мы говорим Ему: «*Veni*», обращаясь ко Христу или к Отцу, мы просим Их: «*Emitte*» — пошлите Духа Святого, пошлите нам, пошлите в нас Духа, Который один может глубоко и полностью преобразить нас, восстановить, согласно дивному пророчеству Иезекииля: *«Я дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное.»*

Вложу внутрь вас Дух Мой, и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих» (Иез 36,26-27).

И не только каждая отдельная личность, но и вся вселенная должна быть обновлена через Его пришествие. Краткий стих псалма прекрасно выражает это: *«Пошлешь Дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лице земли» (Пс 103,30).*

Нужно ли мне еще убеждать вас молиться Святому Духу?

Что до затруднений, какие вы испытываете, обращаясь к Нему, то не вызваны ли они тем, что вы ищете Его как кого-то, находящегося вне вас, тогда как Он внутри? — Не собеседник, который разговаривает с вами извне, но порыв, который изнутри возбуждает, поддерживает, ведет вашу молитву, вашу живую веру, вашу любовь к Богу и к вашим братьям. Очень хорошо поняла это одна девочка-подросток, которая перед тем, как принять таинство миропомазания¹, пока ее мать прикрепляла к ее головке белую вуаль, сказала: «Мама, я думаю, что я Его уже получила. — Кого это, доченька? — Святого Духа! — Почему же ты

---

¹В латинском обряде таинство миропомазания преподается отдельно от крещения, в возрасте 12-14 лет. — А. М.

так думаешь? — Я все время чувствую желание поступать хорошо».

Дух есть Учитель, Который наставляет нас из Своего тайного обиталища в нас, в глубине нашей души, где Он обитает, и наставляет не посредством слов, но вливая в нас Свое учение. Именно так следует понимать обетование Христово: *«Он научит вас всему, Он напомнит вам все»* (Ин 14,26).

Он наш Учитель молитвы, Который не предлагает нам механических формул, но исторгает из нас молитву, как вопль к Богу.

Наш Друг, он поддерживает нас, но не так, как друзья земные: помощь Его приходит изнутри; Он есть та сила, которая укрепляет нас и утверждает нашу волю, тот огонь, который делает пламенным наше сердце. «Любовию Твоей воспламени нас».

И самое меньшее, чего мы можем ожидать от Него, есть полное наше обновление. Литания прошений гимна в праздник Пятидесятницы исключительно выразительна: «Омой... исправь... исцели... умягчи... воспламени... восставь». В средоточии нашего существа, Он есть поистине Дух Создатель, Вос-создатель.

Почему же мы столь мало преобразены Им? Потому что, бесконечно почитая нашу свободу, Он ни в коем случае не хочет рываться в нас

силой, помочь нам без нашего на то согласия. Он всемогущ лишь в том существе, которое желает быть нищим, внимательным, послушным, восприимчивым, мягким, податливым, управляемым... С таковым Он совершает великое. Но даже и этих свойств следует ожидать от Него же Самого: «Сотвори меня послушным, и наставляй меня; покорным, и веди меня».

Апостолы получили Духа Святого лишь потому, что в ожидании Его прихода *«пребывали единократно в молитве, с некоторыми женами и Мариею, Матерью Иисуса»* (Деян 1,14). От вас зависит, чтобы каждая ваша молитва стала новой Пятидесятницей.

«ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ»

В молитве христианина повторяются различные элементы, составлявшие молитву Сына Божия, ставшего Человеком.

Первая реакция человека, поставившего себя перед лицом Бога, Его Превосходства, Его сияния, Его святости, есть благоговейный страх. Это чувство походит не столько на боязнь, сколько на любовь: любовь, которая поклоняется (**1. Помните Вихра**). — Поклоняться значит исповедовать: «Ты еси Бог, Ты еси Бог единый», простираясь ниц духом и телом во внутреннем порыве, состоящем одновременно из страха и любви, из восхищения и радости (**2. «Богу твоему поклоняйся»**). — Из поклонения вытекает хвала. Простершийся ниц человек восстает, чтобы восславить своего Бога, Его совершенства и Его великие дела (**3. «Во хвалу Его славы»**). — Человек воздает Ему благодарение за Его помощь и Его щедроты, и прежде всего за то, что ОН ЕСТЬ (**4. За Тебя**). — Эти различные состояния соединяются в чрезвычайно богатое духовное настроение, которое охватывает их и превращает в предание себя. Предание себя в «жертву хвалы» (**5. В Роншане**). — В этом предании себя христианин участвует весь целиком: с прошлым, настоящим и будущим, с душою и телом, с жизнью и смертью (**6. Письмо Жан-Пьеру**). — Но, в отличие от неодоушевленных пред-

метов, человек не отдает себя раз и навсегда. Только тот отдал себя Богу, кто никогда не перестает отдавать себя Ему (**7. Второе письмо Жан-Пьеру**). — Наше отдание себя в любви есть возвращение Господу той преизбыточествующей жизни, которую мы имеем от Его любви (**8. Третье письмо Жан-Пьеру**). — В более глубоком смысле оно есть приобщение к тому порыву благодарения, который от века устремляет Сына в объятия Отца (**9. Четвертое письмо Жан-Пьеру**). — У святых эта потребность отдать себя Богу выражается в желании уничтожиться — но нужно хорошо его понимать: оно есть горячее стремление быть поглощенным божественной любовью, как некогда жертвы поглощались огнем, ниспавшим с неба (**10. Атеизм христиан?**).

51. Помните Бихра

Я был очень рад узнать, что достаточно вам бывает услышать произнесенным или увидеть написанным имя Божие, как в глубине вашей души возникает таинственный порыв к поклонению. В этом я вижу свидетельство того, что в вашей душе жива религиозность, та духовная склонность, которая влечет нас почитать, поклоняться Богу, равно как и трудиться ради Его славы. Но не упускайте из виду, что это есть также приглашение тщательно возделывать эту религиозность, основу всех религий.

Между нею и любовью существует тесная связь. Кто это сказал: «Любить значит почитать»? Это верно ведь уже и в человеческих отношениях, но насколько же сильнее правота этого утверждения в наших отношениях с Богом! Истинная любовь к Богу страстно стремится признать Его высшее Превосходство и воз-

вещать Его, чтобы все творение воздало Ему честь и славу.

Что до тех христиан, которые под предлогом сыновней любви не испытывают в присутствии Божиим ни малейшего почтительного страха, порождаемого религиозностью, но обращаются с Ним с такой свободой, которая граничит с распущенностью, то будьте уверены, что они не только не превзошли, как они себе воображают, «закона страха», но они далеко еще не начали быть религиозными.

Часто и прилежно обращайтесь к Ветхому Завету. В частности, к пророкам, этим ревнивым поборникам запредельной Святости Божией. Их слова имеют исключительное значение для того, чтобы дать прорасти, подняться и созреть религиозности, которую Ветхий Завет обозначает термином «Страх Божий». И вы обнаружите, что одновременно в вас распухнет и все более отважная сыновняя доверительность. Действительно, чем больше христианин «боится» Бога, тем больше он его любит. И чем больше он Его любит, тем больше «боится». Противоречие здесь только видимое.

Под конец я хочу привести вам пример, на котором веками учили молодых мусульман почтению к Имени. Я уверен, что вы окажетесь восприимчивы к его глубоко религиозному значению.

«Однажды вечером бродяга Бихр брел совершенно пьяный и увидел на земле, растоптанный уже ногами множества прохожих, клочок бумаги, на котором было написано: “Во имя Бога всемилостивого и милосердного...” Подобрал этот клочок, он завернул его в лоскуток ткани, вложив туда также кусочек муската, и затем почтительно поместил все это в расщелину старой стены. В ту же ночь одному благочестивому человеку приснился сон, в котором ему было велено пойти к Бихру и возвестить ему: “Поскольку ты подобрал Наше Имя, которое влачилося на земле, поскольку ты его очистил и умастил благовонием, Мы также почтим твое имя и в этом веке, и в будущем”».

52. «Богу твоему поклоняйся»

Сначала отрывок из письма, ответ на который следует ниже:

«Я люблю поклоняться Богу; я чувствую влечение к поклонению; я счастлив, когда я поклоняюсь Богу, я должен даже сказать, что никогда больше я не бываю так счастлив. И в то же время, мне необходимо прибавить, что я не знаю, что такое поклонение. Ну, не парадокс ли это? Часто я обращался к книгам, движимый надеждой найти, наконец, определение этого поклонения, занимающего первое место в моей жизни; и всякий раз я бывал разочарован разноречивостью определений или описаний. Поклонение представлено в них как реакция человека, поставленного в присутствие то Верховенства Божия, то Его Величия, то Его Славы. Порой, как предощущение Его грозной близости. А иной раз, как духовное состояние че-

ловека перед лицом Существа, в Котором его исток и конечная цель. Из этого следует, что поклонение Богу тесно связано, по обстоятельствам, то с благоговейным страхом, то с хвалой, то с покорностью или с воздаянием чести. Но не значит ли все это “смазывать” поклонение? Ведь если не определить его строго, оно смешается с различными другими религиозными расположениями духа и утратит свою особенность. Это представляется мне весьма серьезным».

Дорогой друг, я счастлив слышать от вас, что вы глубоко расположены к поклонению. Это несомненный знак присутствия в вас Духа Божия и того, что ваша религия — это не просто та мораль или смутная религиозность, которую столько христиан принимают за подлинную религию — христиан, о которых позволительно спросить, не являются ли они атеистами, сами того не ведая?

Чтобы уяснить себе, что же есть истинное поклонение, исходите из утверждений Писания: «Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи» (т.е. воздавай Ему почитание). Эту заповедь, которая была на протяжении веков основным правилом жизни как частной, так и общественной всего народа Израильского, Христос вновь объявил на заре времени благо-

дати (ср. Лк 4,8). И он прибавляет: *«Настало время, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»* (Ин 4,23-24).

Разве не вытекает из этого, что поклонение есть такой человеческий акт, который обращен к Богу и который не может быть обращен ни к кому иному, как только к Нему? Первые христиане, которые умирали тысячами за отказ поклониться императору или идолам, понимали это именно так.

Другие религиозные расположения духа, как то: почитание, хвала, любовь, в отличие от поклонения, встречаются и в отношениях между людьми. Ибо Бог отнюдь не стремится быть единственно почитаемым, хвалимым, любимым. Но Он не терпит, чтобы человек поклонялся кому-то другому, кроме Него: «Имя Его — “ревнитель”: Он — Бог ревнитель» (Исх 34,14).

Итак, именно Бога, и постольку, поскольку Он есть Бог, имеет целью поклонение. Поклонение — это такое расположение души, выражает ли она это во внешних жестах и действиях или нет, — которое провозглашает: «Есть Бог. Ты есть Бог. Ты единый есть Бог». Поклонение, следовательно, не имеет своим объектом то или иное совершенство Божие, но именно божест-

венность как таковую, независимо от ее атрибутов.

Утверждать через поклонение, что Это Существо, Которое стоит передо мною, есть Бог, это в самом деле есть и признание дивных Его совершенств. И эти последние — единство, простота, истина, благодать, бесконечность, вечность, непостижимость, премудрость, провидение, справедливость, милосердие, всемогущество — вызывают в душе множество религиозных чувств: страх, изумление, почтение, покорность, хвалу, покаяние, благодарение, доверие, сыновнюю любовь... Но эти чувства, сопровождающая поклонение, не являются поклонением. Нужно прибавить даже, что без него они ничто. Ибо именно от него получают они свое религиозное значение.

Но, вместе с тем, истина также и в том, что поклонение не достигает всей полноты, если оно не включает всех этих различных чувств, не питается ими. Только включая их, оно является во всем своем блеске как поклонение сыновнее, трепещущее и воспевающее, доверчивое и ликующее.

Внутреннее поклонение человека, который не есть чистый дух, должно выражаться также и позой тела, причем самой характерной, несомненно, является простереться ниц. «Он про-

стерся на земле и поклонился», — читаем мы на каждой странице Библии. А также должно оно выражаться и через ту специфическую религиозную деятельность, каков есть культ, культ поклонения, полагающийся одному только Богу, и особенным проявлением которого является жертва.

Но поклоняющийся в духе и истине всегда помнит, что внешний культ лишен значения, если он не основан на культе внутреннем. Христос бросает фарисеям упрек, который пророк Исаия обращал к своим современникам: *«Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня. Но тщетно чтут Меня»* (Ис 29,13; Мф 15,8-9).

И поскольку человек есть существо социальное, он склонен выражать свое поклонение и свой культ социально, т.е. публично исповедовать свою веру в Бога и объединяться с другими людьми: «Приидите, поклонимся».

Но у вас не будет полного понятия о поклонении, если вы не рассмотрите его в жизни великого Поклоняющегося, Иисуса Христа. Действительно, насколько Он был человеком, творением, настолько первой его религиозной обязанностью было поклоняться Отцу. Оно составляло как бы стержень всей Его земной

жизни и в Назаретской мастерской, и на дорогах Палестины. В Жертве на Голгофе оно нашло свое крайнее выражение: там, на Кресте, Христос утвердил, возвестил всему миру, что есть Бог, что нет иного, кроме Него единого, и что Сей Бог, Чья любовь не остановилась даже перед тем, чтобы отдать Своего Сына, требует, чтобы все творение признало Его за Такого и поклонилось Ему.

И то великое непрерывное поклонение, которое «от восхода солнца и до запада» возносится ото всех сынов Божиих к их Отцу, есть то самое поклонение Сына Божия Единородного, которое Он Сам изливает в сердце каждого из Своих братьев.

53. «В похвалу славы Его»

Я задаюсь вопросом, дорогой друг, достаточно ли места вы уделяете в вашей молитве хвале Божией?

Не сомневаетесь ли вы в ее ценности в очах Господних? Если сомневаетесь, перелистайте псалтырь, там вы найдете ее почти на каждой странице. А ведь псалтырь — это книга, данная нам Самим Господом, чтобы научить нас молиться!

Но в то же время, вы поймете, что источник хвалы — это познание Бога: ревностные иудеи были людьми хвалы потому только, что сперва они были «искателями Бога». Невозможно восхищаться и воспевать то, чего не знаешь!

Они любили созерцать дела Господни. Послушайте:

«Господи, Боже наш!

Как величественно имя Твое по всей земле!»

(Пс 8, 1)

*«Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим;
я восхищаюсь делами рук Твоих» (Пс 91,5)*

Они подолгу размышляли над тем, что они называли «подвигами», «могуществом», «силою» Того, Кто спас их «мышцею крепкою и рукою простертою»:

*«Славьте Господа, призывайте имя Его;
возвещайте в народах дела Его.
Хвалитесь именем Его святым;
да веселится сердце ищущих Господа!» (Пс 104, 1.3)*

Но еще более, чем Его делами, восхищались они совершенствами своего Бога: Его святостью, Его славой, Его могуществом и превыше всего тем, что лежало в основе всех Его дел и всех Божественных вмешательств в ход истории — Его безмерной благостью:

*«Славьте Господа, ибо Он благ,
ибо вовек милость Его.
Того, Который один творит чудеса великие,
ибо вовек милость Его» (Пс 135,1.4)*

Прежде, чем излиться с уст словами, хвала зарождается, как радость сердца, восхищение

Богом, внутреннее и безмолвное. Как огонь, она охватывает понемногу все существо целиком, и лишь затем раздражается гимнами ликования. Тогда царь Давид, презрев торжественный церемониал, пускается в пляс перед ковчегом Завета. Верующий становится «живой хвалой».

И тогда эта хвала становится уже не только молитвой, относящейся к определенным праздничным дням, но молитвой глубокой, непрерывной:

*«Благословлю Господа во всякое время;
хвала Ему непрестанно в устах моих»* (Пс 33,1)

*«Да славит душа моя и да не умолкает.
Господи, Боже мой! буду славить Тебя вечно»* (Пс 29,13)

Когда же хвала грозит ослабнуть, то верующий сам подстегивает себя:

*«Хвали, душа моя, Господа.
Буду восхвалять Господа, доколе жив;
буду петь Богу моему, доколе есмь»* (Пс 145,1-2)

Однако, не нужно думать, что человеку хвалы довольно собственного индивидуального во-

сторга. Он не может восхищаться, не испытывая властную потребность соединиться со своими братьями для того, чтобы достойно почтить объект своего восхищения. Больше того, он не может удержаться, чтобы не пригласить ко хвале всех членов народа Божия:

*«Боящиеся Господа! восхвалите Его.
Все семья Иакова! прославь Его»* (Пс 21,24)

И еще более широко, забывая свой национальный партикуляризм и обособленность, он адресует свой призыв ко всем народам:

*«Хвалите Господа, все народы,
прославляйте Его, все племена»* (Пс 116,1)

Творения, даже неодушевленные, также призываются ко служению хвалы:

*«Да шумит море!
Да радуется поле!
Да рукоплещут реки!
Да ликуют все деревья дубравные!»* (Пс 95; 97)

Как же христианам, для которых Бог сделал настолько больше, которым Он открыл тайны неслыханной любви, не возносить такой же, и даже гораздо большей, хвалы Богу?

Но и те побуждения, что вдохновляли псалмопевца, не чужды им, и то значительное место, какое древние псалмы Израиля занимают в литургии, служит ясным тому свидетельством. Однако побуждения более высокие пробуждают в них еще более высокую хвалу. Она есть восхваление Отечества Божия по отношению к ним, ликующие восклицания в честь Отческой Его любви. Ибо христианам ведомо то, чего не знали иудеи:

«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3,16).

И эта жизнь вечная представляет собой неслезанную реальность:

«Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называть и быть детьми Божиими» (1 Ин 3,1).

Сколько же христиан из-за того, что на деле они не верят, что являются чадами и наследниками Божьими (ср. Гал 4,7), изнывают в посредственности и унынии, и когда они приступают к молитве к Своему Господу, то куда чаще делают это затем, чтобы кланчить, а не чтобы воздать благодарение. Бывая у них, почти что не испытываешь впечатления, что нахо-

дишься в присутствии народа, который Бог приобрел Себе «в похвалу славы Его» (Еф 1,14).

К счастью, есть среди христиан и такие, которые понимают свое призвание ко хвале. И хвала эта драгоценна в очах Божиих, ибо Он слышит в ней отголоски молитвы Сына Своего. Чтобы дать понять эту истину, некоторые Отцы Церкви охотно сравнивали Христа с царем Давидом, который, славя Господа, играл на музыкальных инструментах. Но, прибавляют Отцы, новый Давид не прибегает «к псалтири и гуслям», инструментам неодушевленным. Чтобы воздать достойную хвалу Отцу Своему, Он играет на инструменте, наделенном разумом и свободой, каков есть человек, с душой и телом. Таким образом, через христианина и в христианине, который воздает хвалу своему Богу, Сам Христос выражает Возлюбленному Отцу Своему вечное Свое и радостное благодарение.

Хвала христианина — хвала Христа.

Хвала Церкви — хвала все-Христа, присутствующего во вселенной.

54. За тебя!

Уже не помню, где я прочитал, что о. Шарль де Фуко испытывал необычайную радость, воспевая Богу стих гимна *Gloria* («Слава в вышних Богу»): «Благодарим Тебя ради великой славы Твоей!»

Мы, христиане малого формата, благодарим Бога за Его дары, за Его помощь, за Его щедроты. И слишком часто мы, подобно девяти прокаженным, попросту забываем о благодарности.

У святых Сияние Божества, Его безмерное Величие, неизмеримая Его Благодать исторгали из сердец благодарение. Их восхищало и переполняло радостью не то прежде всего, что Бог им дает, но то, что Он есть. Если бы они даже и не получили от Него ничего, хвала их не сделалась бы оттого менее пламенной, их счастье ничуть не умалилось бы, ибо они предельно счастливы просто потому, что Бог есть Бог.

Вот, несомненно, чувство из самых тонких, самых очищенных, самых редкостных (в двойном смысле слова: редко встречающихся и драгоценных). Есть такие существа, которые, всецело оставив заботу о себе, освободившись от всякого инстинкта собственности, не нуждаются в благодеяниях для того, чтобы забил в них источник благодарности: им довольно, чтобы некая прекрасная вещь существовала...

Подобное чувство предполагает долгое упражнение в чистой любви и в самоотречении. И вместе с тем, его порой можно встретить в сердце ребенка, как распустившийся подснежник, опередивший весну.

Вот пример маленькой девочки, которая, безусловно, не далека от того, чтобы оценить и принять приведенный стих из *Gloria* — ее мать передала мне такие ее слова: «Спасибо, мама, спасибо, моя мамочка! — Но за что же, доченька? — За ТЕБЯ!».

55. В Роншане

Один студент недавно рассказал мне, как ему открылась молитва. Я вам передаю его слова, они, быть может, помогут вам лучше молиться.

Это произошло в Роншане, в церкви, построенной Ле Корбюзье, памятнике уникальном, не похожем ни на какой другой, истинном творении — мысль, которая нечасто приходит в голову при виде произведения искусства. Внутри, в глубине, направо от главного алтаря — часовня. Представьте себе круглую башню, примерно метров четырех в диаметре и метров пятнадцати высотой. Войдя туда, вы оказываетесь в совершенно пустом пространстве. Стены с заметными выступами, покрытые бледно-серой штукатуркой, лишены всяких украшений. Свет падает с высоты, но отверстия, сквозь которые он проникает, невидимы снизу. Внизу почти потемки, но взгляд, постепенно подни-

маясь, достигает яркого света вверху башни. Легко себе представить, что водолаз, погрузившись на много метров под воду, должен испытывать похожее чувство.

В этой часовне, пустой, как монашеская келья, имеется только один предмет: посреди, перед вами — алтарь — массивный каменный блок без каких-либо украшений, на котором ничего нет¹. Он слегка расширяется кверху, что как бы придает ему движение, словно бы стремление вознестись.

Итак, юный мой друг находился там, охваченный чувством глубокой сосредоточенности. И вот, в этой как бы просвечивающей атмосфере, в этом пустом месте, где ничто не давало пищи ни воображению, ни чувствам, ни рассудку, он ощутил непреодолимое притяжение, исходившее от этого нагого алтаря. Алтарь поставлен ведь не для того, чтобы ничего не нести на себе; это есть стол Божий, именно здесь человек предлагает Ему свои приношения, именно здесь Бог принимает их и освящает. Но вот, в этой убогой келье мой друг не увидел ничего, что можно было бы предложить Богу; ничего, кроме самого себя. Да, он внезапно это понял: Бог требует от него принести себя —

---

¹С тех пор на нем поместили распятие и подсвечники. Об этом стоит пожалеть, ибо впечатление совершенно изменилось. — Авт.

свой разум, сердце, тело, свободу — в жертву поклонения.

С этого дня мой друг в начале своей молитвы часто возвращается мысленно к этому каменному столу, к этому ожидающему чего-то алтарю, алтарю, ожидающему его. И он себя приносит. И думает о том, что для жертвы на алтаре нет ничего лучшего, как оставаться там, в распоряжении Бога, как бы охваченной вышним светом. И на протяжении всей молитвы вся его активность, — а это активность, и притом напряженная, — сводится к тому, чтобы удерживать свою душу в этом расположении самоотдачи, молясь Ему, чтобы Он соблаговолил воспринять эту «жертву хвалы».

56. Письмо Жан-Пьеру

Не могу не согласиться, что молитва способна выродиться в поверхностную активность, не захватывающую глубины нашего существа, что такая угроза существует постоянно, и ты прав, что ее опасешься.

Я недалек от мысли, что для многих молитва представляет собой всего лишь приятное мурлыканье кошки у огонька, а для других — поток слов, лишенных значения. К этим последним относятся слова Христа: *«Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“, войдет в Царство Небесное»* (Мф 7,21).

Действительно, можно разговаривать с Богом, не будучи притом этим захваченным; можно предаваться утонченным размышлениям, испытывать волнующие духовные переживания, но опять-таки не быть захваченным до глубины.

Каков же тот внутренний порыв, который заставил бы тебя устремить к молитве глубинное твое существо, ввести тебя в самую суть ее, который охватил бы твое прошедшее и твое будущее, чтобы предать их Богу, который заставил бы тебя поставить на карту твою жизнь? Одно лишь слово, одно понятие обозначает этот порыв: самопожертвование. Да, творить молитву это, прежде всего, пожертвовать себя Богу.

Ты скажешь мне, возможно: «А почему не любовь?» Но, говоря по существу, любовь и самопожертвование нераздельны: самопожертвование для любви — то же, что плод для дерева. Долгая, терпеливая, скрытая работа дерева в течение нескончаемой зимы готовит сладкий плод, который под солнцем июня созреет на его ветвях. Так же обстоит дело с самопожертвованием, этим плодом любви, терпеливо возвращаемым в течение многих молитв, который в один прекрасный день во время очередной молитвы сам собой упадет в руку Божию, протянутую, чтобы его сорвать.

Ап. Павел нашел слова, чудесным образом способные побудить нас к такому самопожертвованию. Я хотел бы, чтобы ты знал их наизусть, чтобы ты повторял их неторопливо и внимательно в начале твоей молитвы: *«Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благо-*

угодную Богу, для разумного служения вашего»
(Рим 12,1). Можно ли найти лучшее определение молитвы?

57. Второе письмо Жан-Пьеру

Я не ожидал странного вывода, который ты сделал из моего последнего письма. «Если молитва состоит по сути в том, чтобы отдавать себя, — пишешь ты мне, — то я не понимаю, почему вы требуете, чтобы я творил молитву каждый день? Если эта самоотдача истинная, всецелая, осознанная, совершена однажды, то для чего же возобновлять ее каждый день? Что сделано, то сделано». Читая это, я представил супруга, который на упреки жены, что он никогда не говорит ей о своей любви, отвечал бы: «Но, сама подумай, разве не смешно — постоянно твердить тебе то, что я уже однажды заявил раз и навсегда!» Ох, уж эта мне логика!

«Что сделано, то сделано». Утверждение твое не так логично, как кажется. Личность не отдает себя так, как предмет. Когда ты отдаешь свои часы или авторучку, тогда, действительно,

дело сделано, и нет нужды впредь к нему возвращаться. Но живое существо отдает себя лишь в меру того, насколько оно не прекращает себя отдавать, насколько остается оно готово к самоотдаче. Стоит ему отказаться от этого основного расположения, как оно перестает быть отданным. Это верно в человеческой любви, верно это и в отношении к Богу.

Крайне важно поэтому достичь такого расположения и сделать его постоянным, привычным для нас, а достигнув его, сохранять и поддерживать, иначе очень скоро оно утратит свою силу и подлинность. Но весьма действенным способом достичь, сохранить и поддерживать эту готовность отдания себя Богу является молитва. Только молитва ведет нас к непрестанной отдаче себя Богу, только она возобновляет ее и придает ей силы. Молитва есть особенное время нашей жизни, пожертвованной Богу.

58. Третье письмо Жан-Пьеру

Творить молитву значит приносить себя в жертву Господу, говорил я тебе в двух моих последних письмах. Но из чего состоит этот порыв, заставляющий христианина пожертвовать себя своему Богу? — У него много составляющих, но об одной стоит сказать особо: о той, знаком которой отмечено самопожертвование, и это благодарность.

Когда ты становишься перед лицом Божиим, когда ты думаешь о Нем, ты не можешь избежать восхищения Его великодушием, Его щедростью. Он осыпает тебя милостями, Он не перестает давать их тебе. Если у тебя отзывчивое сердце, благодарность изольется сама собой. На Его щедрую любовь ты отвечаешь благодарной любовью.

И если ты еще больше углубишься в размышление, ты не замедлишь понять, что отличает Бога от иных благодетелей: те предлага-

ют тебе то, чем ты будешь владеть, Бог же дарит тебе нечто неизмеримо важнейшее — Он непрестанно дает тебе быть. Ты осознаешь, что стоит Ему на мгновение прервать Свое действие, как ты немедленно провалишься в небытие. И вот снова и снова трепещет в тебе благодарность. Но теперь уже она есть нечто значительно большее, чем просто чувство, хотя бы очень сильное, пламенное: она — как возвращение всего твоего существа к Богу; внезапно ты становишься как бы рекой, обращающейся к своему истоку.

Но твоему размышлению есть куда еще углубиться. Не только существование, природную жизнь, каждое мгновение дает тебе Бог; Он дает еще и жизнь сверхприродную, семя которой Он засеял в тебе через крещение и которую Он не перестает поддерживать Своими таинствами. Если ты действительно осознаешь этот чудесный дар, в котором Бог сообщает тебе Свою собственную жизнь, тогда твоя душа, подхваченная обитающею в ней благодатью, устремится к Нему в порыве благодарности и, радостная, погрузится в объятия Его Отеческой любви.

Так, на всех этапах твоего размышления будет проявляться благодарность. Это и есть та глубокая сила, которая влечет человека молитвенной жизни отдать себя Богу.

Но дадим ей ее христианское имя: «акт благодарения». На благодатную Божию любовь человек отвечает благодарной любовью. Благодать и благодарение — два полюса диалога любви между Богом и человеком.

Акт благодарения — несомненно, нечто большее, чем слова и чувства, он — радостное и любовное отдавание себя, без остатка и без возврата.

59. Четвертое письмо Жан-Пьеру

Удалось ли мне убедить тебя, что благодарение, душа молитвы, есть нечто весьма отличное от более или менее поверхностного чувства, но что это порыв нашего самого глубинного существа, который, исходя от Бога, к Богу и возвращается? Прилив и отлив любви: любви Божией, которая изливается на Его дитя, и любви сыновней, которая возносится к Отцу. Одна и та же любовь, которая исходит из Бога и к Нему возвращается, отеческая при исходе, сыновняя при возвращении.

Этот обмен любви между Богом и человеком отражает — одновременно участвуя в ней — истину гораздо более высокую: тесную связь Отца и Сына в лоне Пресвятой Троицы. Отец от самой вечности в порыве блаженного великодушия сообщает всю полноту Своего бытия без остатка и без перемены Своему Возлюбленному Сыну. Сын от самой вечности принимает

дар Отца и предает Ему Себя в радостном порыве благодарения. Любовь, которая дарит, и любовь, которая воздаст благодарение, «как две могучие волны, которые неудержимо бегут навстречу друг другу, встречаются, смешиваются и вздымаются одновременно наподобие огромного взрыва» (Ришар де Сен-Виктор).

Сын Божий пришел к нам, чтобы осуществить Свой извечный акт благодарения в природе человеческой. Действительно, в сердце Иисуса-Человека видна невообразимая тайна Троицы: Отцу, дающему Себя, Сын предается весь без остатка. «Благодарение воздаю Тебе, Отче»: эта короткая фраза, которая постоянно у Него на устах, весьма показательна для Его внутренней жизни, для Его вечной религии, вкорененной в Его человечество.

Его благодарение является во всей своей полноте и мощи в час Его страстей и Воскресения. Торжествуя над страданиями и смертью, в победном порыве, оно возносит Его одесную Отца.

Но Христос, однако, не перестает совершать на земле великую литургию благодарения. День ото дня, с часу на час, от востока и до запада св. Литургия на протяжении веков продолжает то действие, которым, от имени Своего и от имени безмерной толпы людей, Он приносит Себя в благодарственную жертву Отцу.

Но его любовь не довольствуется этим. Воздавать благодарение среди людей, воздавать благодарение за всех людей ей мало; ей необходимы миллионы сердец и миллионы голосов. И она вторгается в эти сердца через евхаристическое причащение, она внедряет в них свое вечное благодарение, чтобы оно пустило там корни и возрастало, чтобы оно не только совершалось в литургических собраниях, но чтобы также жило во все века и повсеместно через всех мужчин и женщин, детей и старцев, которые открылись ему навстречу.

Что же касается молитвы, то она есть то особенное время, когда, оставив все прочие заботы, христианин полностью соединяется с благодарением Христа.

60. Атеизм христиан?

Несколько добропорядочных бельгийских и французских семейств, одна неверующая супружеская пара, трое студентов и один священник скучают в гостиной маленького горного отеля. Что делать, когда ливень за окном не позволяет высунуть и носа? После того, как они провели таким образом час или два, каждые пять минут выглядывая за дверь, не меняется ли погода, им пришлось, наконец, смириться с вынужденным заточением. В конце концов, не пора ли нам всем познакомиться?

Студенты, хоть и католики по происхождению, теперь соблазнились индуизмом, чью литературу они усиленно и с энтузиазмом изучают. Они не преминули с пылом наброситься на добропорядочные семейства: «Бог нас интересуется больше, чем ваша мораль, вот почему мы пришли к индуизму... В ваших христианских семьях невозможно встретить Бога, а только

обманчивый кодекс пристойных манер и хорошего воспитания. И не Бог является основной темой проповедей ваших священников, но регуляция рождаемости, война во Вьетнаме, социальные нужды, недостаток средств у негосударственных школ...». У меня завязалась переписка с одним из этих троих студентов. Он поистине из рода «ищущих Бога». Я посоветовал ему обратиться к Отцам Церкви и к великим духовным авторам. Вот мое последнее письмо к нему:

Мой дорогой друг, я готов согласиться с вами, что мы — поколение католиков с бледными лицами, охотно рассуждающие, морализирующие филантропы, весьма мало чувствительные к трансцендентности Бога. Но загляните же в книги духовных авторов времен неколебимой веры. Вы найдете в них тех могучих Богопочитателей, о которых мечтаете.

На днях я перечитывал одну из самых выдающихся страниц нашей религиозной литературы, рассказ об открытии Бога юным Кондреном (этот рассказ приводит Бремон в своей «Литературной истории религиозного чувства во Франции», т. VIII). Я переписал для вас несколько строк, чтобы пробудить в вас желание прочесть все целиком: «Божественное величие представилось ему столь безмерным и бесконечным, что, казалось, ничто больше не должно

существовать, как только это чистое Бытие, и что всей вселенной надлежит разрушиться ради Его славы... Он предал себя от всего сердца Богу, чтобы быть обращенным в ничто в Его честь и чтобы никогда не жить иначе, как только в таком расположении духа». Недавно я встретил отголосок подобного религиозного настроения в письме одной студентки: «Вас, быть может, удивит, — пишет она, — это письмо студентки шестнадцати лет. Но, собственно, почему бы нет? Почему это непременно нужно обладать зрелостью и почтенным возрастом в придачу, чтобы стремиться всем своим существом обратиться в ничто в том соприкосновении с Богом, каким является молитва?» Как видно, и сегодня еще встречаются христиане, которые умеют поклоняться в духе и истине!

Согласитесь, что есть немало великих душ, имеющих возвышенные представления о Боге. Их понятие о Боге Всевышнем и Всесвятом столь чисто, что у них невольно возникает желание исчезнуть в Нем. Такого опыта, если не вмешается исключительная благодать, достигают обычно в результате жестоких и настойчивых усилий в поисках Бога. Часто встречается он у великих духовных мужей. Но важно не смешивать этой потребности обратиться в ничто в Боге с каким-то стремлением к нирване. Она не является также и неким патологичес-

ким стремлением к небытию, в ее основе не лежит отвращение к себе и к жизни, но властная внутренняя потребность в том, чтобы был совершенным образом прославлен Бог, безмерное Величие Которого предвосхищается человеком.

Правда, слова здесь грозят ввести нас в заблуждение. Однако, взглядевшись пристальнее, мы увидим, что это желание «обратиться в ничто» не означает стремления вернуться в небытие, разрушиться, но — окончательно затеряться в Боге. Капелька росы, трепещущая, стремится быть выпитой Солнцем.

Это любовь порождает в том, кто созерцает величие Божие, потребность обратиться в ничто, значит, желание полностью отдать себя, влиться в Существо, Которому поклоняешься, отдать Ему все свое существо, чтобы Его Существо просияло в нас.

Жертвы Ветхого Завета: заклание, уничтожение, и в особенности всесожжение, при котором огонь пожирал жертву целиком, до последнего кусочка, вызывают восхищение этих истинных почитателей, ибо они находят в них символ того уничтожения, которое они призывают всем сердцем. И не участи хладного пепла после всесожжения ищут они себе, но уничтожения жертвы пылающей — Жанны д'Арк, пожираемой пламенем, души, поглощаемой Богом.

Им представляется, что все, что не передается Огню живому, оскорбляет бесконечное Величие Божие, позволяя себе существовать вне Его — а они убеждены в том, что ничего не существует вне Его.

Они ясно видят, что даже если все существа во вселенной бросятся в огонь в едином великом порыве поклонения, то и это еще не будет должным почитанием Его Святости, Его Славы, Его вечной любви. И это видение порождало бы в них глубочайшую печаль, если бы сразу за ним не приходила мысль об Иисусе Христе, о Том, Кто, *«будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной»* (Флп 2,6-8).

Теперь же, восхищенные тем бесконечным почитанием, творимым в честь Бога Бесконечного, каким является жертва Иисуса Христа, они стремятся затеряться в этой жертве — хвостинками в безмерном пламени всепожжения, в этом огне, который есть Сам Бог. Ибо *«Бог наш есть огонь поядоющий»* (Евр 12,29).

«СОБРАННЫЕ ВОЕДИНО»

Христианин во Христе, Который объял его, соединен со всеми своими братьями: с теми, что на земле, и с теми, что на небе. Их духовные богатства принадлежат ему, а его — им. Вместе с ними он создает себя ответственным за все человеческие существа, которые еще не знают Отца Небесного.

Только в Церкви, в молитвенном собрании всех детей Господних, можем мы встретить Бога и молиться Ему. В ней каждый молится от имени всех, и все — от имени каждого (**1. Локоть к локтю**). — Таким образом, в молитве мы располагаем гораздо большим, чем наши личные возможности, а именно, теми неисчерпаемыми возможностями, каковы суть любовь и молитвы всех членов семьи Божией (**2. Дочурка органиста**). — Но в час молитвы нужно соединяться не только с Церковью земной, но и с Церковью небесной, присоединяться к великой небесной литургии, литургии ангелов и святых (**3. Лестница Иаковля**). — В центре же великого собрания всех детей Божиих — Мария, Мать, и наша молитва смешивается с Ее молитвой! (**4 и 5: Присутствие Марии**). — Соединяться с Церковью для молитвы не означает отстраняться от множества людей, не знающих Бога или Его отрицающих. Возможно ли созерцать сияние, всемогущество, отечество Божие, и не испытывать при этом непреодоли-

мого стремления открыть их другим? (**6. Атеизм и молитва**). — Одним только своим молчаливым присутствием человек молитвы трудится над делом Божиим, которое заключается в том, чтобы «*рассеянных чад Божиих собрать воедино*» (Ин 11,52) (**7. Черная Мимуна**). — Но кроме того, он предстательствует за мир, чтобы тот был сохранен от кары, какую призывают вопиющие грехи людей (8. «**В проломе**»). — Предстательствовать значит намного больше, чем защищать дело своих братьев, это означает дать пройти через себя всемогущей любви Бога, горящего желанием установить Царствие Свое (**9. С простертыми руками**). — Так через молитву человек содействует осуществлению дела Божия, и не только в себе, но также и во всем мире (**10. Молиться значит сотрудничать**).

61. Локоть к локтю

Чтобы найти Бога, нам следует явиться туда, где Бог ожидает нас. Ибо Он Сам назначил нам место для встречи. Для евреев во время их странствования в пустыне это была «Скиния собрания». После водворения в Ханаане таким местом стал Иерусалим и внутри Иерусалима — Храм. Нигде вне него нельзя было приносить жертву. Храм — это «Дом Божий», который пророки зовут также «Домом молитвы». И даже те молитвы, которые каждый творит у себя дома или в синагоге, направлены ко Храму. Так, пророк Даниил всегда держал открытым окно в своей верхней комнате, которое смотрело в сторону Святого Града.

Но Храм был только образом, предвосхищением того подлинного дома Божия, каким является Церковь, это великое собрание всех верных земли и неба. Церковь есть «Храм святой», как говорит св. ап. Павел, «Дом духовный», новый «Дом молитвы».

Если желаешь молиться, следует быть в Доме Божиим, следует войти в Церковь, я хочу сказать, осознать свою принадлежность к Церкви. Тот, кто обособливается, никогда не встретит Бога, ибо только в Церкви, мистическом Телe Сына Своего, Бог ожидает нас. «Вне Церкви нет спасения» — потому что вне Христа, вне семьи Божией, вне Дома Божия мы не сумеем отыскать Бога¹.

Я боюсь, не поддались ли вы искушению некоего духовного индивидуализма, и не этим ли объясняется ваше уныние? Молитесь же в Церкви, единясь духовно со всеми вашими братьями.

Молитесь посреди них, присоединяйте ваш голос к их голосам, к молитвам священников и верных, к молитвам всех людей вчерашних, сегодняшних и завтрашних.

Молитесь также от их имени, рассматривайте себя, как состоящего на службе, предоставьте ваш голос, вашу душу всей христианской общине, которая хочет через вас обращаться к Богу. Разве Христос не призывал нас говорить: «Отче наш... Дай нам...»? Христианин не дол-

---

¹ Не следует заключать отсюда, что молитва людей не-церковных не имеет цены. Но только лишь через Церковь, которая принимает и предлагает ее, достигает она Бога. — Авт.

жен молиться только от своего собственного имени и просить для себя одного.

Но это еще не все. Вам следует также молиться через ваших братьев. Знайте, что в великой братской общине вы располагаете ими. Клодель неподражаемым образом выразил это в своем «Поэте, вззирающем на Крест». Послушайте: «Мы располагаем не только нашими собственными силами для того, чтобы любить, постигать и служить Богу, но силами всех вместе, начиная от Блаженной Девы, благословенной в вышних небесах, и вплоть до того убогого африканского прокаженного, который с колокольчиком в руках своим наполовину сгнившим ртом произносит ответы Мессы. Все творение, видимое и невидимое, вся история, все прошлое, все настоящее и все будущее, вся природа, все сокровища Святых, умноженные благодатью, все это в нашем распоряжении, все это есть наше продолжение и наше чудесное орудие. Все Святые, все Ангелы принадлежат нам. Мы можем воспользоваться разумом св. Фомы, десницей св. Михаила и сердцем Жанны д'Арк и Екатерины Сиенской, и всеми сокрытыми возможностями, которых нам стоит только коснуться, чтобы они пришли в движение. Все, что только совершается благого, великого и прекрасного от одного края земли до другого, все, что только совершается святого, все это как бы дело наших рук. Героизм

миссионеров, вдохновенность наставников, отвага мучеников, гений художников, пламенная молитва кларисок и кармелитов, все это — словно бы это были мы, и это, действительно, мы! От Севера до Юга, от Альфы до Омеги и от Восхода и до Запада, все это составляет одно с нами, мы облачаемся во все это, мы все это приводим в действие».

Вступите же в игру, по праву и отважно. Не начинайте никогда вашей молитвы без того, чтобы соединиться со «Христом всецелым», со всею массой верных, поклоняющихся Отцу; без того, чтобы не ощутить себя стоящим локоть к локтю вместе с вашими братьями повсюду.

И затем молитесь вместе с ними, через них, ради них. Сколь часто вы будете изумлены, обнаружив, насколько стали вы богаче и сильнее, тогда как приступали вы к молитве, удрученные своею слабостью, своею нищетой и одиночеством!

62. Дочурка органиста

Однажды вечером я ужинал в семье Мориса, и он презрительно пожал плечами, когда заговорили о почитании святых. Я удивился и стал его расспрашивать. Он объяснил: недавно, во время молодежных реколлекций¹, в которых он участвовал, проповедник призывал их оставить почитание святых старухам...

Морис был прекрасный парень шестнадцати лет, живой, как огонь, прямой, как тростник, разумный и жертвенный. Когда после беседы я стал прощаться, он попросил меня написать о том, что я ему сегодня рассказал, прибавив: «Я прочитаю это друзьям». Несколько дней спустя я отправил ему письмо, которое привожу сейчас здесь. Оно послужило отправной точкой для нашей переписки, откры-

---

¹Реколлекции (от лат. *recolligo*: «вновь собираю») — особые духовные упражнения, имеющие целью сосредоточение и обновление духовной жизни. — А. М.

вшей мне в нем неожиданную духовную зрелось. Но переписка эта, к несчастью, внезапно оборвалась: через шесть месяцев Морис погиб в катастрофе.

Мой дорогой Морис, помню, как велико было твое изумление в тот вечер, когда я признался, что люблю молиться святым. Ты недоумевал: уж не сидит ли перед тобой какой-то пережиток «темных веков»? Но я не согласен утратить твое уважение. Поэтому я защищаюсь.

И прежде всего, позволь мне дать тебе один совет. Я бы хотел, чтобы ты следовал ему в течение всей твоей жизни, как не перестает смотреть на компас тот, кто путешествует в непроходимых джунглях. Когда ты слышишь какую-либо мысль, которая противоречит почитаемой, бесспорной, существенной традиции Церкви, начинай всегда с предположения, благоприятного традиции. Так вот, в нашем случае именно так и обстоит дело: почитание святых занимает весьма заметное место в жизни Церкви на протяжении двадцати веков; почти что каждый день литургия славит того или иного из них; один раз в год они празднуются все вместе; и во время наиболее торжественных церемоний, например, при рукоположении во священство, поются литании святым, в которых испрашивается их молитвенное за нас заступничество.

Как же могли тебе сказать, будто вера в предстательство святых не имеет никаких библейских оснований? Перелистай Евангелие, ты там увидишь, что чудеса весьма часто совершаются именно по молитвенному предстательству: центурион ходатайствует перед Христом за своего больного слугу, мать докучает Господу, чтобы добиться исцеления своей дочери... Так почему бы вдруг утратили силу предстательства тех, кого Господь призвал находиться вместе с Ним? И неужели Та, Которая в Кане добилаась первого чуда от Своего Сына, сегодня больше не имеет к Нему доступа?

Один из моих друзей вернулся с войны в Алжире, где он пережил страшные дни. Я спросил его: «Находили ли вы помощь в молитве?» — и вот что он ответил:

«Да, но не в моей собственной, а в молитве моей семьи. В иные дни, полностью изнуренный физически и морально, я бывал неспособен ни к малейшей молитве; и тогда я вспоминал прощальные слова моего отца на вокзальном перроне, когда я покидал Лилль: “Если порой ты не сможешь больше молиться, вспомни тогда, что молитва всей нашей семьи принадлежит тебе, и просто говори Богу: Господи, я не могу больше молиться, но услышь молитву

моей семьи, собравшейся сегодня вечером, чтобы молиться вместе»».

Что же, Морис, неужто тебе трудно допустить, что эта молитва за сына, за любимого брата, находившегося в сущем аду, имела великую силу пред Господом?

Сколько жалостна судьба того, у кого нет семьи, о которой он мог бы подумать: «По крайней мере, они все молятся обо мне!» Это — самое безнадежное одиночество. Но, по правде говоря, нет ни одного христианина, который бы находился в столь плачевном положении. Церковь есть та семья, которая молится за всех детей Божиих. Нет ни одного, который был бы исключен из ее помыслов, из ее забот. Но, говоря о Церкви, я имею в виду одновременно Церковь как земную, так и небесную. Какая ошибка — рассчитывать только на нашу личную молитву, пренебрегая молитвой всей нашей семьи!

Ты скажешь мне: «Вы отводите Церкви роль, которая принадлежит Христу. Есть ли мне нужда в чьей-либо еще молитве, кроме Его?» — Ты прав, Христос есть великий Ходатай. Послание к Евреям представляет нам Его, как *«всегда живущего, чтобы ходатайствовать за нас»* (Евр 7,25). Ходатайства Его вполне довольно. И лишь Его молитве внимлет Бог. Но, строго говоря, что есть молитва Церкви, как не молитва Христа? Ты веришь св. Павлу, когда он возве-

щает: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2,20); почему же ты не допускаешь мысли, что это Христос молится в Павле, в Петре, во всех Своих братьях, когда они вступаются за меня?

«Сравнение не доказательство», но я, тем не менее, хочу привести тебе один случай. Это старое воспоминание. Я осматривал один из знаменитых наших французских соборов, ведомый органистом, которого сопровождала его дочурка лет шести. Дав мне насладиться видом портала, куполов, витражей и прочего, он привел меня к огромному органу. Мирей, его дочурка, обратилась к нему с просьбой, которую он сначала словно бы не услышал. Но затем, наконец, он уступил и включил мотор. Девочка, с важным видом усевшись на сидении органиста, одновременно взволнованная и отчаянная, взяла аккорд. И вот, все древние каменные святые, патриархи, пророки, мученики, девы пробудились; собор задрожал от основания до острого кончика своего шпилья. И оказывается, что крошечная изумленная девочка располагает для молитвы к Богу не только своим хрупким голоском: она располагает огромным хором всех святых, которых она пробудила, могущественным голосом древнего собора, внезапно выведенного из безмолвия. Это зависит от тебя, Морис, от твоей веры, чтобы все чада Божии, все святые неба, почитае-

мые или скрытые, все братья Церкви, добродетельные или грешники, принялись ходатайствовать за тебя.

Таков закон общения святых: каждый предоставляет себя в распоряжение всех, каждый располагает всеми. Св. Иоанн от Креста прекрасно это выразил: «Мои небеса, и моя земля, и для меня народы; праведники для меня, и для меня же грешники; ангелы для меня, и для меня Матерь Божия, и все вещи, и Сам Бог есть мой и для меня, ибо Христос мой, и все ради меня».

63. Лествица Иаковля

Мой дорогой Франсуа, я счастлив был услышать, что ты никогда не молишься «в одиночку», что с самого начала твоей молитвенной практики ты заботишься о том, чтобы войти в связь с братьями по всему миру и призвать к совместному молению все творение. Действительно, христианин не одинок. Через крещение открывается ему великое вселенское Единство: если он молится, то отныне это будет происходить только в Церкви, с Церковью, от имени всей Вселенной.

Но не только с земною Церковью надлежит тебе соединяться для молитвы, но также и с небесным Иерусалимом. Отвори же дверь Града Божия, войди: праздничное собрание примет тебя, собрание ангелов и святых, поклоняющихся Богу Живому.

Св. Иоанн в Откровении великолепно описывает эту небесную литургию:

«И вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий... И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы... И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади... и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был и есть и грядет. И когда животные воздают славу и честь и благодарение Сидящему на престоле, Живущему во веки веков, тогда двадцать четыре старца падают пред Сидящим на престоле, и поклоняются Живущему во веки веков, и полагают венцы свои перед престолом, говоря: достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу: ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено» (Откр 4,2-11).

Но вот, в лоне этой хвалы раздается «песнь новая». Она прославляет Воплощение, Смерть и победу Сына Божия, пришедшего явить людям бесконечную любовь Отца:

«И я видел, и слышал голос многих ангелов вокруг престола и животных и старцев, и число их было тьмы тем и тысячи тысяч, которые говорили громким голосом: достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благос-

ловение. И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею, и на море, и все, что в них, слышал я, говорило: Сидящему на престоле и агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков. И четыре животных говорили: аминь. И двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во веки веков» (Откр 5,11-14).

Таким образом, Христос находится в центре этой литургии. Как же и Церкви не быть там же? Где находится верная невеста, если не возле своего Жениха? И не только Церковь, называемая торжествующей, но и Церковь странствующая, труждающаяся, воинствующая, Церковь земная. Каждая префация¹ святой Мессы напоминает нам об этом:

*«Через Него же величие Твое славят Ангелы,
Господства поклоняются, Могущества трепещут,*

*Небеса и Силы небесные в ликовании
совместном величают.*

*С ними же и нашим голосам да разрешить
изволишь, умоляем,*

взывать, смиренно исповедуя:

Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф!»

---

¹Префация (от лат. *praefatio*, «преддействие»): в латинской литургии особая молитва в начале Евхаристического канона; варьируется в зависимости от служения. — А. М.

Уразумей как следует: *Sanctus* («Свят») святой Мессы есть нечто бесконечно большее дальнего отголоска празднества небесного; он означает, что народ христианский соединяется теперь с ликующим сонмом, что литургия земная включается в литургию ангелов, что грешники, какими мы являемся, имеют право присоединиться к небесному культу в честь Святости Божией и Славы Христа победителя.

Не думай, что я уклонился от темы. Я не забыл, что речь у нас идет о личной молитве, а не о молитве литургической. Но как раз личная молитва находится в тесной взаимосвязи с ангельским миром. Весьма выразительную тому иллюстрацию мы встречаем в Библии. Иаков во время странствования засыпает ночью, положив под голову камень. Собственно говоря, речь здесь идет скорее о некоем мистическом сне, подобном тому, каким спал Адам при сотворении женщины, или каким спал Авраам при заключении Завета, о молитвенном сне: *«Я сплю, а сердце мое бодрствует»* (Песн 5,2). И вот Иаков видит лестницу, установленную на земле, ее вершина достигает небес, и по этой лестнице ходят ангелы, поднимаются вверх и спускаются вниз. Точно так же, когда молится христианин, ангелы тотчас же вздрагивают и слетаются к нему; они летят, чтобы пригласить его на великую литургию, и по-братски его ту-

да сопровождают. Здесь нет ничего удивительного: не Сам ли Христос молится в том, кто творит молитву? Ведь Он сказал: *«Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому»* (Ин 1,51).

64. Присутствие Марии

Чтобы понять место Пресвятой Девы Марии в нашей молитвенной жизни, нужно сперва рассмотреть молитву Марии. Было бы весьма самонадеянным пытаться проникнуть в сущность любви бесконечного святого и совершенного Бога и Пречистой Девы: это — ненарушимое Святое Святых; можно стать лишь на пороге, поклоняться и безмолвствовать. Но при этом не запрещено, не нарушая тайны, стараться разглядеть некоторые аспекты молитвы самого святого из творений.

И прежде всего, не думайте о молитве Марии, как о чем-то отдаленном во времени и в пространстве. Нет ничего более актуального, более к нам относящегося. Дерзнем же приблизиться, влиться в Ее молитву, как вступают в тень часовни.

В присутствии Всевышнего Величества, Она, маленькая Дочь человеческая, поклоняется — сосредоточимся же и мы; мы входим в соприкосновение с Тайной... Она также поет,

Она воспеваёт чистейшую песнь хвалы Тому, Кто благоволил призреть на малость Её и сотворил в Ней и через Нее великое.

Она молится за Своих бесчисленных детей или, вернее, Она молится от их имени — превосходный способ молиться за тех, кого любишь. Сколько же из этих детей забывают своего Бога, перестают благодарить Его за бесчисленные Его щедроты, перестают испрашивать Его прощения, признавать Его верховную власть! Но, к счастью, здесь есть Мать, и то, чем они пренебрегают, Она совершает вместо них.

Полная внимания к каждому, Она вступает за каждого перед Своим Сыном, принося Ему молитвенное бормотание одного, нестойкую добрую волю другого; Она предстательствует за всех: и за того, кто страдает, или кому грозит искушение, и за того, кто отвергает Бога, и за того, кто стоит на пороге смерти...

Она молится так, как молятся матери. Я хочу сказать, что Она приносит к Богу Своих детей, Она их жертвует Ему, как некогда принесла Она на руках Того Младенца, Который был Сыном Всевышнего.

На ваш вопрос: какое место занимает Мария в молитве католиков? — я отвечаю, прежде всего, как видите, тем, что указываю, какое мы занимаем место в Её молитве. Дело в том, что лучшая наша молитва та, которую

Пресвятая Дева творит за нас и от нашего имени.

Итак, христианин, желающий молиться, должен прежде всего опуститься на колени возле своей молящейся Матери. И когда, достигнув с Ее помощью сосредоточения, он войдет через молитву в общение с Богом, настает черед Марии войти в его молитву. Ибо если есть зрелище на земле, способное тронуть и обрадовать Ее материнское сердце, то это, прежде всего, вид одного из Ее детей, старающегося говорить с Господом и слушать его. И как двумя ладонями защищают от ветра слабенький огонек, так Мария Своей всемогущей молитвой охраняет молитву Своего чада.

65. Присутствие Марии

(продолжение)

Сегодня вместо меня беседовать с вами о молитве будет маленький Бруно. С радостью я привожу вам письмо, которое мне прислала его мать.

«Господин Аббат!

«Христианин, желающий молиться, должен прежде всего опуститься на колени возле своей молящейся Матери», — написали вы в вашем августовском выпуске. Эти слова, несомненно, не нашли бы во мне такого отклика, если бы чтение примечательным образом не совпало с одним семейным происшествием, о котором я и хочу вам рассказать.

Наши четверо детей (8-ми, 7-ми и 5-ти лет и 1-го года 10-ти месяцев) вернулись после долгого вечера, проведенного у родни в загородном доме; было уже очень поздно — половина один-

надцатого, и глаза у всех слипались. Укладывая их, я им сказала: «Сегодня вечером, как исключение, помолитесь, сидя у себя в кроватях». Сама я села в ногах одной из кроватей. Я начала молиться и, медленно произнося «Отче наш», сосредоточилась настолько, что даже не заметила сразу, как самый маленький, Бруно, вскочил, стал на колени в своей кроватке, как раз напротив меня, и оттуда, раздвинув мои руки, просунул свои ладошки меж моих и произнес: «Иисус!» Я продолжила молиться, взволнованная, он же стоял, не шелохнувшись. Старшие тут же стали мне объяснять: «Он смотрел, смотрел на тебя, а потом вдруг вскочил».

Не прочти я случайно ваших слов десять минут спустя, у меня бы осталось только сладостное воспоминание о милом открытии младенца. Но теперь мне чудесным образом стало легко молиться вместе с Марией».

66. Атеизм и молитва

«Господин Аббат, в католических кругах, в которых я вращаюсь, много говорят об атеизме с тех пор, как Отцы Собора затронули эту тему, так, словно бы все только сейчас внезапно осознали этот новый и пугающий феномен. Краткое высказывание монсиньора Хнилицы, словацкого епископа, вышедшего из концентрационного лагеря, произвело шок: «Третий мир находится под влиянием атеизма, который не скрывает своего намерения захватить и весь остальной мир».

Реакция на это, которую я наблюдаю вокруг себя, не менее разнообразна, чем реакция Отцов во время 136-й Генеральной Сессии II Ватиканского собора. Столь же разнятся и причины, которые приписывают этому печальному феномену.

Но меня удивляет, что почти не упоминается то, что, по-моему, является одной из глав-

нейших причин успеха атеизма, по крайней мере, в странах Запада: молчание о Боге. Я не единственный, кто это заметил. Горькому высказыванию, что я сейчас вам приведу, более двадцати лет: «Уже давно религия не имеет никакого отношения к Богу». В течение последних лет я имел возможность разбирать анкеты опросов, проводимых среди верующих, о доминиканских проповедях: та же констатация. Один романист, о котором я, впрочем, не знаю, является ли он практикующим католиком, замечает тот же пробел. В его последнем романе можно прочесть нижеследующий пассаж, который — еще бы! — возбудил негодование благомыслящей прессы: «Поистине, дело в том, что о Боге больше не говорят. Никто не говорит больше о Боге, и церковники в первую очередь, как и их издания... В эпоху, когда эта тема важна, как никогда, не пророки ли нужны прежде всего? Люди, которые вовремя и не вовремя говорили бы о Боге, Творце и Вседержителе мира и всего живого?.. О, мы бы охотно позволили священникам сбросить сутану, и пусть бы даже они одевались, как танцовщицы, только бы один лишь Бог был у них на устах!» (Р. Безюс).

Как могут христиане надеяться, что распространение атеизма будет остановлено, что Царство Божие установится на земле, если они прежде не сделают Бога известным миру, если

Бог в их речах остается всегда “вечным подразумеваемым”?»

Дорогой Отец! Не беспокойтесь, ваше письмо нимало меня не смутило. Мне самому очень часто приходится отмечать подобное. Я скажу вам, что встречаясь со священниками на досуге — а мне не раз это случалось, — я не часто слышал, чтобы разговор хоть сколько-нибудь долго или серьезно касался Бога, Его внутренней жизни и Его совершенств.

Но почему же о Нем говорят так редко? — Вот важный вопрос. Ответ на него, по-моему, не вызывает сомнения: они Бога не знают. Не знают Его в смысле, который Писание придает этому слову: действительно, «знать» для библейского человека означает пережить конкретный опыт общения с каким-либо существом; знать кого-то — значит быть с ним в личных отношениях. «Вкусите, и увидите, как благ Господь!» — восклицал псалмопевец: он знал Бога. Св. Иоанн писал позднее: «Сия же есть жизнь вечная (открывшаяся на земле), да знают Тебя, единого истинного Бога» (Ин 17,3). И мы знаем, что для него подобное познание было «приобщением».

Только тот хорошо говорит о Боге, кто знает Бога, кто знаком с Ним по опыту (будь то священник со своей паствой, отец или мать со своими детьми, или же профессор богосло-

вия...)). Только слово такого человека достигает внутреннего «я» слушателя, «сердца» в библейском смысле, «центра души», как говорят мистики. Такое слово способно пробудить, стимулировать развитие понимания Бога в том, к кому оно обращено.

Но тогда встает второй вопрос: почему же так мало этих «знающих Бога», способных говорить о Нем, жаждущих сделать Его известным? Я не колеблюсь ответить: потому что молитва находится в пренебрежении, особенно та форма молитвы, которую на протяжении веков великие учителя и духовные авторы называли «созерцанием».

Сегодня это слово вызывает критику у многих. Я допускаю, что оно способно возбудить недоумение. Действительно, Бога нельзя созерцать, словно картину. Не существует расстояния меж созерцателем и Богом, Которого он созерцает; Бога он находит в себе самом, он переживает в самой глубине души Его присутствие, Его любовь, Его свет. Но какое значение имеет слово! — Факт налицо, грубый факт; молитва находится в пренебрежении, созерцание обесценено. Человека, избравшего молитвенную жизнь, и даже такого, кто просто посвящает некоторое время молитве, обвиняют в дезертирстве, в забвении интересов человечества, в оставлении великих и срочных апос-

тольских нужд. Настолько, что можно видеть даже траппистов¹, испытывающих угрызения совести и спрашивающих себя, не следует ли им отправиться работать на завод?

Как же мы далеки теперь от убеждений великих учителей Церкви, от Августина, Григория, Фомы Аквинского..., которые отважно утверждали примат созерцания: созерцания, как избранного способа жизни, т.е. в монашестве, но также, и прежде всего, созерцания индивидуального, которое есть познание Бога, проникновенное и сладостное. Сколько раз комментировали они слова Христа о Марии, сестре Марфы: «*Мария избрала благую часть, которая не отнимется у нее*» (Лк 10,42)! Св. Августин сделал это в знаменитой краткой формуле: *Martha turbabatur, Maria epulabatur* — перевести ее не так-то просто: «Марта хлопочет, Мария вкушает».

Нужно совершенно не знать истории Церкви, чтобы утверждать, что созерцатели относились к числу бесполезных людей. Разрушители созерцательной жизни скоро переменяли бы мнение, если бы прочитали жития св. Бернара, св. Екатерины Сиенской, св. Марии от Воплощения и многих и многих других. Именно во

---

¹О траппистах см. примечание к письму 3. — А. М.

время созерцания все самые мужественные и пламенные апостолы Церкви всегда исполнялись новой миссионерской энергией.

И один только Бог знает, сколь многим обязано Его Царствие тому множеству скрытых и безвестных созерцателей, которые, кстати, вовсе не все живут в затворе; мне известны многие мужчины и женщины, которые в самой гуще мирской жизни являются куда более подлинными созерцателями, чем иные монахи.

Итак, я твердо убежден: когда в Церкви слабеет созерцательная жизнь, возрастают всевозможные формы заблуждений, такие, как воинствующий атеизм, о котором один из Отцов Собора сказал, что это есть «самое серьезное заблуждение, смертельная болезнь нашего времени».

Эти бушующие волны, угрожающие затопить всю землю, будут остановлены лишь в том случае, если Церковь предпримет колоссальное усилие, чтобы созерцательная жизнь вновь расцвела в ее лоне, чтобы во всех слоях общества появились подлинные созерцатели. Тогда не придется жаловаться на недостаток проповедников Слова Божьего, тогда умножатся пророки Бога Живого.

67. Черная Мимуна

Итак, ваши «юные дикари» проводят время в ссорах! И вы, их мать, страдаете из-за этого. И, говорите вы мне, чем дальше, тем становится все хуже (я, впрочем, нахожу ваших четверых парнишек весьма симпатичными ребятами!).

В методе ли воспитания тут дело? Я не так убежден в этом, как вы. Впрочем, я далек от намерения отвращать вас от изучения трудов о воспитании. Но я боюсь, как бы вы не потратили много времени зря, следуя иллюзорной педагогике.

Вы напоминаете мне такого врача, который безуспешно применяет всевозможные средства, потому что ошибается в определении причины недуга. Почему бы вам не задуматься сперва об истинных причинах ситуации, прежде, чем изыскивать средства ее улучшить?

Позволите ли вы мне высказать предположение, что причины эти или, по меньшей мере, одна из них заключается в вас самой? Рассказ, заимствованный из волшебной легенды о мусульманских святых, позволит вам понять мою мысль лучше долгих рассуждений:

«Абдальвахид ибн-Сеид пожелал узнать, кто будет его соседом в раю, и ему было сказано: “О, Абдальвахид! Твоей соседкой будет Черная Мимуна”. — “И где же она, эта Черная Мимуна?” — продолжал он свои расспросы скорее с настойчивостью, нежели со скромностью. — “У Бану Ун-Тель, в Куфе”. Он отправился тогда в Куфу и справился там о Черной Мимуне. Ему ответили, что это одна дурочка, пасущая овец неподалеку от кладбища. Он нашел ее погруженной в молитву. Стадо паслось совершенно самостоятельно, и это было тем более чудесно, что овцы паслись попеременно с волками, и волки не трогали овец, а овцы не боялись волков... “Как же произошло, — спросил тогда ибн-Сеид, — что волки так хорошо обращаются с овцами?” — “Я улучшила мои отношения со Всевышним, — отвечала Мимуна, — и Всевышний улучшил отношения овец и волков”.»

Всякая мать семейства, столкнувшись с непослушанием своих детей или с их взаимным несогласием, должна всякий раз спрашивать себя, не в том ли истинная тому причина, что

она сама пренебрегает своими отношениями с Богом?

То, что верно в семейном плане, верно также и в плане социальном. Одни только человеческие средства, знание психологии, педагогические дарования, авторитет и престиж бессильны осуществить единение людей, в которых страсть разделения обитает со времени первородного греха, — и особенно то единение в любви, которого Христос требует с такой настойчивостью.

Единство детей Божиих — дело, совершить которое может один только Христос и которое Он совершает в нас посланием Духа Святого. Только после Пятидесятницы сказано было об учениках, что они имели единое сердце и единую душу.

Никто не в силах способствовать единству, если он не откроется широко Духу Божию. Каким образом? Через принятие таинств прежде всего, но также и через молитву. Без нее Дух Святой, Которого мы получаем через таинства, бьется в нашей душе о запертые двери. Благодаря же ей, проникновение в нас Духа Святого делается с каждым днем все более глубоким и понемногу воцаряется единение, сперва в нас (ибо именно в нас прежде всего царит сумятица и разделение), а затем и вокруг нас.

И тогда оказываются плодотворными апостольские усилия, те усилия, которые не состоят

лишь в том, чтобы побуждать наших братьев каждого в отдельности лучше служить Богу, но также и в том, чтобы осуществлять то единство сынов Божиих, о котором Христос прежде, чем покинуть Своих учеников, во время великой Своей молитвы, говорил, как о самом глубоком Своем желании.

Предоставьте же более широкое место молитве в вашей жизни, и, я уверен, вы сможете вскоре мне написать: «Я улучшила отношения между мною и Всевышним, и Всевышний улучшил отношения между моими “юными дикарями”, которых я не оставляю надежду вскоре назвать “юными ангелами”!»

68. «В проломе»

В самый разгар дневного зноя, сидя у входа в свой шатер, патриарх поднял глаза и увидел троих ангелов, посланцев Ягве. Он встал, простерся перед ними, и предложил им свое гостеприимство. И Ягве повторяет Свое обетование дать ему потомство и открывает ему, что идет вершить суд над Содомом и Гоморрой. И тогда Авраам предстает перед Богом заступником преступных городов, и его молитва, первая, которую мы читаем в Библии (Быт 18) есть ходатайство в пользу виновных, ходатайство доверчивое, настойчивое, дерзновенное. Таким образом, Авраам открывает длинный ряд ходатаев, которые на протяжении веков сменяют друг друга в Израиле.

Веков через шесть это будет Моисей — можно сказать, образец ходатая. Когда, выведенный из терпения неверностью Своего народа, Ягве объявляет ему: *«Итак, оставь Меня, да*

воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя» (Исх 32,10), то мы понимаем с первых же слов, что Моисей не тот, кто легко позволил бы Богу поступать по собственной прихоти. Не отказывается он также и от солидарности со своим народом, хотя бы даже ради более славного поприща. Он — предводитель этого народа, поставленный Богом, и он будет его заступником, ходатаем даже перед Самим Господом.

Судьи, цари, пророки вслед за Авраамом и Моисеем вступаются в свою очередь за этот «народ жестоковыйный», и многократно добиваются для него милосердия. Но горе тем векам, в которые Бог не находит заступника: «Искал Я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю, чтобы Я не погубил ее, но не нашел» (Иез 22,30).

Взгляните на эту характеристику или, скорее, на портрет заступника: это человек, который возводит укрепления, чтобы защищать своих братьев, и стоит в проломе, через который может придти кара.

Но, по существу, все эти ходатаи нашей Библии суть только образы, наброски великого, единственного Ходатая: Иисуса Христа. Вот Он, Тот Человек, Которого ищет Бог: Стоящий в проломе, с простертыми руками, Он проти-

востоит грядущей каре. Более успешно, чем Авраам, Он вступает за преступный мир, и поскольку Он солидаризировался с человеческой природой вплоть до того, что нерасторжимо соединился с нею в Воплощении, — *Et Verbum caro factum est* — «И Слово стало плотью» (Ин 1,14), — отныне человеческая природа примирена с Отцом.

Раз и навсегда Христос принес Себя в жертву, раз и навсегда Он установил мост между человечеством и Божеством. В этом смысле Его миссия Ходатая завершена. Но равным образом верно и то, что Он желает присутствовать в каждом отрезке времени и пространства, чтобы вплоть до скончания века продолжать на земле Свое заступничество. И в совершении этого Он рассчитывает на нас, Своих учеников. Нам теперь, в свою очередь, надлежит стать в проломе, бодрствовать на посту, вступить за все бесчисленные человеческие толпы, но прежде всего и в особенности за тот участок земли и отрезок времени, за тот кусочек человечества, где мы призваны воплощать Христа и следовать Его ходатайствованию.

Много раз за время моей священнической жизни у меня бывало чувство, что я разгадал стратегию Господню. Она заключается в том, чтобы воздвигнуть молитвенную душу в лоне грешной семьи или среди обитателей отошед-

шего от Христа селения. И Он благословляет то место, ту общину людей, где у Него есть любимое дитя, будь то юный калека, смиренная крестьянка, бедный сельский кюре, пламенеющий молитвой...

Молитва этих заступников составляет одно целое с молитвой Самого Христа, иначе она ничего бы не стоила, иначе ее и не было бы. Молитва Христа, производимая в них Духом Христовым, Тем Духом, одно из собственных имен Которого есть Параклет — Утешитель: Защитник, Заступник, Ходатай. И, несомненно, Дух Святой вступает за тех, в ком Он пребывает, но в то же время в них и через них Он ходатайствует за все человечество.

То, что все ходатаи, побуждаемые Духом, испрашивают на своем убогом человеческом языке на земле, Христос прославленный, Сидящий одесную Отца, переводит на язык небесный: ибо Он, Господь Воскресший, есть «ходатай за нас пред Отцем», и «всегда жив, чтобы ходатайствовать за нас», утверждают св. Иоанн и св. Павел (1 Ин 2,1; Евр 7,25).

«Ходатайствовать» — это одно из величайших слов молитвенного словаря, функция по истине весьма высокая. Она свидетельствует одновременно и о великой любви Божией, и о великой любви человек.

69. С простертыми руками

Я только что перечитал в «Лице моего брата» индийского писателя Мукерджи страницу, которая прекрасно иллюстрирует силу молитвы. Вот ее содержание:

Под конец своей жизни, чтобы успешнее искать Бога, один святой человек удалился в горную пещеру. Окрестные крестьяне не забывали приносить ему фрукты и сухари, а молодежь протестовала против такой благотворительности по отношению к человеку совершенно бесполезному. Но старики возражали этим молодым рационалистам: «Следует посылать дары святому человеку независимо от того, приносит он или нет своей жизнью пользу. Святость — жемчужина бытия!»

Прошло двадцать лет, и вот однажды его нашли мертвым на пороге его пещеры. Шесть недель спустя, в деревне произошло страшное

преступление. Вся округа была охвачена ужасом и отвращением. Старики предались посту и молитве. И вот внезапно один из них воскликнул: «Я понял, в чем тут дело!» И когда крестьяне сбежались к нему, он объяснил: «Правда, что святой человек, пока он жил в своей пещере, ни разу и пальцем не шевельнул, чтобы нам в чем-нибудь помочь, не позаботился ни о бедном, ни о больном. Но добродетель порождает добродетель, святая жизнь производила лучшую жизнь. Все у нас шло хорошо. Никто не лишил жизни своего ближнего за все время, пока жил святой. Вывод ясен: он никогда не работал для нас, но его присутствие, как присутствие льва, отгоняло от наших дверей волков несчастья».

Этот рассказ вызывает в памяти одно место из Библии, в 17-й главе Исхода: *«Пришли Амаликитяне, и воевали с Израильтянами в Рефидиме. И сделал Иисус, как сказал ему Моисей, и пошел сразиться с Амаликитянами; а Моисей и Аарон и Ор взошли на вершину холма. И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль; а когда опускал руки свои, одолевал Амалик. Но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем. Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца. И*

низложил Иисус Амалика и народ его острием меча» (Исх 17,8.10-13).

Воины Амалика не понимали, что за сила противостоит их неистовым атакам. Войско евреев, плохо вооруженное и необученное, не могло бы само по себе так сопротивляться... Но они и не подозревали, что человек, едва различимый вдали, стоящий на вершине холма и вовсе безоружный, является причиной их поражения. В нем, поскольку он молится, присутствует Бог. И всемогущество Божие, истекающее из него, укрепляет сражающихся мужей, охраняет их, как невидимая и нерушимая стена.

Оба эти рассказа приобретают полный смысл лишь в свете Евангелия. На другом холме, другой Человек простирает руки. Два гвоздя их поддерживают. И от Него Божественная Сила излучается на весь мир: ничто ни в пространстве и ни во времени не избегнет воздействия этой Силы. Она поддерживает в борьбе всех тех, кто открывается навстречу этой Силе и предается ей. В них Она действует могущественно, и через них Она держит на почтительном расстоянии демонов и их приспешников.

Если молитва Моисея, как и молитва святого индуса, была действительна, то это потому, что с Голгофы к ним приходила Сила, которую они

призывали, не зная Ее по имени. Если молитва христиан обладает могуществом, то потому, что истекает она из неисчерпаемого источника божественной Энергии, каково есть сердце Распятого, творящего великую Свою Сыновнюю молитву.

70. Молиться значит сотрудничать

Читая ваше письмо, я сказал себе: «Почему бы не ответить на вопросы протестанта... с помощью протестанта?» И я достал со своей книжной полки томик, много раз мною перечитанный. Всякий раз, читая его, я черпал новый порыв к молитве. Эта книга — «Проблема молитвы» Фернана Менегоса. Разумеется, я далек от того, чтобы разделять все положения автора. Но какова его пламенная убежденность, какова вера в первостепенное значение молитвы! — То значение, которое, как вы пишете, ускользает от вас.

Основная тема его книги восходит к самой чистой библейской традиции. Вот ее суть, выраженная в одном из многочисленных определений молитвы, которыми богата его книга: «Христианская молитва это крик сердца, которое, будучи охвачено благодатью Бога Всевышнего, знает теперь одну только высшую радость

— сотрудничать с Богом и видеть торжество божественного спасительного дела в человеческом обществе».

Существует опасность принять это определение, не осознав всего его значения. Автор же использовал свои обширные познания, чтобы обосновать это определение на протяжении пятисот страниц своей книги. Прежде всего, он выступает против заблуждения, которое считает самым опасным и которое заключается в том, чтобы говорить о христианской молитве только с человеческой точки зрения, как если бы она была только простой человеческой деятельностью среди многих других; как если бы человек, предоставленный самому себе, был способен ее производить; как если бы Бог был равным партнером и собеседником, к которому обращаются с просьбами, но который остается вне нас, как и мы вне его, каждый со своей стороны, хотя бы мы и были с ним в наилучших отношениях.

Фернан Менегос принуждает нас изменить нашу точку зрения. Чтобы понять молитву, — повторяет он нам на все лады, — нужно исходить не из человека, но из Бога. Из Бога, действующего в мире и в каждом из нас, из Бога, Который совершает Свое дело, дело спасения, то, которое св. ап. Павел в волнующем синтезе представляет нам в послании к Ефесянам: соби́ра́ние в Своем воскресшем Сыне всех тех

людей, которые через веру открываются Его благодати.

Сей Бог, непрестанно прощающий, возрождающий и спасающий, предлагает верующим работать вместе с Ним. Молитва именно и есть сотрудничество с Богом. Прежде всего в том, чтобы в каждом из нас осуществилось дело Божие, чтобы свяtilось имя Его, чтобы наступило Царствие Его, чтобы осуществилась воля Его. Подобная молитва по сути своей бескорыстна, «она противопоставляет принципу, направленному на то, чтобы превратить Божество в слугу человека, противоположный принцип, превращающий человека в слугу, полностью зависящего от Бога. Эта молитва — «к обнаружению славы Господа неба и земли» и не просит для человека ничего, кроме того, чтобы способствовать сиянию этой славы».

Но своей молитвой христианин помогает не только действию Бога в нем, но также — действию Бога Всевышнего и Всесвятого во всем мире. Молитва — больше, чем труд, она — духовная борьба. Христианин, однако, не остается без поддержки в этом труде и в этом сражении: Дух Христов одушевляет его, ведет, поддерживает, влечет.

И когда Фернан Менегос вглядывается в будущее христианства и человечества, эрудит в

нем обретает пафос пророков, чтобы возвестить нам, что если теология закоснеет в непризнании важности молитвы, если христиане замкнутся в эгоцентрической молитве, направленной на удовлетворение их собственных интересов — будь то материальных или духовных, — и, более того, если, под влиянием философских учений, враждебных молитве, они от нее откажутся, — наш век погрузится в духовную ночь, в ученое варварство. «Или христианство осуществит покорение мира через молитву, или оно погибнет». «В этом вопрос жизни и смерти для христианства».

Зато, если подлинная христианская молитва, та, что исходит исключительно из славы Божией и дела Божия, будет вновь обретена христианами, тогда христианство познает новую чистоту и новый расцвет. Благодаря ей, человечество поднимется на новую ступень цивилизации. «Христианство побеждает... только в общинах, в которых продолжает распространять свое действие дерзновенный первохристианский дух евангельской молитвы». «Молитва — апостольский феномен по преимуществу». «Церковь молящаяся — единственная подлинно цивилизующая сила». «*Ecclesia orans* — Церковь молящаяся — является единственным источником подлинного, глубокого и длительного прогресса, прогресса, возрождающего вместе с индивидуальной личностью также и общество».

Но почему же молитва обладает такой великой силой? Потому, что, повторяю еще раз, она не просто действие человека, но действие Бога в человеке, к которому человек присоединяется. Христос говорил: *«Отец Мой доныне делает, и Я делаю»* (Ин 5,17). Человек, который молится, соединяется в себе самом со всемогущим действием Божиим, предается ему, сотрудничает с ним, предоставляет ему средства проникнуть в мир, который иначе был бы для него закрыт.

«БЛАЖЕННЫ АЛЧУЩИЕ И ЖАЖДУЩИЕ»

Долог путь, ведущий к совершенному единению с Богом. Молитва шаг за шагом превращается в желание и мольбу, борьбу и верность. Понемногу она очищается в терпении и бескорыстии, до тех пор, пока не превратится в чистое желание одной только славы Божией.

Жажда счастья, так глубоко укорененная в человеческом сердце, есть одна из самых могучих движущих сил нашего духовного роста. Поэтому нужно, чтобы, отнюдь не угашая этой жажды, мы позволяли ей укрепляться в молитве (**1. Счастье**). — Тоска по абсолюту, близкая жажде счастья, сочетается с ней, чтобы повлечь нас к Богу, и уже свидетельствует о действии Святого Духа в нас (**2. Жажда абсолюта**). — Но на земле наша потребность в счастье и в абсолюте не может быть полностью удовлетворена. Поэтому наша молитва, по сути, есть мольба изгнанника (**3. Воздыхания Духа**). — Трепетная мольба надежды: ведь Бога, разумеется, нельзя видеть в настоящем, но это не препятствует тому, что Бог нас приглашает безотлагательно вступить в тесную, все более усиливающуюся связь с Собою (**4. «Надежда не постыжает»**). — Необходимо, чтобы наше желание Бога очищалось в терпении, т.к. в нем

еще много «вожделения» (**5. Пусть молитва будет постом прежде, чем станет пиршеством**). — Побережемся, чтобы нам не привязаться более к дарам Господним, нежели к Господу (**6. Дары или Дарующий?**). — «Духовная сухость», «духовная ночь» допускаются Богом именно для того, чтобы надежда наша освободилась от всяких примесей (**7. Даром ли?**). — Это очищение желания Бога ни в малой мере не есть его подавление. Чем чище это желание, тем более оно становится неутолимой жаждой живого Бога, пылкое выражение которой мы находим в псалмах и в писаниях великих мистиков (**8. «Как жаждущая земля...»**). — Единение с Богом в свое время будет нам даровано, ибо мы искали его. Оно будет делом любви. Но нам следует смиренно испрашивать дара любви, ведь она имеет свой источник не в сердце человека, но в сердце Бога (**9. Попрошайка Божий**). — Если желание славы Господней станет единственной движущей силой всей нашей духовной жизни, то по этому знаку мы узнаем о присутствии и возрастании любви в нас (**10. Слава Божия прежде всего**).

71. Счастье

Ваше отношение к счастью напомнило мне настроение одной студенческой аудитории, перед которой мне пришлось однажды затронуть такую тему: великое благодеяние молитвы состоит в том, что она пробуждает нашу жажду счастья, если та уснула, и усиливает ее, если она в нас жива. Их реакция во время последовавшего за тем обмена мнениями меня удивила. Не следует ли прежде всего, — спрашивал один из них, — ожидать от молитвы, чтобы она гасила в нас эту потребность? Не в том ли состояла цель всех духовных учителей, — замечал другой, — чтобы достичь святого безразличия? Не к нему ли стремятся и буддисты, и христиане, как к высочайшей мудрости? И не тогда ли, когда жажда счастья, наконец, укрощена, достигают того внутреннего покоя, который необходим для духовного прогресса?

Диспут был оживленным и продолжительным. Они защищались так, словно бы я угрожал какому-то покою, которого они достигли не без труда, и причем именно путем подавления этого желания счастья. Тем не менее, надеюсь, мне удалось их убедить, что это самое желание способно быть лучшим побудителем их духовного развития. Сумею ли я достичь того же с вами?

Существа, в которых угасло желание счастья, очень скоро умирают от истощения. Те же, кто не боятся его, которые его поддерживают, бывают ему обязаны самыми возвышенными своими радостями, но также, правда, и самыми горькими разочарованиями. Однако, по меньшей мере, они живут, и живут насыщено. Опасность заключается в том, чтобы в один прекрасный день они не разочаровались в творении. Но эта опасность есть на самом деле величайший шанс, еще точнее, величайшая благодать, если она все-таки приведет их к пониманию того, что их жажда счастья не может быть удовлетворена ничем иным, как только Богом!

Им остается только, чтобы молитва, фильтруя, если можно так выразиться, эту жажду, смогла уберечь ее от заблуждений и ошибок. Великие молитвенники скоро становятся великими искателями счастья, и теперь им нужно

счастье абсолютное. Таким образом, Бог отрешает их от всего. Но это отрешение не есть, вместе с тем, безразличие, напротив, скорее, — участие; оно заставляет их соединиться со всею тварью в ее тайном желании счастья и постараться увлечь ее к Богу, к Которому она стремится всем своим существом, жадно и с упованием.

Бог не только предстает пред ними способным удовлетворить всецело их человеческую потребность в счастье, но Он производит в них также и совершенно новые способности. Эта работа по обогащению их существа одновременно причиняет им скорбь и увеличивает их надежду, ибо, как им хорошо известно, Бог опустошает лишь для того, чтобы тем полнее наполнить.

Итак, я настоятельно рекомендую вам, когда вы приступаете к молитве, искать помимо изменчивых пожеланий, возникающих на периферии вашего существа, ваше самое глубокое желание, корень всех остальных — желание счастья. Освободите его от всего, что его сковывает и опутывает, обратите его к Тому, к Кому оно, возможно, устремляется в самом своем зародыше, и оно не замедлит пробудиться, начать жить, сделаться в вас обитателем, весьма беспокойным, несомненно, но благодаря которому отныне вы будете неспособны более удовлетвориться простыми отблесками счастья, и

который непрестанно будет побуждать вас к познанию и обладанию дарующим блаженство Богом.

72. Жажда абсолюта

Вчера, когда я слушал вас, мне показалось, что мне уже приходилось слышать нечто подобное. Сначала я никак не мог припомнить, что же именно, но вот сегодня воспоминание, пробужденное вами, всплыло из темноты с неожиданными подробностями. Возможно, оно поможет вам кое в чем разобраться.

Один молодой священник из числа моих друзей чувствовал, что ему становится все труднее сосредоточиться, и это создавало весьма серьезную помеху для его занятий. Он проконсультировался у психиатра и затем поделился со мной полученными советами. По правде говоря, все советы сводились к одному-единственному: *Age quod agis* — «Делай то, что делаешь»: «Присутствуйте в том, что вы делаете, совершайте ваши действия сознательно, и начните с того, чтобы попросту отмечать ваши

самые обычные ощущения; вы моете руки: ощутите прохладу воды; вы едите персик: вникните в его вкус... Ваша беда в том, что вы раздвоены: ваше сознание, привлеченное чем-то посторонним, только наполовину занято тем, что вы делаете в данный момент».

Помню, я отреагировал очень живо, потому что ощутил опасение, как бы эти советы не сбили моего друга с толку. «Я очень сомневаюсь, — сказал я, — чтобы тебе удалось всецело погрузиться в свои ощущения». И, в свою очередь, я стал его расспрашивать, чтобы убедиться, обоснованна ли моя реакция. «Ты говоришь, что неспособен сосредоточиться, но это, несомненно, не единственный симптом того, что с тобою происходит. Когда ты ведешь автомобиль, то разве ты не ведешь его всегда чуть быстрее, чем полагалось бы, так, как если бы ты спешил поскорее прибыть на место, как если бы тебе предстояло, наконец, в конце поездки, обрести благо, за которым ты уже долго гоняешься? И разве не верно, что ты совершенно не способен слоняться без дела? И что ты всегда бываешь разочарован людьми и предметами, и прежде всего, самим собой?» Он согласился. «Что ж, — добавил я тогда, — вот мой диагноз: в тебе обитает потребность в абсолюте, которая, не будучи никогда насыщенной, причиняет тебе постоянное беспокойство. Она есть не что иное, как потребность в Боге,

которая возрастала в тебе во все годы учения в семинарии, заполненные трудом и рвением. И сегодня ты, по словам псалмопевца, “как лань, желающая к потокам воды”, как “земля сухая и безводная” (Пс 41,1; 62,2). Трудность сосредоточиться, а также те симптомы, которые я указал и которые ты признал точными, суть только проявления глубокой потребности, о которой вплоть до настоящего момента ты не отдавал себе отчета. Ты найдешь исцеление не в погоне за убогими удовольствиями, какие могут нам доставить творения, но только осознав, что твоя жажда может быть утолена одним лишь Богом».

Наутро я, как обычно, ожидал моего друга к завтраку. Но поскольку он не приходил, я решил позавтракать один. Часа через полтора он вошел в мой кабинет и объяснил свое опоздание: «Отслужив утром Мессу, в начале акта благодарения я вдруг осознал в себе жажду абсолюта, которой я прежде никогда не мог распознать. Тогда я направил ее к Богу. Это было, как если бы я освободил молитву, долгое время связанную. Время протекало незаметно: вопреки тому, что обычно мне досаждают рассеянность и, должен признаться, нетерпение закончить все поскорее, на этот раз я два часа пребывал в молитве». Чтобы дать мне лучше понять, что произошло, мой друг прибегнул к забавной иллюстрации: «В течение этих двух часов, когда

великий мир воцарился в моей душе, мне достаточно было словно бы возложить мое поклонение, мои прошения, мою хвалу, мои намерения на ковер-самолет, и он возносил их к Богу».

Позвольте мне высказать предположение, что в вас, как и в моем друге, обитает неопознанная потребность в абсолюте, которая вносит нетерпение и беспокойство во всю вашу жизнь. Научитесь же осознавать ее, не позволяйте ей блуждать среди творений, которые способны только разочаровать и раздражить ее, и обратите ее решительно к Богу, к единственной ее подлинной цели. Не знаю, придется ли и вам пережить опыт, подобный опыту моего друга, результатом которого была замечательно прожитая жизнь, но, по меньшей мере, я убежден, что вы избавитесь от смутной изводящей вас тоски, от постоянного разочарования.

Эта тоска по абсолюту не одно из многих желаний, но — основная потребность человека. Ее можно отрицать, сбивать с толку, отвергать, но невозможно погасить; она сращена с нашим духовным существом, она — его суть. На земле, на небе, в аду, никто не сможет избавиться от нее, как снимают с себя плащ. В аду она присутствует как бы в чистом виде — осужденный

осужден на свою потребность абсолюта, но потребность, окончательно лишенную своего объекта — глад пожирающий, которому нечего поглощать, огонь неугасающий, которому некого испепелять, кроме того, в ком он пылает. На небе же эта потребность достигает своего разрешения в то самое мгновение, когда она удовлетворяется и насыщается благодаря блаженному созерцанию и обладанию Богом живым: *«Буду насыщаться образом Твоим»* (Пс 16,15).

Пока мы пребываем на земле, молитва это время, особенно благоприятное для того, чтобы очистить эту жажду от всех пожеланий, которые на ней паразитируют, от всех развлечений, которые ее рассеивают, и дать ей возможность достичь своей цели — Бога. И действительно, здесь, на земле, наша жажда не может быть полностью утолена; более того, в определенном смысле, молитва еще более оживляет и укрепляет ее; но, опознанная, она больше не причиняет скорби. И тот, в ком она пребывает и возрастает, с радостью вспоминает слова, которые Паскаль услышал от Христа: «Утешься! Ты не искал бы Меня, если бы уже не нашел».

73. Воздыхания Духа

Мой дорогой Этьен, хочу отметить одну фразу из твоего письма: «Мне тяжело слышать, как постоянно повторяют, что Дух Святой молится в нас воздыханиями неизреченными. Это выражение кажется мне ужасно мелодраматичным». Думаю, ты едва не добавил, что испытываешь страх перед всяческими «воздыханиями»! По твоему мнению, Духу Святому следовало бы скорее внушать нам триумфальные осанны, не так ли?

Но знаешь ли ты, кому принадлежит это выражение, против которого ты восстаешь? — Апостолу Павлу! Ты согласишься, что это не какая-нибудь хлипкая душонка, но душа мужественная, боевая, вся устремленная к победе. Если он употребил слова, которые вызывают твое неудовольствие, то это потому, несомненно, что не нашел других, которые бы лучше передавали ту молитву Духа Святого, которую он нахо-

дил в самом себе, как только сосредоточивался. Да, из его пламенной и мужественной души поднималось непрестанное воздыхание — основной тон его молитвы.

Обратись к контексту, т.е. к 8-й главе послания к Римлянам: ты тотчас же убедишься, что слово «воздыхание» было выбрано неслучайно. Оно трижды повторяется в трех следующих один за другим абзацах, оно находится там в тесной связи со словом «ожидание», также употребленном трижды, и со словом «надежда» (употребленном пять раз¹).

Чего же, стало быть, ожидают, на что надеются с воздыханиями? Нашего освобождения, нашего избавления. Действительно, в то время, как мы изо всей силы стремимся воссоединиться с Богом, Который нас зовет и дарует нам вечную жизнь в Своей любви и в Своем счастье, нас продолжают удерживать в плену земля, век, тело. И чем более живой становится наша любовь к Отцу, тем более пламенной делается наша надежда, тем более трогательны наши воздыхания.

---

¹В русском синодальном переводе дважды вместо «воздыхания» употребляются слова «стенает», «стенаем» (ср. Рим 8,22.23). — А. М.

Как ты увидишь, согласно св. ап. Павлу, не только христианская душа, но вся природа, вся вселенная охвачена этими воздыханиями: звезды и земля, леса и пустыни, поля и животные. Глухое, неустранимое, непрестанное воздыхание, как бесконечная огромная волна, вздымается к Богу от этого мира, который томится, сам того не зная, по «свободе славы сынов Божиих».

То, чего не знает вся тварь, знает христианин. И воздыхания вещей, и воздыхания всех людей, — которые зачастую знают не больше, чем вещи, то, о чем они томятся, — соединяется в нем с воздыханиями его собственного сердца, сердца чада Божия, нетерпеливо ожидающего столь желанной встречи со своим Отцом.

Как видишь, мы далеки от слезливых воздыханий и причитаний слабой души. На самом деле, воздыхания эти суть рвущийся из глубины души метафизический порыв, космическое томление. Но этот порыв оставался бы тщетным, если бы Дух не присоединял Свои «воздыхания неизреченные» (неизреченные, значит, непередаваемые человеческими словами) к воздыханиям всей твари, чтобы преобразить их в неодолимую молитву, к которой Бог не может оставаться безучастным.

Одним словом, это всеобщее воздыхание, согласно впечатляющему образу, данному св. Павлом, есть стон всего творения, охваченного муками мистического и грандиозного рождения — рождения Царствия Божия.

74. «Надежда не постыжает»

Минуты отчаяния? — Но ведь это минуты надежды!

Вам пришлось пережить жестокий опыт духовной слабости, неспособности служить Богу; ваши неудачи вас гнетут, ваша косность вас обескураживает: но все это вместо того, чтобы тревожить меня, говорит мне о Боге, трудящемся над вашей жизнью. Христос сперва очаровал, покорил вас, и вы ответили Ему с энтузиазмом. Теперь же Он взялся вас формировать. Он начал с того, что открыл вам вашу изначальную нищету. Понадобится, безусловно, чтобы вы продвинулись еще дальше в этом открытии, чтобы вы прониклись сознанием своего убожества, чтобы вы поистине его приняли.

Когда вы уже не будете восставать против этого убожества, но, подобно св. ап. Павлу, не

постыдитесь им хвалиться (ср. 2 Кор 12,5), тогда действие благодати ускорится в вас. Какое значение имеет человеческая немощь, если достаточно благодати Божией! (ср. 2 Кор 12,9).

Как видите, это предполагает перемену точки зрения, перемену нашего внутреннего настроения. Вы отправились на завоевание собственного спасения, а вам нужно на него уповать. Вспомните иной ваш, теперь уже далекий, опыт. Когда вы познакомились с Надин, у вас не было сомнений, что ей следует быть вашей женой, но она не разделяла ваших убеждений. Я помню ваше нетерпение, вашу напористость. Молодой человек, привыкший к успеху, каким вы были, приплясывал от нетерпения, рыл, так сказать, землю копытом. Но существуют победы, которых не стяжаешь в жаркой схватке, а вы тогда этого не знали. Как много молодых людей воображают, что с помощью силы, интеллекта и денег можно достичь всего! Но вам пришлось открыть мир бескорыстных даров, ибо таков мир любви. К этой девушке нужно было приступить не как завоеватель, но как «воздыхатель» — слово это кажется смешным, но, тем не менее, оно точно выражает суть дела. Точно так же и с дарами Божиими: кто на них претендует, тому Он в них отказывает; зато Он дарует их тем, кто о них воздыхает.

ет; я хочу сказать: кто уповает на них, кто ожидает их от одной только щедрости Божией.

Так и ваша нищета, вопреки тому, что вы о ней думаете, есть ваше величайшее право на благодеяния Божии: нищета порождает надежду, а «надежда не постыжает» (Рим 5,5), т.е. не может быть обманута. Это богатых Бог отпускает ни с чем, и как раз потому, что, владея многим, они уже ни на что не надеются. А вот алчущий исполняется благ. Перечитайте Блаженства. Кто назван блаженным? — Нищий! А почему? Потому что, лишенный благ земных, он готов к принятию благодеяний Божиих.

Верно, что одной только нищеты не достаточно, чтобы породить надежду, если она не опирается на обетования Господни, но в таких обетованиях у человечества не было недостатка с самого дня грехопадения! (Быт 3,15). И потому человечество никогда не погружалось целиком в отчаяние. Раскройте вашу Библию и проследите тему надежды. Посмотрите на Авраама, нищего самой жестокой нищетой, состоящей в отсутствии детей: Бог обещает ему потомство неисчислимое, как звезды, которые на Востоке так густо усеивают небо летними ночами. Но необходимо, чтобы он надеялся надеждой чистой, основанной только на всемогуществе Божиим. Отсюда нескончаемые отсроч-

ки. Авраама называют отцом верующих, но не меньше он заслуживает именоваться отцом надеющихся. Идет ли речь о евреях в Египте или о иудеях, переселенных в Вавилон, Бог вступается за них тогда, когда, исчерпав все человеческие основания для надежды, они, наконец, обращаются к Нему. Все время один и тот же способ воспитания: Бог может дать Свои дары только тому, кто надеется, и, чтобы пробудить в человеке эту надежду, у Него часто нет лучшего средства, чем погрузить человека в нищету; тогда между отчаянием и надеждой на Бога человек скорее всего изберет надежду.

И вот еще, что следует отметить. Авраам надеялся попросту на человеческое потомство; иудеи — на национального освободителя. Но Бог желал им дать гораздо больше: Аврааму — духовное потомство, иудеям — освобождение от рабства греха. Так же Он поступает и с вами. Он ведет вас к надежде на Его силу, которая позволит вам следовать добродетели; но даст Он вам неизмеримо больше: Свою любовь, Свою близость. Он даст вам Самого Себя. Богу важно, чтобы человек, обнаружив собственную нищету, открылся для надежды. Тогда Он исполняет эту надежду, и даже неизмеримо превышает ее.

Откройте же надежде!

Но знайте, что надежда не есть пассивность. Она выражается в усилии. Она заставила Авраама порвать со своей страной, со своим домом, с удобствами; она заставила его пуститься в путь; она поддерживала евреев в их долгой сорокалетней одиссее в песках пустыни; и опять-таки она воодушевляла толпы бедных иудеев, поющих и веселящихся, когда они пустынными тропами возвращались в разрушенный Иерусалим. Тот, кто надеется, освобождается, отрешается от всего, и поскольку он надеется, постольку отказывается останавливаться. Тот, кто надеется, идет вперед, и пока он надеется, продолжает идти смело, не оборачиваясь, поскольку его благо находится впереди. Вступите же на путь надежды.

С течением времени ваша надежда изменит свой облик. Вначале она, несомненно, будет делом вашей воли — воли, опирающейся на веру в обетования Господни. Но, будучи живой, она разовьется, возрастет вместе с сознанием вашей нищеты и особенно вместе с вашей любовью к Богу. Любовь и надежда, действительно, очень связаны. Может ли любовь, обнаружив некое благо, не стремиться к полному им обладанию? Так бывает с тем, кто встретил Господа. Понемногу надежда овладевает всем его существом: разум стремится ко все более совершенному познанию Бога; сердцу не терпится

достичь тесной близости с Ним; вся глубина существа кричит о своей потребности обладать Им и принадлежать Ему. Я ничего не выдумываю: стоит только прочесть писания великих духовных писателей. На определенной стадии своей эволюции их надежда непременно становится неутолимой жаждой, жаждой Бога живого. И надежда их не бывает напрасна. Иисус Христос дает им ту воду живую, о которой Он говорит: «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек» (Ин 4,14).

И, делаясь все крепче, ваша надежда будет очищаться точно так же, как и любовь, из которой она проистекает. В начале духовной жизни мы надеемся для себя (ибо нуждаемся в поддержке и стремимся ощутить присутствие Божие), но постепенно мы начинаем надеяться для Бога: уже не для себя мы надеемся, но для Бога. Мы хотим быть в единении с Ним для Него, для Его славы, а не для нашей радости прежде всего.

На пути этого очищения находится опыт некоторых мистиков, у которых надежда утрачивает свойство жгучего голода, жажды, тревоги, и становится спокойным преданием себя в руки Божии. Им открывается, что Он их ищет куда больше, чем они Его. Вот послушайте, как говорит один мусульманин: «Некий голос закричал мне: “О Абу-Язид, чего ты желаешь?” —

Я отвечал: “Я желаю ничего не желать, ибо я желанный, а Ты Тот, Кто желает”».

Итак, я говорил вам о христианине, живущем надеждой так, как если бы он был совершенно одинок; но он погружен в безмерное творение, и он это сознает, и он желает быть единым со всею тварью. Он ощущает глухое воздыхание всей твари, о которой ап. Павел говорит нам, что она стонет совокупно о свободе славы сынов Божиих; и он предоставляет ей свое сердце и свой голос, чтобы в нем воздыхание ее превратилось в надежду.

Более всего он чувствует себя соединенным с людьми, своими братьями — со всеми бедняками на земле, ищущими хлеба, крова, Родины, сколько-нибудь любви и уважения, и часто, не отдавая себе в том отчета, — Бога. Но также един он и со всеми богатыми, для которых их могущество, богатство, удовольствия не имели бы такого привкуса разочарования, если бы они не стремились к некоему абсолютному счастью. И среди всех тех, кому не хватает истинной надежды, находится их брат, в котором их желания, их отчаяние, их разочарование претворяются в молитву надежды.

Его мужество, его постоянство в надежде даны ему в силу его принадлежности к народу надежды, к Церкви. Он сознает это и желает быть участником надежды всех детей Божи-

их. Надежды, которая, несомненно, есть ожидание помощи Божией, но прежде всего, — желание Дня Господня, того дня, когда Христос вернется во славе, чтобы воскресить мертвых, сотворить новое небо и новую землю и принять поцелуй Отца вместе с неисчислимым народом спасенных. Тогда «Бог будет все во всех», и безнадёжности уже не будет: все творение станет причастным бесконечному счастью Бога.

Может показаться, что я мало говорил с вами о молитве. Но на самом деле она постоянно присутствовала в моих мыслях в то время, как я писал вам. Ибо время молитвы наиболее благоприятно для обновления и выражения надежды. В молитве она обретает новую силу в воспоминании об обетованиях Господних; в сухости молитвы надежда делается более жаждущей, и когда Господь в какой-то мере открывает наконец Себя, она с великим рвением устремляется к Нему.

«Надежда не постыжает» (Рим 5,5).

75. Пусть молитва будет постом прежде, чем станет пиршеством

Терпение и нетерпение — две из многих добродетелей, которые требуются для молитвы. Я правильно выразился: нетерпение, хотя его и невозможно отыскать в официальном каталоге добродетелей. А между тем, разве оно не дитя, порожденное любовью? Как, любя, переносить разлуку с тем, кого любишь? Как не гореть нетерпеливым и властным желанием встретиться, обладать тем, кого любишь, соединиться с ним? Но ты, безусловно, не нуждаешься в том, чтобы тебя призывали к этому нетерпению, оно и так тебе свойственно. Зато, как мне кажется, терпение куда меньше для тебя привычно. Поэтому именно о нем я хочу с тобой побеседовать, ибо оно относится к тем свойствам, которые наиболее необходимы для желающих идти все дальше и выше по пути молитвенной жизни.

Ты едва полгода в семинарии, и вот уже грустишь, что тебе пока не удалось достичь вершин молитвенного делания! Прошу тебя, будь терпеливым или, если предпочитаешь, нетерпеливо терпеливым. Это значит горячо желать единения с Богом, но дорога длинна, или, скорее, тропинка крута: нужно идти по ней спокойным шагом, с размеренным дыханием, как надлежит тому, кто хочет подняться высоко.

Терпение, терпение, мой дорогой Франсис, и не забывай, чему нас учит сама этимология этого слова: «терпеть» значит «страдать», «переносить». Если ты решился снести и стерпеть, пересечь пустыню и ночь, тогда рассчитывай на успех. Но укрепляйся почаще в своей решимости: она часто будет подвергаться угрозе, особенно в час молитвы.

Старые духовные писатели, говоря об испытаниях молитвы, употребляют весьма сильное выражение: нужно, говорят они, выстрадать Бога, согласиться на долгую, безжалостную, искусную работу в нас Духа Святого, Который понемногу убивает в нас цепляющегося за жизнь «ветхого человека», чтобы возник «новый человек», освобожденный от шлака и окалины, как сверкающий металл при выходе из горна.

Терпение, отважное терпение, такое, как у Иакова, когда он боролся с ангелом всю ночь напролет, и даже раненный не отпускал его, пока не получил благословения от своего грозного противника (Быт 32,25-30).

Давнее воспоминание пробуждается во мне, пока я тебе пишу, — призыв к терпению одного старого монаха к послушнику, из «Мигеля Маньяры», «мистерии» великого польского поэта Чеслава Милоша. Прежде, чем с тобой расстаться, я приведу тебе оттуда несколько строк для размышления:

«Любовь и поспешность — плохая пара, Маньяра. Любовь измеряется терпением. Размеренный и твердый шаг — такова походка любви, шествует ли она среди цветущих изгородей под руку с девушкой или в одиночестве среди могил. Терпение...

Слишком поспешно утолять голод — тоже искушение. Нужно пережевывать жесткую траву и вялый корень с безразличием животного, перед которым — прекрасные долины и долгие, долгие летние часы...

Ибо нужно, чтобы молитва была постом прежде, чем станет пиршеством, и обнаженностью сердца прежде, чем станет мантией не-

бес, шелестящей мирами. Быть может, наступит день, когда Господь тебе позволит грубо вонзиться, как топор в плоть дерева, стремительно, как камень, пасть во тьму вод, и проникнуть, распевая, как огонь, в сердце металла».

76. Дары или Дарующий?

Франсуаза, благодарите Господа, Который помогает вам молиться. Это желание и вкус к молитве, это внимание к Богу, легко дающееся в течение всей молитвы, это радостное рвение, которое часто возникает у вас, подобно живому источнику, — это тоже драгоценные дары. Так, Бог часто становится учителем молитвы для Своих детей; чтобы побудить их вступить на путь молитвы, Он ощутимо приходит к ним на помощь. Но нужно хорошо знать, что через некоторое время Он заберет обратно эти начальные дары, чтобы душа, отнятая от груди, возрела в чистой вере: сейчас вы это переживаете светло и радостно, но наступит час, и, быть может, очень скоро, когда вам придется в это только верить в душевной ночи и сухости. Приготовьтесь к этой новой фазе. Порой я начинаю опасаться, как бы вы не привязались больше к дарам, чем к Дарующему. Важно уго-

дить Богу, а не вкушать дары Его благодати. С ощутимыми благодатями в молитве дело обстоит так же, как и со всякими дарами Божиими: или человек находит в них путь к близости со своим Господом, или же он делает из них себе идолов.

Но, вижу, что я говорю с вами на языке слишком абстрактном для юной лицеистки: картинка, заимствованная из одного фильма, наверное, позволит вам лучше уловить мою мысль.

В убогой хижине живет очень бедная молодая крестьянская семья. В день рождения жены муж отправляется в город со своими скудными сбережениями в кармане... Тратить их — безумие, но если любишь... Он приносит драгоценный пакет, который сразу же протягивает жене. Та, восхищенная, обнаруживает пару прекрасных чулок, каких она, бедная крестьянка, никогда еще в жизни не носила. Она любит их ими, не переставая вертит их в руках, ласково их поглаживает, не замечая, что муж ее, погрузнев, отходит в сторону, как будто он здесь лишний. Потом он снова приближается к ней, но она по-прежнему видит только свои чулки, и, наконец, не выдержав, он проявляет свою досаду... В одно мгновение молодая женщина все понимает. Она хватается ножницы и режет, терзает на кусочки свои чулки: она не может им простить, что, пусть

только на одно мгновение, они отвратили ее глаза от возлюбленного. И бросается в объятия своего мужа.

Франсуаза, пусть дары Божии будут для вас приглашением броситься в Его объятия, а не искушением удовольствоваться ими.

77. Даром ли?

Помните весьма любопытный рассказ в начале книги Иова?

«Был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу, и сказал: я ходил по земле, и обошел ее. И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. И отвечал сатана Господу, и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не ты ли кругом оградил его, и дом его, и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле. Но простри руку Твою, и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя?» (Иов 1,6-11).

«Разве даром любит Тебя Иов?» — ухмыляется сатана. К Тебе ли Самому он привязан, или

же к дарам, столь изобильно им полученным из рук Твоих? Обвинение коварно и серьезно. Любовь Иова к Богу не есть ли просто ловко замаскированная низкая любовь к самому себе? И Иов подвергается испытанию, и дает свидетельство того, что любовь Его к Богу подлинная.

В вашем последнем письме меня встревожила одна фраза: «Я не могу избавиться, — пишете вы мне, — от некоторой грусти из-за того, что я больше не испытываю во время молитвы того чувства близости ко Христу, которое все эти годы так помогало мне в моих известных вам семейных испытаниях». Я задаюсь вопросом, достаточно ли вы бдительны, чтобы различить в своей молитве элемент самоудовольнения? Да хранит меня Бог отворачивать вас от вашего желания близости ко Христу: я совершенно убежден, что оно есть дар благодати. Но достаточно ли оно очищено? Бескорыстно ли вы любите Христа?

Со времени знаменательных реколекций 1949 г., Бог, чтобы ободрить вас в молитвенной жизни, часто дарил вам живое ощущение Своего присутствия и Своей любви; ваша молитва часто бывала радостной и горячей; так не слишком ли вы привыкли к этому? Не оказалось ли так, что вы бессознательно позволили себе упражняться в молитве более ради отрады

присутствия Божия, чем ради одной только славы Его? Вам стóит, на мой взгляд, по меньшей мере, задать себе такой вопрос. Когда Господь дает нам ощутимую благодать, то, действительно, бывает очень трудно не позволить примешаться к нашей любви к Нему незаметной любви к самим себе, чтобы не вкралось в нашу волю прославлять Его некое эгоистическое желание наслаждаться Им.

Поэтому возникает необходимость в очищении. И, несомненно, та «духовная сухость», которую вы теперь переживаете, не имеет иного объяснения. Имейте доверие к благодати, действующей в вас, но не забывайте оказывать ей свое содействие.

Вот, что я вам посоветую. Как только вы приступите к молитве, заверьте Бога, что вы это делаете только потому, что такова Его воля, и чтобы угодить Ему; что вы предоставляете себя в полное Его распоряжение, безо всяких условий; что вы заранее согласны не обрести никакой ощутимой благодати, вы даже просите Его не давать ее вам, если это может послужить пришествию Царствия Его, доставить Ему вящую славу. О, мне хорошо известно, что, говоря с Богом подобным образом, невозможно удержаться от инстинктивного попятного дви-

жения. Но такая молитва чудесным образом очищает сердце.

Очищение молитвенных душ происходило бы куда быстрее, если бы они предоставляли себя таким образом в руки Бога, Который стремится очистить Свою лозу, чтобы она принесла более обильный и сладкий плод. Но если они робеют или, как избалованные дети, требуют все новых благодатных даров, как они смогут преуспевать в духовной жизни?

Вступите же отважно на этот путь. Я говорю «отважно» не для красного словца, но потому, что вам потребуется именно отвага. Эта стадия очищения тяжела. Потребуется много мужества, чтобы устоять в ней, чтобы принять кажущуюся смерть чувств, разума и сердца. Ибо это поистине так: чувства наши, лишённые отрады, кажутся умершими; наш разум, лишённый света, утративший способность к духовным размышлениям, также кажется умершим, и сердце наше становится бесчувственным и как бы неспособным любить. Делаются понятными слова древнего автора о «жертвоприношении МОЛИТВЫ».

Необходима большая вера, чтобы не позволять себе думать, будто время, отданное молитве — потерянное время, чтобы убедить себя, что эта смерть подготавливает воскресение, что

«если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин 12,24).

Молитва, вместе с испытаниями, которые она нам готовит, есть поистине горнило, где наша любовь к Богу очищается и делается сияющей.

78. «Как жаждущая земля...»

Дорогой отче, почему вы спрашиваете, возможно ли во время молитвы предаваться без укоров совести желанию единения с Богом? — ведь ответ содержится в вашем breviарии¹! Нам нужно только отнести и к себе то желание Бога, которое жгло сердце псалмопевца и находило для своего выражения потрясающие слова:

«Душа моя — к Тебе, как жаждущая земля»
(Пс 142,6)

«Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я;

*Тебя жаждет душа моя,
по Тебе томится плоть моя
в земле пустой, иссохшей и безводной,*

---

¹«Бревиарий» — часослов. - А. М.

*чтобы видеть силу Твою и славу Твою,
как я видел Тебя во святилище» (Пс 62,2-3)
«Как лань желает к потокам воды,
так желает душа моя к Тебе, Боже!
Жаждет душа моя к Богу крепкому,*

живому:

*когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс
41, 2ф3)*

Теология так же отвечает на ваш вопрос, указывая, что таков, можно сказать, биологический закон богословских добродетелей, вкорененных посредством крещения в сердце человека, — устремляться всем своим существом к своей цели, которая есть Бог. Вера стремится ко все более совершенному познанию Господа, а любовь — ко все более тесному единению с Ним. Также и благодать, коснувшись человека, делает из него существо жаждущее, стремящееся, алчущее; и чем более она возрастает, тем настоятельнее делаются в нем голод и жажда.

Но я напоминаю себе, что эти свидетельства Писания и теологии известны вам не хуже, чем мне. Стало быть, от меня вы ждете чего-то другого. Позволю себе предположить, что вас мучит сомнение: следует ли уступить желанию Бога, обитающему в вас, или же было бы более совершенным желать только чистой славы Божией?

С этой альтернативой сталкивается рано или поздно всякий человек, продвигающийся по пути молитвы, и то, что он не решается попросту последовать желанию единения с Богом, объясняется опасением, что желание это не является всецело чистым. Он желает всем своим существом, чтобы Бог, Который в минуты благодати позволяет ему смутно разглядеть Себя, являлся ему снова и снова; но не есть ли это желание скорее жадность, чем щедрость, скорее любовь к себе, чем отдача себя?.. Он спрашивает себя, не следовало ли ему отвергнуть это желание, чтобы служить Богу с любовью бескорыстной, свободной ото всяких поисков самоудовлетворения? — Но тем временем это желание, напряженное и живое, возрождается снова и снова.

Не следует его бояться. Скорее — радоваться ему, как достоверному признаку присутствия в душе Бога живого. Дело не в том, чтобы погасить его, но чтобы его очистить. Впрочем, этим займется Сам Бог. Переход через пустыню и духовную ночь будет столь долгим, что никакое себялюбие не устоит, и в душе, совершенно опустевшей, станет возрастать желание, на сей раз полностью духовное и очищенное, желание Бога, порожденное Богом и устремленное к Богу, единственно ради славы Божией.

Значит ли это, что надо дожидаться того времени, когда мы достигнем такого уровня очищения, что осмелимся поверить Богу наше непреодолимое желание знать Его, любить Его, быть с Ним едино? Нет, безусловно, нет! Путь ребенок будет простым и искренним со своим Отцом. Надо только освобождаться от двусмысленности в наших устремлениях.

Тем свободнее мы сможем выражать Богу в молитве наше желание быть с Ним едино, что в остальной нашей жизни мы будем по отношению к Нему не сентиментальными воздыхателями, пренебрегающими действием, но — ревностными служителями Царствия Небесного.

Позвольте мне в заключение привести вам фрагмент из св. Анджелы де Фолиньо. Имея в виду уточнения, о которых говорилось выше, уже нельзя будет ошибиться в истинном значении ее слов:

«Мудрая душа не удовлетворяется познанием Бога извне, посредством поверхностных размышлений: она желает знать Его поистине, вкусить Его вышнего блага, познать Его ценность. Он для нее не просто благо, но Благо по преимуществу. Она любит Его именно по причине этой благодати, а любя, она желает обладать Им. И Он, всеблагой, дает ей Себя; она ощущает это, вкушая Его отраду с безмерным

наслаждением. Так, делаясь причастной Тому, Кто есть высшая любовь, она преисполняется любовью, она становится с Ним одно... Но душа не может достичь столь высокого познания ни сама по себе, ни посредством Писания, ни через знание, и ни при помощи никаких тварных средств, хотя все эти вещи и способны оказать ей помощь и расположить ее к этому; но сверх всего необходим свет Божий и благодать. Итак, чтобы достичь скоро и надежно этой милости, и удостоиться ее от Бога, Который есть высшее Благо, высший свет, высшая любовь, я не знаю ничего лучшего, чем прошение благоговейное, чистое, постоянное, смиренное и настойчивое; прошение, совершаемое не устами только, но которое истекает из духа, из сердца, из всех наших духовных и телесных способностей; прошение, которое овладевает благодатью посредством безмерного желания».

79. Попрошайка Божий

Вы как будто стыдитесь обращаться к Богу с просительными молитвами. Не есть ли это утонченная гордыня? Просить — это свойство нищего, попрошайки; давать — свойство существ щедрых и бескорыстных, — и, разумеется, вы бы хотели принадлежать к последним?

А между тем, Христос непрестанно призывает нас просить у Бога: *«Просите, и дано будет вам»* (Мф 7,7); *«Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него»* (Мф 7,11); *«Чего ни попросите у Отца во имя Мое, Я то сделаю»* (Ин 14,13); *«Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного»* (Мф 18,19).

Как можно перед лицом такой настойчивости Христа сомневаться в том, что просительная молитва имеет первостепенную важность? К тому же, легко понять, что мы не можем при-

нести Богу ничего, кроме того, что мы от Него же и получили. А как получить, если не протянуть руки? Вы мечтаете любить Бога бескорыстно; но как бы вы могли Его любить, если бы Он не дал вам этой способности? Предоставленные самим себе, вы будете неспособны любить Бога «всем сердцем, всею душою и всем разумением», если у вас не будет «сердца нового», которое обещает Иезекииль от имени Бога: *«Дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. Вложу внутрь вас дух Мой»* (Иез 36,26-27).

Как раз это и должно быть предметом нашей молитвы: просить у Бога, чтобы Он научил нас любить Его, чтобы Он дал нам ту любовь, которой бы мы Его любили. Не какую угодно любовь, но именно ту, которую Евангелисты называют греческим словом *агарè*. Это та любовь, на которую человек сам по себе неспособен, она божественна по происхождению и по природе. Та любовь, которою от века любят друг друга Отец и Сын в ликовании Святого Духа. Та любовь, которою Они также любят и людей, которая дивно проявилась в даровании нам Отцом Своего Сына и в пожертвовании нам Христом собственной жизни.

«Бог есть любовь», любовь есть самая природа Божия. Вне Бога невозможно ее встретить,

кроме как в тех, кого Он порождает, т.е. кому Он сообщает Свое существо и Свою жизнь. Но таковые поистине любят Бога так, как Он Сам Себя любит, и становятся Его близкими, Его друзьями.

Если вы понимаете это дивное учение, провозвестником которого был св. Иоанн, после того, как размышлял о нем всю свою долгую жизнь, то как вы можете не стать пламенным приверженцем просительной молитвы? Поддержанные верой и нерушимой надеждой, вы станете молить Отца о даровании вам агарè.

Я вам желаю быть всю вашу жизнь попрошайкой. Попрошайкой агарè. Попрошайкой Божиим, Чьи сокровища тогда станут вашим уделом.

80. Слава Божия прежде всего

Я никогда не говорил вам, что для достижения совершенной молитвы нужно изгнать молитву просительную. Если мое недавнее письмо навело вас на подобную мысль, то, видимо, потому, что я очень неудачно выразился.

По поводу ощущений радости, подъема, любви, которые приходят порой во время молитвы и которые вы так часто испытывали, я призывал вас не просить о них, и даже отказываться от них в той мере, в какой это угодно Богу. Действительно, нужно уметь отказываться от ощутимого присутствия Божия, чтобы достичь более совершенной близости с Ним. Нужно принять тьму, чтобы достичь истинного света. Разве не встречаемся мы с чем-то подобным и в человеческой любви? «Погаси лампу, Беата, она мне позволяет видеть только твое лицо». Но если я вам советую не желать и не

просить ощутимых даров благодати, то из этого еще не следует, что нужно совершенно оставить просительную молитву.

Сам Христос учил нас просить у Бога того, в чем мы нуждаемся: хлеба насущного, прощения, защиты. Но, разумеется, прежде всего Он научил нас молиться о том, чтобы Имя Отчее свяtilось, чтобы наступило Царствие Его, чтобы осуществилась воля Его. Ибо самое главное — это слава Божия. Здесь не простое первенство во времени — как если бы, помолившись сперва о Царствии Божиим, мы получили бы затем право ходатайствовать о наших личных интересах, — но первенство абсолютное. Даже сами наши прошения о хлебе, о прощении, о благодатях должны быть связаны с Богом, Его славой, обращены к Нему прежде всего не ради нашего счастья или даже спасения, но чтобы свяtilось имя Его во всей нашей жизни, чтобы в нас и через нас наступило Царствие Его и осуществилась воля Его. Так понятая, просительная молитва есть нечто совершенно чистое и весьма великое.

Я возвращаюсь к вопросу об ощутимых благодатях. Не думайте после сказанного мною, что вам следует их бояться или отвращаться от них. Важно не приступать к молитве ради них, а также не воображать, будто бы воодушевление лучше чистой веры. Зная это, умеете принимать простым и благодарным сердцем дары

Божии. Умейте соотносываться с избытком, как и с недостатком. «Во всем да будет славен Бог!» — как говорил св. Бернар своим монахам.

«ДВИЖИМЫЙ ДУХОМ БОЖИИМ»

Дух Святой есть наш наставник в молитве. Он стремится помочь нам почувствовать наше достоинство и нашу немощь, Он учит нас принимать их, и таким образом понемногу приготавливает нас принять те дары благодати, которых Он Сам есть Раздаватель.

Молитвы, во время которых мы чувствуем, что нами ничего не сделано, так сказать, «загубленные минуты», — на самом ли деле они потерянные? — Ни в коем случае! Ибо это — время, принесенное в жертву, «жертвоприношение молитвы» (**1. Положи приношение твое на камень**). — Когда кажется, что Господь далеко, это значит, что для нас настало время крепить нашу веру в Его любовь, всегда близкую и действенную. И вот наше желание углубляется, наша любовь становится пламенной и чистой (**2. Пустынная молитва**). — Кто обладает всем, но не Богом, не имеет ничего; но ни в чем нет недостатка у того, кто лишен всего, но не Бога. Нет иной нищеты, как только быть лишенным Бога (**3. В тот день он сможет молиться**). — Собственно говоря, Бог никогда не отсутствует; Он пребывает в нас. Поэтому следует искать Его там, где Он есть. И прислушаться к Тому, расслышать Которого можно только в безмолвии (**4. Легенда о мускусном бычке**). — Воздержимся от слов, когда мы ощутим из глубины

души призыв умолкнуть и замереть, внимательно и преданно (**5. Царство безмолвия**). — Это безмолвие и эта внутренняя неподвижность на деле являются необычайно напряженной активностью. Не следует в этом сомневаться (**6. Призыв к безмолвию**). — В наших безмолвных молитвах в нас понемногу будет пробуждаться сердце ребенка, — то самое сердце ребенка, которое только и способно войти в Царствие Божие, по слову Христову (**7. Пленный ребенок**). — Душа очищенная и молчаливая не замедлит обнаружить, что в глубине ее существа излучается свет, который проникает весь ее разум, источает любовь, укрепляющую ее сердце (**8. Молитвенные порывы**). — Ее желание обрести Бога предельно возрастает. Но в духовной сфере «желание души исполняется через то, что она делается ненасытимой» (**9. Найти означает искать**). — Это желание становится непреодолимой потребностью отдать всю душу Богу, предать Ему все наше существо, как дерево огню, чтобы он поглотил его (**10. «Поклоняющийся в духе и истине»**).

81. Положи приношение твое на камень

«У меня такое чувство, — пишете вы мне, — что я только зря теряю время на молитве». Но не кажется ли вам, что терять свое время — совсем не важно, если вы действительно теряете его ради Бога? «Кто потеряет жизнь свою, — читаем мы в Евангелии, — тот обретет ее» (ср. Мф 16,24). Ведь наше время — это самая ткань нашей жизни; «терять» какую-либо часть ее ради Бога, это, собственно говоря, значит принести жертву. Авель заклал одного ягненка из своего стада, и его жертва была угодна Богу, потому что он признавал таким образом верховную власть Господа над всем его достоянием. Вы же, вы жертвуете этот час из вашего дня, вы возлагаете его на огонь, вы его посвящаете в религиозном смысле слова; как же это «жертвоприношение молитвы» может не быть угодным в очах Господних, если таким образом

вы стремитесь утвердить Его верховную власть над всею вашей жизнью? Потерянное время? — Нет, время, посвященное Богу.

Вы бы, несомненно, предпочли возвышенные мысли, воодушевление или, по меньшей мере, подлинную сосредоточенность. Но можете ли вы быть уверены, что тогда вы не были бы заняты самоугождением, настолько, что время молитвы, вместо того, чтобы быть посвященным Богу, оказалось бы поисками вашего личного удовлетворения?

Когда во время молитвы размышление, воодушевление, безмолвие оказываются вам совершенно недоступны, вопреки вашей доброй воле, что ж, согласитесь от всего сердца на такое пожертвование частицы вашей жизни. И гоните прочь сожаления: это значило бы забирать одной рукою то, что вы отдали другой.

Ваша молитва ничего вам не приносит? Но тогда, вот прекрасная жертва, жертва по преимуществу, всеожжение, в котором огонь пожирает приношение без остатка, в отличие от «жертвы приобщения», когда тот, кто предлагал приношение, заранее отделял от него часть для собственного пропитания.

Ваше письмо застало меня в тот момент, когда я заканчивал чтение Священного Писания, а именно того места, имеющего глубокий религиозный смысл, где говорится о жертвоп-

риношении Гедеона: *«Сказал ему Ангел Божий: возьми мясо и опресноки, и положи на сей камень, и вылей похлебку. Он так и сделал. Ангел Господень простер конец жезла, который был в руке его, прикоснулся к мясу и опреснокам; и вышел огонь из камня, и поел мясо и опресноки; и Ангел Господень скрылся от глаз его»* (Суд 6,20-21). Когда вы приступаете к молитве, возложите ваше приношение, эту частицу вашего времени, на камень — ап. Павел учит нас, что камень — это Христос, — а затем просите Ангела Господня коснуться его кончиком своего жезла. И радуйтесь, если огонь поглотит его, ничего не оставив для вас.

Значит ли это, что следует отворачиваться от тех даров благодати, которые Господь дает во время молитвы: от безмолвия, от мира, от радости, от мыслей, имеющих привкус божественного? — Безусловно, нет. Если мы будем внимательнее к Дарующему, нежели к дарам, то, несомненно, мы гораздо чаще удостоимся посещений Святого Духа. Но слишком часто дары Божии отворачивают нас от Него Самого. Стоит ли еще удивляться, что из любви к нам Он дает нам скорее недостаток, чем изобилие? Он не желает, чтобы мы могли удовлетвориться меньшим, чем Он Сам. И вместе с тем, как велико Его нетерпение насытить нас Самим Собою!

82. Пустынная молитва

Веронике 13 лет. Мать очень рано научила ее молитвенному размышлению, и она посвящает теперь этому каждый день 10-15 минут. Минувшим воскресеньем бедная Вероника, расстроенная, поделилась со мной своей бедой: «Вот уже неделя, как я не чувствую больше присутствия Иисуса в моей молитве».

Моя дорогая Вероника, я подумал, что вам доставит радость получить в письменном виде те советы, которые я дал вам позавчера, особенно если вам опять не удалось ощутить присутствие Христа в вашей ежедневной молитве. Многие месяцы Он дарил вам чувство Своего присутствия, и это было очень хорошо. Но теперь, когда вы лишились этого ощущения, вы растеряны. Я понимаю вас, но не тревожьтесь. Не утомляйте себя тщетными поисками причин подобной перемены. Не заставляйте себя ду-

мать, что это случилось по вашей вине. Постарайтесь лучше принять от всего сердца, в добром расположении и с большим терпением то, что является испытанием. Понемногу вы обнаружите, что эти молитвы, по виду бесплодные, на самом деле приносят большую пользу. И для вас тоже оправдаются слова Христовы: *«Лучше для вас, чтобы Я пошел»* (Ин 16,7).

Ваша вера выйдет более чистой и более сильной из этого похода через пустыню, где ничего не растет, где не встретить ни души. Пока Господь вам позволял ощущать Свое присутствие и Свою любовь, вам было очень легко быть к Нему привязанной, как апостолам, когда их воскресший Учитель появлялся среди них. Но если ничто осязаемое не приходит на помощь, должна утвердиться и укрепиться ваша вера. Вспомните слова Христа, обращенные к Фоме: *«Блаженны не видевшие, и уверовавшие»* (Ин 20,29). Приучите же себя очень осторожно, очень спокойно, когда вы испытываете сухость в молитве, верить, что Иисус здесь, что Он любит Свою маленькую дочь великою любовью. Ничто не может прославить Его более, чем такая непоколебимая вера.

Ваша внутренняя жизнь извлечет также и другую существенную пользу из этих трудных молитв. Когда вы живете в пансионате, то раз-

ве ваше желание увидеться с родителями, с братьями и сестрами, не возрастает по мере того, как проходят дни? И не бывает ли возвращение домой тем более радостным, чем более желанным оно было? Точно так же в ваших молитвах без радости ваше желание вновь обрести Христа, войти в Его любовь, будет все время усиливаться. Это главное, ибо, усиливаясь, это желание будет углублять вашу душу, и, таким образом, вы сможете предоставить жизни Христовой бесконечно более обширное место. Вам будет дана благодать Его тем изобильнее, чем более пустой и алчущей будет ваша душа. И эта алчба есть добродетель надежды.

Третье преимущество: как металл в огне, так и ваша любовь ко Христу очистится в этих молитвах, напоминающих чистилище. Не замечали ли вы, что часто вы приступали к молитве с огромным желанием вновь испытать ту великую радость, что и накануне? Это свидетельствует о том, что вы приступали к молитве не единственно из желания угодить Богу, но также и ради себялюбия. Когда мы замечаем это за собою, мы должны первыми сказать Господу: «Чтобы избавиться от этой ветхой любви к самому себе, чтобы отныне я приступал к молитве не ради радости, какую я во время нее испытываю, но единственно ради Твоей славы, я прошу Тебя, чтобы я отныне не испытывал в

молитве радости больше, чем это необходимо». Но если даже мы сами не сумеем так поступить, то, по меньшей мере, тогда, когда нам будет в этих радостях отказано, постараемся примириться с этим в мире и покое. А прежде всего, не уподобляйтесь тем, кто во все время молитвы только и дожидается возвращения радости; они напоминают мне детей, которые во всю рождественскую ночь спят только одним глазом, другим же высматривают, когда появятся игрушки в их чулочках. Настанет, я надеюсь, день, когда вы достигнете такого состояния, что вы будете довольны, если молитва ваша будет протекать без чувства радости; тогда вы будете знать, что вы любите Иисуса несколько больше, чем себя.

Так разве я не прав, Вероника, говоря, что ваша сухость в молитве весьма полезна? Три великих добродетели в ней очищаются и совершенствуются: вера, надежда и любовь, именно те добродетели, которые приводят нас к общению с Богом и вводят нас в Его внутреннюю жизнь.

83. В тот день он сможет молиться

Одна мать написала мне: «Я вошла в спальню моего маленького сына, чтобы поцеловать его перед сном. Выходя оттуда, я погасила свет, но вдруг жалобный голосок попросил меня: “Мама, не уходи!” Я повернулась, склонилась к нему: “Почему, мой хороший?” — “Потому что, когда тебя нет, я такой... такой... бедный”».

«Сударыня, — отвечал я ей, — не помню, чтобы когда-либо слова, сказанные ребенком, производили на меня подобное впечатление. Эти слова вашего маленького Филиппа не выходят у меня из головы с тех самых пор, как я их услышал. Ведь он мог бы сказать: “Мне грустно”, или же: “Мне страшно”. И это было бы вполне обычно. К тому же, грусть, как и страх, скоро рассеивается. Но он сказал, помедлив несколько мгновений, чтобы подобрать выра-

жение, способное как можно точнее выразить его ощущение: “Я бедный”. Насколько больше это значит! Бедный — значит, тот, кому недостает необходимого, хлеба насущного, который, в конце концов, умрет, если не восполнить этого недостатка. Это как раз то, что чувствовал ваш мальчик в тот вечер: что его мама для него хлеб насущный, основа жизни, что без нее он был бы поистине бедным, бедным до скорби.

Так пусть же он сможет однажды сказать и Богу, с тем же порывом и с той же силой убеждения: “Господи, не уходи. Ибо, когда Тебя нет со мной, я беден”. В тот день, он сможет хорошо молиться».

84. Легенда о мускусном бычке

Для чего истомлять себя бесконечной погодой за Богом, как если бы Он был вне вас? Он внутри вас. Там Он назначил вам встречу, там Он вас ждет; и там Он позволит найти Себя, когда сочтет это за благо.

Чтобы дать осознать эту великую истину своим детям, индийские матери рассказывают им легенду о мускусном бычке.

«Однажды, очень давно, горный мускусный бычок почувствовал, что его преследует неотступный запах мускуса. Он помчался по джунглям вдогонку за этим запахом. Бедное животное отказалось от пищи и питья, от сна. Бычок не знал, откуда доносится мускусный зов, он преследовал его через овраги, леса и холмы, пока, наконец, изголодавшийся, изнуренный, он не сорвался с вершины одной скалы и не разбился насмерть. Последним его движением перед смертью была жалость к самому себе, и он

лизнул себя в грудь. И оказалось, что его мускусный клапан лопнул от удара и источил свое благовоние. Бычок глубоко вздохнул, пытаясь вдохнуть благовоние, но было уже слишком поздно. О! Мой любимый сыночек, не ищи вовне аромата Божия, чтобы тебе не погибнуть в жизненных джунглях, но ищи свою душу, и смотри, Он будет там».

Бог обитающий в вас — не безмолвный Бог. Он говорит; но чтобы Его услышать, нужно установить тишину. «Отец изрек Слово, и Слово Это — Его Сын. Он изрек Его в извечном безмолвии, и в безмолвии слышит Его душа» (св. Иоанн от Креста).

Установить тишину очень трудно в нашем ужасно шумном мире. Я говорю не только о физических шумах, но и о всяких происшествиях, сенсационных новостях, разнообразных угрозах, которые реклама, эта «чародейка современности», выкрикивает на всех крышах, нашептывает нам в уши. Все это тревожит и будоражит наши чувства, наше воображение, нашу мысль, наше сердце; все это непрестанно отплясывает в нас бешеную кадриль и возмущает нашу молитву. Тем не менее, внутренняя тишина возможна.

Чтобы достичь ее, нужно упражняться в ней с кротостью и терпением. Насильственные ме-

ры никогда не годятся для умиротворения. А речь идет как раз об умиротворении, об умиротворении всех способностей нашей души, чтобы они обратились к Богу и были неподвижны, внимательны. Иными словами, чтобы мы достигли тишины и сосредоточенности. Сосредоточенность — это напряженное внимание, готовое воспринять внутренний голос. «Многие мудрецы нам уже говорили, — пишет Клодель, — что для того, чтобы услышать, нам было бы довольно, может быть, только послушать: как это верно! Но теперь мы станем прислушиваться не с помощью нашего слухового аппарата, не с помощью даже напряженного интеллекта, но всем нашим существом будем слушать мысущее Существо».

Вы, конечно, опять скажете мне, что уже отчаялись достичь внутренней тишины, этой священной сосредоточенности. Одних ваших усилий, действительно, не хватит: нужно, чтобы на помощь пришла божественная благодать. Но разве Бог откажет в этой благодати? Он ведь того только и хочет, чтобы тишина установилась в вашей душе, и сделался возможным диалог между Отцом и Его чадом. Сохраняйте доверие, будьте постоянны в молитве, и Христос успокоит и приведет к Себе разбредшиеся во все стороны способности вашей души, как тот пастух, о котором говорит св. Тереза Авильс-

кая, что перед наступлением ночи он играет на своей свирели, чтобы собрать своих овечек, рассеявшихся по лугу.

85. Царство тишины

Куда скорее вам, нежели мне, следует решать, надо ли вам оставить активную форму молитвы, в которой вы доселе упражнялись, для формы более пассивной. Но вот вам, тем не менее, кое-какие темы для размышления.

Если во время молитвы вы чувствуете влечение оставаться с безмолвной и неподвижной душой возле Бога, Которого вы не видите, но о Котором вы точно знаете, что Он здесь; если любые слова кажутся вам излишними, куда менее выразительными и подлинными, чем безмолвие вашего существа, предстоящего пред лицом Божиим; если, завершив молитву, вы чувствуете мир и обновление, то не ищите ничего больше: это Дух Святой вас приобщает к царству тишины.

Но не ждите, что это царство окажется земным раем. В иные часы от вас потребуется великое мужество, чтобы удержаться от искушения убежать из этого пустынного и сурового

отечества. Пусть же обетование Господне, заключенное в маленькой книге пророка Осии, придаст вам силы: *«Приведу ее в пустыню, и там буду говорить к сердцу ее»* (Ос 2,14).

Остерегайтесь также и другого искушения, а именно: цепляться за эту новую форму молитвы, боясь, как бы вы не пали с достигнутых высот, вернувшись назад. Ибо настанут и такие дни, когда тишина будет совершенно пустой, когда не быть активным будет означать попросту тратить зря свое время. Вернитесь в таком случае к той молитве, которую вы хорошо знаете и которая состоит в том, чтобы думать о Боге, говорить с Ним, представлять Ему тех, с кем вы встретитесь в течение дня, чтобы Он благословил их, а также ваши заботы и обязанности, чтобы Он помог вам их исполнить.

Порой вам случится засомневаться в том, как вам поступить. Это будет так, словно душа в самой глубине пробуждена и внимательна к Богу в некоей сфере, недоступной никакому шуму, тогда как на периферии воображение, чувства, страсти, мысли, ощущения словно сорвались с цепи. Не тревожьтесь, будьте только согласны с вашей глубинной душой. Что до всего остального, отнеситесь ко всему, что шевелится и домогается вашего участия, как к чему-то совершенно неинтересному, отрекитесь от него: отречься значит сделать безвредным.

86. Приглашение к безмолвию

Не стану от вас скрывать, что меня несколько озадачил ваш вопрос в последнем письме: «Как убедиться, когда во время молитвы ничего не делаешь, что именно этого хочет Бог?» Я мог бы вам ответить, что воля Божия никогда не состоит в том, чтобы мы ничего не делали во время молитвы, ибо всякая истинная молитва есть самая активная деятельность. Но поскольку я не привык получать от вас непродуманных вопросов, я стал искать, каков мог быть точный смысл ваших слов? Вы поправите меня, если я окажусь неправ.

Бывает, что совершают молитву, не молясь. По прошествии нескольких минут человек с удивлением обнаруживает, что стоит на коленях, тогда как внутренняя цепочка мыслей не прерывалась ни на мгновение. Внутренний фильм продолжает раскручиваться. Другой раз, после хорошего начала, вдруг ловят себя на том, что думают о вещах совершенно посто-

ронных, а то и вовсе дух погружен в некую сладостную летаргию. Такие ли состояния имеете вы в виду? Если да (но я думаю, что нет), то совершенно очевидно, что тогда следует собраться, возвратить свой дух к Богу, найти какую-либо мысль о вере, чтобы, задержавшись на ней, учиться любить.

Но я думаю, что вы скорее имеете в виду те моменты, когда во время молитвы больше не чувствуешь ни потребности размышлять об определенных темах, ни совершать отдельные акты поклонения, хвалы, любви; когда охотно довольствуются неподвижностью и внутренним безмолвием, к которым ощущают склонность. И лишь некое беспокойство мешает предаться этому безмолвию всецело — беспокойство о том, настоящая ли это молитва?

Так вот вам мой совет: если у вас такое впечатление, что внутренняя тишина более подлинна, более реальна, более глубоко вас затрагивает, нежели слова, тогда, не колеблясь, избежите тишину. И всячески отвергайте искушение считать себя бездеятельным из-за этого: в самой глубине вашего существа возникнет тогда тонкая, возвышенная, очень чистая, почти неразличимая, потому что чисто духовная, активность. Это — попросту направленность к Богу вашего глубинного существа, активность намного более реальная и истинная, чем сума-

тоха ощущений или воображения, чем самые возвышенные чувства или мысли. Она божественна, она возбуждена в вас Духом Господним. Эти моменты наполненной тишины (есть также тишина пустая) — лучшие моменты молитвы.

Но будьте внимательны, не старайтесь вызывать эти моменты искусственно. От вас не зависит — привести в такое состояние свою душу и поддерживать ее в нем. Это дело благодати. Так что, когда вы не обнаружите в себе этой склонности к безмолвию, возвращайтесь к вашей прежней форме молитвы: думайте о Боге, говорите с Ним, любите Его, предоставляйте Ему себя. Но будьте готовы оставить все эти действия, как только Дух Святой снова призвет вас к тишине.

87. Плененный ребенок

Один кюре из горного селения пригласил меня проповедовать на Страстной Неделе в его приходе. Исповедуя его прихожан, я обнаружил у многих из них редкостную духовность. Она носила черты некоей семейности: их отношения с Богом строились на основе сыновнего доверия, мира, радостной самоотверженности. Я сделал из этого вывод, что под внешностью грубого горца мой кюре скрывал исключительную внутреннюю жизнь и был подлинным воспитателем душ. Я не предпринимал никаких расспросов, сдерживая свое желание ломиться силой через заросли.

Вместе с тем, наши беседы за столом и перед сном могли ввести в заблуждение на этот счет, поскольку они касались только самых общих вопросов теологии и пастырства.

В день Пасхи, во время литургии и после нее, во время вечерни, сдерживаемое трепетное воодушевление ясно отражалось на лицах всех прихожан. Вечером за ужином суровое лицо пастыря светилось затаенной радостью. А между тем, и эта наша беседа поначалу протекала так же, как и остальные, но вдруг мое замечание отклонило ее в неожиданную сторону, и это позволило мне заглянуть в исключительно глубокую душу священника. Сразу затем, вернувшись в свою комнату, я спешно нацарапал заметки о нашей беседе: они верно, хотя и в общих чертах, передают слова кюре:

— Для многих людей христианская жизнь — синоним усилия, напряжения, тяжбы, спортивных достижений, рекордов (кюре, чтобы подчеркнуть и оттенить свою мысль, громоздил слова одно на другое). Между тем, это вовсе не так уж связано с напряжением, с чем-то зримым, внешним. Это — нечто в самой глубине души, нечто тонкое, нежное, неуловимое, легкое, некое движение души, некий ответ нашей внутренней свободы.

Глубже, куда глубже наших религиозных жестов, нашего тяжеловесного великодушия, наших благих порывов, наших пылких желаний, наших затаенных вздохов существует

в нас область свежести, невинности, девственности. Суровость, скорби, зло и нечистота существования не могут ее достичь, осквернить, заразить. Здесь обитает наша детская душа, юная, свежая, чистая, неповрежденная, непорочная. Но почти у всех человеческих существ эта маленькая девочка находится в заточении.

Быть христианином это прежде всего освободить пленного ребенка, вывести его на свет, снять с него оковы. И вот она дышит, она поет чистую серебристую песнь. О, так и хочется закричать всем благомыслящим: Нет, не с вашим важным видом, не с вашими солидными рассуждениями, не с вашими чопорными и благопристойными добродетелями, не с вашей духовной бухгалтерией и рентой войдете вы в рай! От всего этого вам нужно непременно избавиться. И только с вашей детской душой, да, ведомые этой маленькой девочкой, если вы согласитесь протянуть ей руку, войдете вы в Царство Небесное, предназначенное для младенцев и для тех, кто им уподобится. Вас всегда удивляло и, несомненно, втайне соблазняло то, как Христос обещал столь великую награду публичной женщине, супруге-прелюбодейке, разбойнику на кресте; но это было потому, что при встрече с Ним их детская душа, внезапно освободившись, шептала простое слово, слово любви: «да», и этим «да» определялась их судьба.

Действительно, ведь это так просто — быть спасенным, — но для этого как раз и нужно принять, что это очень просто. Наша вечная участь решается не на уровне назидательных поступков, благообразных добродетелей, великих свершений, но на самом острие души. Это кажется чем-то незначительным, но на деле ничего нет более могучего, более действенного; некая улыбка нашей души, детская, наивная, чистая, доверчивая, отважно доверчивая, вот что решает нашу вечность. Я думаю, улыбка именно такого свойства, именно она оторвала Сына Божия от жизни в лоне Пресвятой Троицы и непреодолимо привлекла Его в лоно юной Девы Марии.

— Но как же, — спросил я его, — отыскать нашу детскую душу и возвратить ей вкус к жизни, к песне, к улыбке?

— Я не знаю ничего лучшего для этого, чем молитва, — сказал он мне. — И при непременно-м условии, чтобы важная взрослая особа в нас умолкла и стала учиться у маленькой освобожденной девочки. Но если мы начнем искать гарантий...

И он внезапно оборвал нашу беседу, хотя мне так хотелось, чтобы она продолжилась!

88. Молитвенные порывы

Не думайте, что ваш случай — единственный в своем роде. Многим другим приходится переживать подобное. Недавно один мой друг-медик говорил мне: «Часто я испытываю влечение к молитве, мчась в автомобиле или между визитами больных; и тогда я откладываю это до того момента, когда смогу пойти в церковь. Но когда я наконец туда вхожу, я больше не нахожу в себе этой молитвы, которая перед тем, казалось, готова была забить ключом». И как часто матери семей мне жаловались, что их молитва остается удручающе сухой, но во время домашних дел, готовя обед, они молятся без затруднений.

Этому явлению может быть предложено множество объяснений. Прежде, чем изложить вам одно из них, я приглашаю вас разбежаться для высокого прыжка.

Пресвятая Троица живет в нас, согласно обетованию Христову, данному апостолам: *«Кто любит Меня, того возлюбит Отец Мой, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим»* (Ин 14,23). Она не заключена в нас так, как содержимое в сосуде, например, как облатка в дарохранительнице, но скорее, как огонь в полене, которое он пожирает, как свет в куске кристалла, как душа в теле. С помощью подобных сравнений я хочу вам дать понять, что Пресвятая Троица приобщает нас к Своей собственной жизни. Самая глубина нашего существа приобщена к ней таким образом, самая внутренняя и вместе самая неведомая область нас самих. При этом, как мы ни поверхностны обычно, но порой из этого центра нашей души до нас как бы доходит некая весть, таинственное предупреждение, призыв к сосредоточению. Сосредоточиться значит собрать наше внимание, столь рассеянное и обращенное на существа, нас окружающие, столь захваченное нашими внешними впечатлениями, чтобы сделать его восприимчивым ко внутренним реальностям.

Если, откликаясь на этот призыв, мы оставляем все и обращаемся в слух, то часто наша внутренняя жизнь всплывает на поверхность нашего сознания или, точнее, мы проникаем сами в этот внутренний мир, который мы, всегда рассеянные, забываем посещать.

Но, скажете вы мне, именно тогда, когда в ответ на то, что я считаю призывом Божиим, я приступаю к молитве, я больше ничего не ощущаю и больше не испытываю никакой потребности в молитве, мне становится скучно.

Но не потому ли происходит так, что в тот момент, когда вам следовало бы застыть в полной неподвижности, ваш разум силится порождать идеи, а ваше сердце — чувства? Поймите же, что для того, чтобы лучше познать и лучше полюбить Бога, часто более необходимо воспринимать, чем действовать. Вспомните об озерах, которые питаются внутренними ключами. Точно так же обстоит дело и с вашей душой. Ваш разум есть то в вас, что способно воспринять свет Слова: пусть же он будет открыт, и в самом центре его прольется свет, которому только и нужно распространиться. Пусть ваше сердце, точно так же, будет расположено воспринять изнутри троическую любовь, любовь, которая стремится наполнить его и расширить, чтобы, затем, излиться вкруг.

Я не говорю, что в молитве всегда следует придерживать такой пассивной установки. И я бы не стал рекомендовать ее начинающим. Им надлежит наполнять водоем, черпая снаружи, питать свою мысль и свое сердце Словом Божиим. Отсюда следует начинать и так продолжать, возможно, в течение долгих лет, покуда созерцание «по наитию» (*contemplation*)

infuse, «внушенное, или влитое, созерцание»), как называют его богословы, не появится в них изнутри.

Но нужно также быть настороже. Это созерцание по наитию, не предлагая нашему разуму определенных идей, не внушая нам четких чувств, грозит остаться незамеченным.

Именно потому, что оно божественного происхождения, это созерцание, как бы переливаясь через край нашей души, нарушает человеческие способы мыслить и любить.

Удалился ли я от темы? — Нисколько. Эти «молитвенные порывы», как вы говорите, которые приходят в течение дня в те моменты, когда вы не стараетесь молиться, есть, по всей вероятности, призывы к большей пассивности перед Богом, к большей внутренней мягкости и податливости, чтобы вашей умиротворенной и восприимчивой душе Дух Святой мог сообщить божественные импульсы и, несомненно, приобщить вас уже к созерцанию по наитию.

Научитесь же не искать вовне того, что пребывает в вас, и не стремитесь совершить то, что следует принять.

89. Найти означает искать

Я задаюсь вопросом, нет ли в вашем желании познать Бога и быть в единении с Ним излишнего напряжения, которое грозит вас обессилить? Путь к святости долог и тяжел; он потребует от вас всего вашего упорства; духовная брань жестока, и вам едва хватит всех ваших сил, чтобы довести ее до победы.

Безусловно, ваше желание единения с Богом, влекущее вас к уединению, — великая благодать¹. Вам нужно ценить это желание и осуществить его. Но не менее важно направить его в должное русло и очищать его. Бог ответит не столько на его пылаемость, сколько на его чистоту.

---

¹Это письмо было адресовано молодому священнику, который затем, после нескольких лет служения на приходе, испросил у своего епископа разрешения удалиться в затвор, чтобы вести молитвенную и покаянную жизнь. — Авт.

Часто к такому желанию примешиваются иллюзии и духовные соблазны. Ибо случается человеку возмечтать о том дне, когда это желание исполнится, и он сумеет обрести покой в обладании Богом уже на этой земле. На деле же нет ничего более химерического, чем такая надежда.

С Богом не так, как со временными благами. Обладание ими *ipso facto*¹ гасит желание. В то время, как чем больше вы обладаете Богом, тем больше Его желаете, и с тем большей настойчивостью Его ищете.

Земные вещи ограничены, и потому ими можно обладать всецело: столом, домом... и тогда они удовлетворяют наше желание. Но Бог, Бесконечное, превосходит нас во всем. Поэтому, чем больше мы будем Его познавать, Его любить, Им обладать, тем более явным для нас будет, что Он может быть познан, любим, обладаем еще гораздо больше. И наше желание вспыхивает вновь и множится.

Да радует нас это желание, ибо оно есть импульс в самой глубине нашего существа, исходящий от Бога, Чья мысль, проникая в наш разум, побуждает его расширяться, чтобы соединиться с Ним более полно, Чья любовь вторгается в наше сердце, чтобы давать себя Ему более совершенным образом. Так Бог пребывает

---

¹«Тем самым» (лат.) - А. М.

в нас, и Сам в нас познает Себя и любит, и нас Он также желает приобщить, присоединить к Своему живому познанию Себя, к Своей живой любви Себя. Таково есть, в конечном счете, объяснение этого желания познавать и любить Бога, которое воздвигает души Его друзей.

Стремясь нетерпеливо ко все более совершенному единению с Богом, можете ли вы не быть одним из них? Но будьте терпеливы в терпении, поймите, что ваше желание, мало того, что никогда не может быть удовлетворено на земле, но оно будет все более полно исполняться, и в то же время возрастать по мере того, как вы все больше будете обретать Бога. Св. Григорий Нисский основал всю свою духовность на таком утверждении: «Найти Бога и есть — непрестанно искать Его». И он объясняет: «Действительно, “искать” не означает здесь одно, а “найти” — другое; но результат поиска тут — это сам поиск. Желание души исполняется в том, что оно остается ненасыщенным, ибо именно это и есть — видеть Бога, т.е. никогда не насыщаться желанием Его».

Вы скажете: «Но если так, когда же можно обрести упокоение?» — никогда; и чем дальше, тем меньше. Подобно тому, как скорость падающего камня все время возрастает, так и полет души убыстряется по мере того, как она приближается к Богу.

Нет худшей нелепицы, чем рассматривать совершенство в наших земных категориях, как исполнение желания постоянно обладать Богом: совсем наоборот, оно есть активный поиск, движение, устремленное к Нему. «По причине запредельности тех благ, которые открываются ей, душа, — пишет также св. Григорий Нисский, — по мере того, как она продвигается все дальше, все время как бы пребывает в самом начале восхождения. Вот почему Слово повторяет: “Поднимись!” тому, кто уже поднялся, и “Приди!” тому, кто уже пришел. Действительно, тому, кто уже поистине поднялся, надо будет подниматься всегда, и перед тем, кто бежит по направлению к Господу, всегда будет обширное пространство. И так тот, кто поднимается, никогда не останавливается, следуя от начала к началу через начала, которым никогда не будет конца».

90. «Поклоняющийся в духе и истине»

Мой дорогой Жорж, поскольку ты хочешь молиться, начни с того, чтобы идти к Богу, созерцать Его. Все те люди, которые утверждают, что они неспособны молиться, если бы они отказались от претензии исторгнуть молитву из собственных своих глубин, если бы они согласились стать внимательными к Господу, то весьма возможно, что тогда в них ключом забила бы молитва, которая сейчас кажется им невозможной. Зеркало не производит света, оно его лишь отражает; и кроме того, необходимо, чтобы оно было обращено к источнику света.

О. де Кондрен, священник, живший подлинно духовной жизнью, «поклоняющийся в духе и истине», рассказал однажды своему ученику Амелоту, как зародилась в нем та молитва поклонения, которая затем никогда в нем не ис-

сякала. К счастью, услышавший записал то, что ему довелось услышать — и это одна из величайших страниц нашей духовной литературы, сравнимая со знаменитым «Мемориалом» Паскаля.

Прочитав это, ты мне, возможно, скажешь, что здесь мы имеем дело с избранником, что Бог не являет Себя подобным образом каждому человеку. Но не значит ли это скорее, что мы сами не умеем ни видеть, ни слышать? Ибо Бог неустанно являет нам Себя и говорит нам: через творение, через историю Иудейского народа, через поступки и слова Христовы, яркие знамения Его нерушимой любви, через священные Писания, которые находятся в нашем распоряжении. Но мы, слепые и глухие, мы продолжаем не ведать Бога, тогда как Его откровения здесь, перед нашими глазами.

Я предлагаю поразмышлять нам вместе с тобой над этой великой страницей. Она красноречиво показывает то, в чем я хотел бы тебя убедить, а именно, что молитва есть ответ человека на явление Бога:

«Когда он достиг этого возраста (12-ти лет), случилось, что, будучи занят однажды учением... он вдруг в одно мгновение увидел, что дух его окружен дивным светом, в сиянии которого Божественное величие представилось ему

столь безмерным и бесконечным, что, казалось, ничто больше не должно существовать, как только это чистое Бытие, и что всей вселенной надлежит разрушиться ради Его славы».

Несомненно, ему и прежде приходилось слышать о Величии Божиим. Но от такого умственного знания далеко до конкретного, живого переживания, как далеко от описания молнии до того огня небесного, который внезапно ударяет возле вас в дерево в лесу во время ночной грозы.

Постарайся понять, мой дорогой Жорж, реакцию юного Кондрена: свойства, напряженность бытия Божия явились ему такими, что в то же мгновение вся вселенная показалась ему не только ничтожной, но даже в каком-то смысле странной, неподобающей, смещенной, неприемлемой: необходимо, чтобы вселенная разрушилась, чтобы она уступила место Богу, чтобы она стерлась перед лицом безмерной славы Божией. Простереться ниц перед Господом, как иудеи Ветхого Завета, казалось Кондрену совершенно недостаточным: нужно было исчезнуть, и не только ему самому, но и всему миру; ибо, действительно, невозможно по-другому воздать такое восхищенное и почтительное поклонение, которое было бы достойно Бога.

«Он увидел, что Бог не испытывает нужды ни в каком творении; что Его собственный Сын, в Котором Его благоволение, должен был принести Ему Свою жизнь; что единственно только желание предания себя и всех вещей вместе с Иисусом-Жертвой было достойно Его величия, и не желать потерять самого себя вместе с Его Сыном ради любви к Нему, это значит недостаточно любить Его».

Он передает свою непосредственную реакцию с помощью четких понятий и тотчас находит подтверждение своим чувствам: Сам Иисус должен был принести Себя Богу, принести в полном смысле слова — принести Себя в жертву, отдать Себя, как дерево огню, чтобы быть им поглощенным. Любить, не доходя до такого предела, не соглашаясь потерять себя вместе с Иисусом Христом, оставив какую-то надежду на уклонение, — было бы насмешкой. Это первое впечатление Кондрена проясняется в дальнейшем, когда ему открылось Величие Божие.

«Этот свет был столь чистым и столь могущественным, что произвел на его душу впечатление смерти, которое никогда затем не изгладилось... Он предал себя от всего сердца Богу, чтобы быть обращенным в ничто в Его честь и

чтобы никогда не жить иначе, как только в таком расположении духа».

Юный мальчик возвращается к своим играм, к своим занятиям, к своим товарищам, но так сильно было то впечатление, что он навсегда его запомнит. «Впечатление смерти», как если бы Бог разрушил все, кроме Себя, в душе Кондрена. Стоит явиться солнцу, и все звезды как бы гаснут; вся вселенная, все то, что до сих привлекало, очаровывало, притягивало взгляды, разум, сердце юного Кондрена, внезапно оказалось обесцвеченным, лишенным всякой соблазнительности, всякой привлекательности, всякого интереса. Одно Существо, одно-единственное, заняло все место, непреодолимо притягивая. Но юный мальчик избежал искушения овладеть Им, чтобы Им наслаждаться; он стремится потеряться в Нем «ради любви к Нему».

«Чтобы быть обращенным в ничто». Рассмотрим внимательно, что это значит. Существует известный вкус к ничто, бесовский, который есть отвращение к существованию, отказ от него, страсть разрушать и разрушаться. Но здесь совсем иное, божественное, стремление самоуничтожения, рожденное любовью, не для того, чтобы стать ничем, но чтобы стать другим. Так дерево стремится стать огнем, так приношение на алтаре ожидает, когда оно ли-

шится собственной природы через проникновение в него Христа.

Тот, кто любил поистине, не может не понять этой непреодолимой потребности не только выразить свою любовь, но и дать ее неопровержимое свидетельство. Но таким бывает только одно свидетельство: принести, отдать, утратить свою жизнь ради того, кого любишь, в честь Бога, Которого любишь.

«Тогда он познал, что весь этот мир должен стореть из-за греха людей, что божественная чистота, святость и справедливость испытывает ко греху крайнее отвращение, и только на Иисуса Христа взирает она с благоволением, и на то, что проникнуто Его духом».

И вот в его мыслях возникает новый образ. Сопоставление Бога и мира приводит не только к обнаружению контраста между Творцом и тварью, между «Тем, кто есть», «Сущим», и тем, что существует только благодаря Богу, но также и противопоставления, непримиримого противоречия, вопиющей несовместимости между Божественной Святостью — потрясающей Чистотой, — и гнусным грехом мира. Несовместимости, которая уже однажды заставила воскликнуть Исаию: *«Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами.., — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа»* (Ис 6,5).

Но во тьме этого грешного мира — одна сияющая точка: Иисус Христос, на Коем взгляд Отца покоится с благоволением.

«Ибо, поскольку он пребывал в бездне своего ничтожества перед божественною святостью и в пламенном желании пожертвовать собой для Его славы, ему дана была исключительная радость увидеть Сына Божия, Который есть постоянная Жертва для Своего Отца... Он познал, что жертва Иисуса Христа была осуществлением горячего стремления всех тех, кто желал сам быть закланным, но кто видел свою неспособность воздать должную честь Богу своею жертвой. И что принести Отцу вечному Его убитого Сына, исповедуя Ему, что не только вся вселенная, но даже Самый Сын Сей должен был быть уничтожен в Его присутствии, означает бесконечно славить божественную святость, праведность, самодостаточность, одним словом, всю бесконечность вечного Отца. Он видел, что нет ничего, достойного Бога, кроме этой единственной жертвы Иисуса Христа».

Иисус Христос есть не только отрада для Отчего взгляда, но и надежда для юного Кондрена. Он понял, что и уничтожение себя, о каком он мечтал, и даже заклание всего мира было бы недостаточно и неспособно воздать Богу то поклонение, которого Он достоин. Не достаточно,

чтобы жертва была заклана, надо еще, чтобы она была достойна Бога! И Кондрен, при виде этой всеобщей неспособности почитать достойно Бога, Чье сияние ему только что открылось, погрузился бы в отчаяние, если бы мысль об Иисусе Христе, «жертве чистой, жертве святой, жертве непорочной»[8], не вернула ему надежды. Он понял, что следует только включиться в эту жертву Христа, и принести ее, присоединив себя к ней, чтобы Отец был почтен бесконечной честью, как Он того достоин.

Вновь появляется лейтмотив этих бессмертных страниц: Сам Иисус Христос, совершенный Поклоняющийся, «должен был быть уничтожен», должен был умереть, чтобы преобразиться. Ибо поклоняться значит уничтожаться, уступать все место тому огню поядающему, какова есть Слава Божия, Слава Бога Живого, желающего быть «всем во всех».

Это дивное видение возбудило в Кондрене исключительное почитание св. Мессы, в которой в распоряжение тех, кто стремится почитать Бога так, как Он того достоин, предоставлена жертва Самого Иисуса Христа. И в то же время он понял, что настанет день, когда и он станет священником, станет человеком, совершающим святую Мессу.

«КТО ПРИЛЕПЛЯЕТСЯ К БОГУ, СОСТАВЛЯЕТ С НИМ ОДИН ДУХ»

Желание обрести Бога, которое направило нас на путь молитвы, не обмануло нас. Столь желанное единение становится очень близкой, внутренней реальностью.

Обрести Бога — вот чего следует ожидать от молитвы, вот что она нам готовит (**1. Я хочу научиться молитве**). — Действительно, молитва есть святое место, где Бог принимает человека, чтобы говорить с ним от сердца к сердцу и заключить его в объятия с нежной и сильной любовью (**2. Размышление перед портретом**). — Бог обнаруживает Свое деятельное присутствие не только в конце нашей молитвенной жизни, но порой и очень рано. Мистический опыт не предназначен для одних только святых подвижников. Достойны сожаления те, кто его хулит, но еще больше те, кому он дарован, но кто им пренебрегает (**3. Мистика**). — Тот, кому он дан, ясно видит, что творить молитву означает не столько «творить», сколько «быть», быть с Богом, быть для Бога, живущего в душе (**4. Быть или действовать?**). — Несомненно, чтобы достичь такого опыта, нужна аскеза, но еще более верно и обратное: мистические дары есть мощная поддержка в добродетельной жизни, с их помощью наша любовь к Бо-

гу понемногу очищается от любви к самим себе (**5. Саид**). — Они дают проявиться в нас таинственно-му познанию Господа, но при том условии, что разум наш смирится пред «высшей непостижимостью Божией» (**6. «Ты увидишь Меня со спины»**). — Они трудятся, чтобы соединить нас с Богом, а это единение состоит по сути в том, чтобы воля наша глубоко прониклась волей Божией (**7. Молитва смиренной женщины**). — Этапы на пути этого единения с Богом не обязательно одни и те же для всех, но развитие всегда происходит в направлении любви, любви все более безоглядной и все более бескорыстной (**8. Вехи на дороге**). — Однако единение завершится лишь тогда, когда мы вполне предадим себя Богу (**9. Это Ты**). — В этот день мы обнаружим, что мы введены в общение любви с Отцом и Сыном, приведены на то пиршество, певец и свидетель которого Дух Святой на небе и на земле (**10. «Покой Божий»**).

91. Я хочу научиться молитве

«Я хотел бы уметь молиться!» — говорите вы мне. Возблагодарите Бога! Это желание могло придти только от Него. Но нужно еще, чтобы вы осознали его мотивы.

Один краткий старинный рассказ лучше долгих обсуждений поможет вам понять мою мысль.

В Вогезских лесах в давние времена жило множество отшельников. Один из них пользовался славой великого святого. Охотники утверждали, что видели диких зверей, медведей, кабанов, косуль, собиравшихся и словно бы в сосредоточении внемлющих у входа в его пещеру, пока он воспевал гимны хвалы Господу. И обитатели долины уже не удивлялись, когда видели ночами свет, исходивший с вершины той горы, где жил человек Божий. Довольно часто молодые люди из окрестностей приходи-

ли к нему и просили взять их к себе: ведь другие отшельники жили в обществе одного, двух, а то и трех учеников, которых они приготавливали к созерцанию? Но все получали один и тот же отрицательный ответ. Все, кроме одного.

Причину такого предпочтения узнали от самого избранника, немного времени спустя после смерти его учителя.

«Я пришел к нему, когда мне было 18 лет, испрашивая милости остаться возле него. На его вопрос: “Зачем?” — я отвечал: “Потому, что я хочу научиться молитве”. Эти слова зажгли свет радости во взоре старого отшельника. И он спросил меня тогда: “Но почему, малыш, ты хочешь научиться молитве?” — “Потому что это самая высшая наука”. — “Я бы охотно принял тебя, но я не могу”, — ответил он мне не без печали.

Я вернулся к нему три года спустя. Он отечески принял меня и снова задал мне вопрос: “Почему ты хочешь научиться молитве?” — “Чтобы стать святым”. Я был убежден, что на этот раз он меня примет: разве не был мой мотив самым высоким, какой только можно себе представить? Но он снова отказал мне, и я ушел, удрученный.

Я снова вернулся в свою деревню. Но, однако, более, чем всегда, с утра до вечера, желание молитвы снедало меня. Мне случалось даже плакать при мысли о том отшельнике, который

высоко в горах жил в тесной близости со своим Богом.

Однажды в рождественскую ночь я внезапно вскочил с постели: я вдруг ощутил уверенность, что на этот раз он меня примет. Когда я к нему пришел, он молился и не заметил меня. Я ждал долго; нетерпение мое понемногу улеглось. Когда он обернулся ко мне, то не выказал ни малейшего удивления. Я заговорил, опережая его вопрос: “Я хочу научиться молитве, потому что я хочу обрести Бога”. И тогда он раскрыл мне объятия».

Обрести Бога — такова цель истинной молитвы. Она ее делает неодолимой: Отец не может скрыться от ребенка, который Его ищет. И ребенок понял наконец, что он не должен более скрываться от Отца, Который Сам ищет его.

Обрести Бога — стремление, которое под действием благодати постепенно созревает в сердце христианина, — в чем оно состоит? Те, кто обрели его, хотели бы раскрыть нам свой секрет, но они наталкиваются на невозможность передать свой опыт: ни слова и ни понятия не способны выразить единение души с Богом. Им приходится только заверять нас, что путь молитвы — не тупик: он выводит на простор, он приводит к божественному опыту, и этот опыт невыразим.

92. Размышление перед портретом

Вспомните то место из Библии, где Моисей, пасущий своих овец на высоких склонах горы Хорив, внезапно замирает перед кустом, который пылает, не сгорая. Он трепещет от священного ужаса. Он делает шаг вперед, чтобы рассмотреть чудо, но его останавливает голос: *«Сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»* (Исх 3,6).

Молитва есть священное место, земля святая, где пребывает Бог. Там Он ожидает человека, там Он будет говорить с ним и, возможно, заключит его в объятия Своей нежной и могущественной любви.

Молитва, будучи деятельностью гораздо больше Божией, нежели человеческой, отчасти ускользает от рационального анализа: она есть тайна. Тем не менее, вполне допустимо попытаться лучше ее осмыслить, более того, именно

здесь — один из самых высоких объектов, предложенных человеческому разуму; но, чтобы этого достичь, следует, отказавшись от претензии вырвать у нее последнюю ее тайну, подчиниться руководству Духа Святого и приближаться смиренно, с босыми ногами.

Я не стану множить аргументы в пользу молитвы, поскольку, старый рационалист, вы останетесь тогда исключительно в области философии.

Но в ближайшую встречу я покажу вам портрет Бенедикта Лабра, святого нищего. Возможно, это изображение окажется более убедительным, чем мои рассуждения. На меня оно всегда производит большое впечатление: я нахожу его исключительно красноречивым. На нем виден святой во время молитвы, со скрещенными руками, со слегка склоненной головой, с опущенным взором. От него исходит ощущение глубокой сосредоточенности, чувствуется, что св. Бенедикт Лабр совершенно отрешен от окружающего мира, полностью погружен в себя, двери его чувств тщательно закрыты. Что происходит в этом потаенном святилище? Это, несомненно, ускользает от нашего взгляда. Но можно, тем не менее, прочувствовать тайну по неопишуемому ореолу любви и смирения, окружающему личность святого, по его лицу, как бы освещенному изнутри. Не-

возможно усомниться, что сердце этого человека зрит нечто весьма важное, весьма желанное. И хочется стать на колени перед молящимся св. Бенедиктом, поскольку чувствуешь уверенность, что Бог, Который живет в его душе, обращает к нему слова, делающие его блаженным, слова, которые так отрадны слышать.

Этот портрет поведал мне о молитве больше, чем многие книги: кто знает, не окажется ли он красноречив также и для вас...

93. Мистика

Дорогой господин Аббат, не стану скрывать от вас, что в среду вечером я был поражен, чтобы не сказать больше, тем развязным, граничащим с насмешкой, тоном, с каким вы говорили о мистике и мистиках. У меня возникло ощущение кощунства. Я подумал о наших великих католических святых, каких мы знаем, которые почти все были мистиками. И, глядя на студентов, слушавших с таким доверием своего молодого проповедника, я говорил себе, что вы рискуете сбить с толку тех среди них, которые, стремясь ко встрече с Богом, потеряют надежду обрести Его в католической религии, где все, похоже, сведено к рациональным объяснениям и практической морали. Увлечение индийскими религиями среди молодежи, среди знаменитых писателей, успехи всевозможных сект, невероятное почтение, каким пользуется в Париже некий прибывший с Вос-

тока маг, часто не имеют иных объяснений, как умаление мистической жизни столькими священниками и католиками-мирянами. Не возражайте мне, что всякому исповеднику приходится рано или поздно столкнуться со лже-мистиками: мне это хорошо известно; но разве поддельные Рембрандты должны умалять наше восхищение подлинными творениями голландского мастера?

Несомненно, нужно различать между собой лже- и подлинных мистиков, и важно хорошо определить это слово, смысл которого столь часто выворачивают наизнанку! Оставляя в стороне тонкости, я буду говорить о подлинной мистике, которая чувствует в «центре души» действительное присутствие Бога, и воспринимает от Него различные импульсы: к молитве, к любви, к действию, к самопожертвованию... Можно сказать, как св. ап. Павел: *«Дух Святой свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божи»* (Рим 8,16). Тот же св. Павел на всех страницах своих посланий являет себя великим мистиком: у него есть сознание, что он находится во власти Божией, движим Его Духом. И он возвещает нам, что таково свойство детей Божиих: *«Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божи»* (Рим 8,14).

Вы видите, что я не включаю в определение мистического опыта «чрезвычайных» явлений:

экстазов, видений, откровений; они могут встречаться в подлинной мистической жизни, но они не составляют ее сути.

Вы скажете: «Мистика — удел святых; для чего же говорить о ней тем, кто едва влачится по равнинным дорогам?» — Нет, мистический опыт не есть прерогатива одних только святых; подобный, хотя нередко кратковременный, опыт лежит в основе многих обращений, а также встречается у христиан, еще недалеко продвинувшихся по пути святости. Но, я согласен, вершины мистического опыта доступны только весьма духовно развитым личностям: таковые живут с Богом, Богом и в Боге. Св. Иоанн от Креста в «Живом Огне Любви» так описывает их глубокую жизнь: «Душа достигает состояния, когда она вся наполнена лучами божественного, и вся преобразуется, подобно своему Создателю. Ибо Бог сообщает ей сверхъестественным образом Свое существо, так, что она становится как бы Самим Богом, ибо она имеет то, что имеет Бог, и все, что присуще каждому из них, кажется составляющим одно благодаря такому преобразению. Можно даже сказать, что благодаря такому приобщению, душа становится как бы более Богом, нежели сама собой, хотя при этом она и сохраняет свое существо, и это существо отличается от существа Божия, как стекло остается отличным от луча света, который его освещает и пронизывает».

Начинающий христианин, несомненно, далек от такого опыта, но случается порой, что Господь позволяет ему разглядеть эти вершины, чтобы побудить его желать и следовать к единению с Богом, что является целью всякой христианской жизни. Св. Тереза Авивильская, св. Иоанна де Шанталь сообщают нам, что их молодые монахини очень часто достигали мистической молитвы через полгода или год новициата.

Мистический опыт, как это явствует из определения, данного мною выше, посещает нас не только в часы молитвы. В повседневной жизни мистик также ощущает, что им движет Бог, движет, чтобы он действовал, движет, чтобы он молился в процессе действия. Однако, именно в час молитвы, ибо тогда она полностью ото всего освобождается, душа становится податливой, вверяется Богу, «как посох в руке странника», — обнаруживает более легко, что ее Бог находится в ней, в ней действует. И снова я заимствую у св. Иоанна от Креста описание такого опыта.

После напоминания, что в первый период молитва состоит из размышления, он показывает, что очень скоро молитвенные души, особенно те, которые оставили все, чтобы отдать себя Богу в монашеской жизни, получают благодать «созерцания по наитию» или, иными сло-

вами, благодать мистической молитвы. И вот как он описывает эту новую форму молитвы:

«Господь изливает тогда в тайне и мире в душу мудрость и свет, без того, чтобы совершать в ней множество действий, различных, определенных или повторяемых. В другой раз, однако, Бог производит в душе какое-либо из таких действий в продолжении некоторого времени; душа должна в таком случае, со своей стороны, ограничиться тем, чтобы с великой любовью устремить свое внимание на Бога, не совершая никаких иных действий, кроме тех, к которым, как она чувствует, Бог ее склоняет. Она должна оставаться пассивной, не совершая ни малейшего движения, не отвлекаясь ни на что другое, кроме этого любовного внимания, простого и устремленного только на свой объект, так, как если бы кто раскрыл глаза, чтобы смотреть с любовью. Бог желает тогда общаться с душой через простое и исполненное любви познание; душа же должна принимать Его просто и с великой любовью, чтобы и с той, и с другой стороны познание отвечало на познание, и любовь на любовь. Не подобает ли, чтобы тот, кто принимает дар, вел себя в соответствии с тем, что получает, чтобы получить его таким, как он ему дан, и сохранить его таким, каким он его получил?»

Не следует думать, что подобное времяпрепровождение есть роскошь; во время такой мо-

литвы Бог совершает в душе и, как следствие, в Церкви, великие вещи.

«Малейшее из чудес благодати, какое Бог совершает в душе через это сверхприродное уединение и через этот совершенный Божественный покой, есть неоценимое сокровище, более драгоценное, нежели сама душа и ее духовный руководитель могут себе представить».

Отвращать душу от такого способа молитвы, от этого «сверхъестественного сосредоточения», заставлять ее «выйти из потока глубоких вод», как это делают некоторые духовные руководители, это, — строго заявляет св. Иоанн от Креста, — ошибка с неисчислимыми последствиями.

«Будет ли простой неосторожностью, легкой ошибкой, заставить душу утратить эти неоценимые блага, предлагая ей ложное руководство и позволяя ей только жалким образом ползать по земле? Если есть на свете дела, которым следует предаваться с наибольшей осмотрительностью, то это, несомненно, дела Божии; нельзя ими заниматься иначе, как только с широко раскрытыми глазами, особенно когда речь идет о самых возвышенных, самых тонких вещах, которые влекут за собой благо или зло почти что бесконечное, согласно доброму или дурному духовному руководству».

Значит ли это, что подобная молитвенная жизнь протекает всегда только спокойно, без испытаний, без опасностей, без иллюзий? Разумеется, нет. Именно поэтому св. Иоанн от Креста, св. Тереза и многие другие решили посредством своих произведений быть проводниками душ, которые Бог выводит на этот путь.

Не следует опасаться, что подобная молитвенная жизнь затрудняет апостольство. Примера одной св. Терезы Авильской довольно, чтобы отмести такое возражение. Чем больше душа предается молитве, тем больше укрепляется и усиливается в ней потребность познавать и приводить к познанию, любить и приводить к любви, служить и приводить ко служению Господу.

«Она [душа] получает неодолимый импульс, — пишет Бергсон, — который толкает ее на осуществление самых обширных замыслов. Спокойная экзальтация позволяет ей видеть масштабно, и, какой бы слабой она ни была, она достигает великого. Главное, она смотрит просто, и эта простота, которая бросается в глаза так же сильно в ее словах, как и в поступках, проводит ее через все затруднения, которые она как будто даже не замечает. Врожденное знание или, скорее, приобретенная невинность подсказывает ей сразу нужный поступок, решительное действие, слово, на которое не-

возможно возразить. Тем не менее, для нее сохраняется необходимость усилий, а также твердости и постоянства. Но они приходят к ней сами, они сами появляются в душе, одновременно действующей и испытывающей воздействие, чья свобода сопрягается с действием Божиим».

Простите меня, дорогой господин Аббат, за то, что пишу вам столь длинно. Но тема эта особенно близка моему сердцу. Ибо, действительно, я замечаю, что христианская жизнь тех душ, которые предают себя воздействию Духа Божия, намного более исполнена полета! Души эти ликуют даже в испытаниях, им свойственно постоянство в восхождении к Богу, даже если порой они теряют силы на пути, а действия такой души приобретают исключительную силу и плодотворность.

Я прошу вас, дорогой господин Аббат, рассматривать это письмо, как выражение моего величайшего уважения к вашему самоотверженному священническому служению и пожелание, чтобы вы вели к наивысшей близости с Богом множество душ, которые оказывают вам доверие.

Верьте в мою братскую дружбу.

94. Быть или действовать?

Во время вашего последнего визита я говорил вам, что христианская молитва не просто человеческое действие, но что она проистекает из глубин нашего «христианского существа», того существа, которое «сделалось причастником Божеского естества» (2 Петр 1,4). И, как вы, несомненно, это помните, я прибавил: «Молитесь не только всем вашим разумением или всеми вашими человеческими чувствами, но всею глубиной вашего существа». И вот, я вдруг нахожу любопытное упоминание этой «молитвы всего существа» в одном недавно мною полученном письме. Я привожу фрагмент оттуда. Как вы сами убедитесь, атмосферу здесь нельзя назвать христианской, ибо в приводимых высказываниях сквозит некая пантеистическая ментальность; но, с известными оговорками, эти советы могут быть выслушаны не без пользы и христианином.

«Во время одной деловой поездки по всему миру у меня был случай провести несколько дней в Индии. Весь исполненный впечатлений от того, что я прежде читал об этой чарующей стране, я стал расспрашивать моих французских друзей, которые, живя там уже на протяжении многих лет, предложили мне гостеприимство, существуют ли доныне те «святые люди», исполненные мудрости и молитвы, чье влияние в течение веков было столь велико.

По правде говоря, это был не тот мир, в котором вращались мои друзья. Тем не менее, желая доставить мне удовольствие, они навели справки. И в один прекрасный день они отвезли меня в маленькую уединенную деревушку и оставили у одного «святого человека», о котором им сказали, что он пользуется огромным уважением во всей этой местности.

Тому, кто принял меня в своей хижине, было примерно семьдесят лет. Бледный, худой, в одной только набедренной повязке, он оставлял впечатление большой нравственной силы и великой чистоты души.

Я сказал ему, на моем скверном английском, что я католик, но что я не хочу покидать Индию, не получив советов какого-либо мудреца, богатого религиозными преданиями страны. Каково же было мое изумление, когда я узнал, что он англичанин! Долгие годы он занимался медициной в этой отдаленной стране. И

вот уже пятнадцать лет, как он проводит свою жизнь в молитве и наставляет на путь молитвы тех, кто к нему приходит. Его духовные установки показались мне довольно причудливыми, но глубоко религиозными.

Он долго смотрел на меня; я даже усомнился, хорошо ли он меня понял? Мне было почти неловко под этим ясным, настойчивым, пронизательным, но одновременно и весьма благожелательным взглядом.

Наконец, он задал мне вопрос: «Молитесь ли вы каждый день?» — «Да, — отвечал я, — но недолго». — «И как же вы молитесь?» Я описал ему свой способ творить молитву: акт поклонения, размышления над текстом из Писания, затем хвала и прошения для себя и для других.

Слушая меня, он улыбнулся улыбкой, исполненной расположения, но не лишенной в то же время, как мне показалось, определенной снисходительности.

«Люди Запада, — заговорил он, — думают всегда, что молиться — это значит что-то делать. Здесь же все мудрецы нас учат, что это значит — быть. Если имеется бытие, для чего прибавлять к нему действие? Если же нет бытия, действие ничего не стоит». И, видя, что я не ухватил с первого раза его мысль, он уточнил:

«Молиться это значит быть. Я не говорю о поведении или расположении духа. Быть — это сущность человека. Вот что нужно принести Богу. Быть, быть здесь, быть для Бога, быть с Богом, быть ради Бога, в присутствии Бога, очищенным от всякого обладания и от всякого действия. Быть — единственное истинное действие, интенсивное, бьющее ключом, неударжимое, эффективное и могущественное.

Быть — это не легко. Наше бытие покрыто наносами не-бытия. Нужно сперва его от них освободить. Нужно его возродить. А затем, обнаженное, представить под излучение Божества. Тогда, возможно, в один прекрасный день, после многих лет, ваше бытие будет втянуто Великим Бытием, как капелька росы, которая испаряется под солнцем и возносится, чтобы воссоединиться с облаком.

Тогда «быть» для вас станет быть в Том, Кто Есть, быть в Боге, быть Богом».

«Давайте помолимся немного вместе», — сказал он мне также. И вот, мой хозяин, сидя на голой земле в позе будды, сосредоточился, или, скорее, был как бы охвачен сосредоточением. Я внезапно ощутил его так далеко от себя! Я не мог молиться; я не мог оторвать взгляда от его лица, которое с каждым мгновением становилось все прекраснее и как бы излучало внутренний свет.

Прошло много времени, спустилась ночь, я решил удалиться и направился к выходу, избегая произвести малейший шум. Но он открыл глаза и, полный любви, задержал меня: «Отныне, когда вы будете молиться Богу, мы будем вместе с вами рядом, вдвоем, как сегодня, лучше, чем сегодня».

95. Саид

Мой дорогой Жак, ты прав, считая, что для того, чтобы стать человеком молитвы, необходимо дисциплинировать свои инстинкты, упорядочить свои наклонности, установить внутреннее единство. Но значит ли это, что следовало бы подождать, когда мы сделаемся полными хозяевами самих себя, чтобы начать творить молитву? Я не так в этом уверен, как ты. Но прежде, чем изложить тебе мою точку зрения, я желал бы, чтобы ты прочел письмо, которое прислал мне один мой друг добрых двадцать лет тому назад и которое я вновь обнаружил у себя недавно. Вот оно:

«И вот я снова, после долгих лет отсутствия, в этом городе на севере Африки, который я так люблю. Радость от вновь обретенных родных, от возрожденной дружбы, от улыбающихся лиц. Я взираю широко раскрытыми глазами на

пальмы, раскачиваемые ветром, на камни, позлащенные солнцем, и я пожимаю тысячи рук.

Посреди суматохи встречи, сюрприз: Саид, старина Саид подходит ко мне и обращается с классическим приветствием: «А'лан оуа са'лан». То, что он вновь оказался в нашей семье, где прослужил в течение 25-ти лет, само по себе не было удивительно. Меня поразило другое: я помнил его постоянно ссорящимся, обидчивым, грубым, бабником и неисправимым выпивохой. Ныне же это существо кроткое и терпеливое, смиренное, не позволяющее себе возвысить голос, чьи движения скупы и сдержанны. Он источает некое непередаваемое спокойствие.

Чтобы прояснить тайну, несколько дней спустя я стал расспрашивать Саида, как это позволяла наша дружба. «Бог того пожелал, — отвечал Саид, — Бог пожелал того». И все. Он не стал объясняться. Саид знал мою веру, искренне уважал ее, но не позволил мне проникнуть в свою внутреннюю жизнь.

Я не мог удовлетвориться столь уклончивым объяснением, и потому однажды утром отправился к нему. Он жил в центре арабского квартала, в одном из тех домов со стенами, выбеленными известкой, которые обыкновенно представляют собой подлинные дворы чудес. Он жил там со своей супругой, по имени Зоф-

ра, и с маленьким подкидышем, которого он усыновил. Это был удивительный оазис мира и порядка, посреди сумятицы во всех соседних домах. Было восемь часов. Я проник в комнату Саида, но, вопреки всем законам восточного гостеприимства, сей последний не побеспокоился о том, чтобы меня встретить: он молился. И я заметил, что помимо пяти ритуальных молитв, Саид молился еще или, скорее, еще долго размышлял. Стало быть, таков был его секрет, объяснение происшедшей с ним метаморфозы?..

Пока я ждал, мне рассказали, что каждый день он начинает молиться на заре, а затем отправляется на свою работу, которая длится за полдень. Вернувшись к себе, он вновь принимается за молитву, и в это время весь дом хранит тишину. Затем, и только затем, к нему начинают приходиться посетители, ибо Саид хорошо известен в своем квартале, и соседи ходят к нему за советом: он гасит тысячи ежедневных ссор, за разрешением которых обращаются к нему. Он не позволяет, чтобы его публично именовали титулом «шейх», на который он имеет право, но он пользуется единодушным уважением и окружен подлинным почетом. Он охотно вступает в разговор, и слова его исполнены мудрости и кротости, особенно удивительной для того, кто знал прежнего Саида. Ве-

чером он снова подолгу молится перед сном. Таким образом, он проводит с Богом не менее пяти часов в течение дня.

Закончив свою молитву, Саид вышел ко мне, устроил меня в миниатюрном салоне, предложил мне традиционную чашечку кофе; словом, принял меня по всем законам восточного гостеприимства.

А затем, когда я его покинул и медленным шагом возвращался к себе, настал мой черед поразмыслить...»

Ты понял, почему я захотел дать прочитать тебе это письмо? Из него ясно видно, что молитва Саида явилась источником преображения его характера и его нравственной жизни, а не наоборот. Мой друг определил это верно. Я согласен, что владеть собой необходимо тому, кто желает продвигаться по пути молитвы, но еще более необходима молитва, чтобы достичь владения над собой. Вот почему я очень опасюсь, как бы ты не стал ожидать того времени, когда достигнешь самообладания, чтобы начать молитвенную жизнь. В этом случае ты не достигнешь ни того, ни другого.

К тому же, выражение «владеть собой», которое ты так часто употребляешь, кажется мне спорным. У христиан есть занятие получше, чем мечтать о власти над собой. Прежде всего, власти над собою Бога должен ты добиваться.

Посмотри на Саида: ты ведь не думаешь, что если бы он был попросту хозяином самого себя, от него исходило бы подобное сияние и он был бы таким полюсом притяжения? Нет, как раз вопреки его характеру, преображенному и умиротворенному, ощущается в нем присутствие Того, Кто сияет и притягивает.

Ищи же Бога, предоставь твой дух возрастающей власти Его любви, и ты не замедлишь убедиться, что порядок и мир со все большей силой воцарятся в тебе. Послушай св. Августина, который с огромной силой и ясностью излагает этот великий закон духовной жизни: «Подобает, чтобы низшее было подчинено высшему. Тот, кто желает господствовать над низшим, должен подчинить себя тому, что есть высшее. Ты должен подчиниться Богу, а тебе должна подчиниться плоть (с ее влечениями). Что более справедливо? Что более прекрасно? Ты подчинен тому, что больше тебя, то же, что меньше тебя, подчинено тебе. Если ты нарушишь первый закон: “Ты должен подчиниться Богу”, — ты никогда не добьешься, чтобы исполнился второй закон: “Тебе должна подчиниться плоть”».

А чтобы достичь этого подчинения всего нашего существа Богу, есть особое средство: молитва. Тому свидетелем Саид, но еще также множество христиан на протяжении веков.

96. «Ты увидишь Меня со спины»

Ваше письмо напомнило мне об одной смиренной женщине, которую я встретил вот уже более тридцати лет назад. Будучи молодым священником, я жил тогда у одного моего собрата, который сдавал мне комнату, неподалеку от Монмартрской базилики¹.

За хозяйством смотрела жившая по соседству женщина, и мне случалось с нею разговаривать, пока она подметала мою комнату. Она казалась мне очень пожилой — сегодня моя оценка была бы несколько иная. Маленькая, проворная, скромная, как тень, она, казалось, постоянно извиняется за то, что существует.

Ее достоинства — быть может, мне бы следовало сказать: ее святость, — были, несомненно, велики. Чтобы об этом догадаться, достаточно было обратить внимание на ее взгляд — единственная брешь в ее внутренний мир, — излучавший интенсивное и чистое сияние.

---

¹Базилика Сакре-Кёр. — А. М.

Часто ее можно было видеть в базилике молящейся очень подолгу, с глазами, устремленными на дарохранительницу. Шептались, что она отдает людям, еще более бедным, чем она сама, половину своего скудного заработка.

Мне потребовалось описать вам ее, чтобы вы поняли содержание диалога, который я собираюсь вам пересказать, диалога одновременно немногословного и богатого духовным значением.

Однажды, желая, чтобы она упомянула в своих молитвах группу совершавших духовные упражнения, которой я должен был проповедовать, я попросил ее: «Помолитесь, чтоб я смог хорошо им говорить о Боге!» И тогда у нее вдруг вырвалось: «Только ни в коем случае не говорите им о Боге!» Но тут же, смутившись от того, что она сказала, она стала извиняться: «Я такая глупая! Я не знаю, почему я вам это сказала». Я не смог добиться от нее других объяснений.

Я был весьма заинтригован ее любопытной и краткой фразой, произнесенной с таким убеждением. И с этого момента я стал внимателен к ее внутренней жизни.

Другое наблюдение, когда она однажды вернулась с проповеди, позволило мне сделать еще шаг вперед в понимании ее мысли: «Я была так довольна, — поведала она мне, — проповедник

сказал, что Бог непостижим». — «Я думаю, что у вас огромное желание познать Бога?» — «Да, но не понять Его. Всякий раз, как я думаю о том, что невозможно ничего понять в Боге, я чувствую, что меня окружает исполненный покой свет».

Ошибаюсь ли я, думая, что вы найдете в этих простых словах смиренной женщины ответы на вопросы, которые вы себе ставите?

Если мы не откажемся от познания Бога с помощью наших собственных средств, мы никогда не приблизимся к Нему поистине. Нужно превзойти не только чувственное познание, но и познание рациональное. Сколько молитвенных душ остаются ни с чем в своих поисках Бога, потому что они не соглашаются умерщвлять воображение и чувства или еще потому, что они держатся за понятия о Боге, не понимая, что Бога так же невозможно уловить нашими определениями, как невозможно уловить океан рыболовной сетью!

Она знала, эта смиренная женщина, что все самые прекрасные идеи могут самое большее дать нам пройти кусочек пути к Богу, но они нам помешают, если мы на них застрянем, проникнуть в тайну Божию. Она по-своему говорила о том, что Боссюэ выразил более красноречиво, если не более проникновенно, о

«вышней непостижимости Божией»: «Чем больше продвигаются в познании Бога, тем более убеждаются, что, если можно так выразиться, не знают о Нем ничего, что было бы Его достойно; и, возносясь надо всем, что когда-либо думали или только могли бы о Нем подумать в течение всей вечности, хвалят Его в Его непостижимой истине, и растворяются в этой хвале».

Нужно прежде всего отказаться от претензий познать Бога здесь на земле таким, каков Он есть, чтобы Бог вливал в центр нашей души познание Себя, которое есть одновременно ясная убежденность в Его существовании и Его присутствии, и полное неведение того, кто Он есть в Себе Самом. Это «Бог, видимый со спины», как это было с Моисеем (Исх 33,18-23). Ибо, пока мы находимся на земле, мы не сможем созерцать Его лика. У св. Фомы Аквинского есть на эту тему несколько изумительно проникновенных строк: «Достигнув предела нашего познания, мы познаем Бога как неведомого. И дух наш проникает самым совершенным образом в познание Бога именно тогда, когда он познает, что божественная сущность превосходит все, что только он мог бы постичь во время земной жизни».

Одним из лучших свидетельств присутствия и действия в нас самого высокого из даров

Святого Духа — дара мудрости, является это ощущение непостижимости Божией, радость слышать о ней, неловкость, когда мы слышим утверждения тех, кто претендует открыть нам Бога, и еще эта потребность утратить себя в молитве, позволить поглотить себя бездне божественной непостижимости, как искатель жемчуга погружается в прозрачные воды.

Но, разумеется, прежде, чем достичь такого состояния, необходимо долго познавать Бога разумом через размышления над Его словом, или через созерцание Его свойств, отраженных в зеркале творения. Было бы самонадеянно желать продвигаться быстрее благодати.

Желайте изо всех сил познать Бога, ищите Его. И в конце концов, в совершенной самоотдаче, позвольте Ему ввести вас в область, безмерно превосходящую то, что могут постичь человеческие способности. Будьте в ожидании совершенно бедным и малым, и Он вам явится весьма великим. Возлюбите Его Тьму, и Он вас примет в Свой Свет.

«Продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам. Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение» (Мф 11,25-26).

97. Молитва смиренной женщины

Если бы она услышала, что я говорю о ее «методе молитвы», она бы улыбнулась той улыбкой, одновременно сияющей и скромной, которая была ей свойственна. Она была бы права. И я понимаю, что к ее улыбке примешивался бы оттенок кроткой иронии.

Бедные мы, которые столь богаты техникой и методами! Она же не больше следовала методам в молитве, чем в улыбке.

Почти каждый день она присутствовала на ранней Мессе. Когда я раздавал причастие, я отмечал ее среди всех — не скажу: по глубине, но — по качеству ее сосредоточенности. Качеству, не поддающемуся, впрочем, определению: это было, как если бы в глубине своего существа она переживала нечто столь радостное, что от него излучался таинственный свет, отражавшийся на ее лице. Та же сосредоточенность

бросалась мне в глаза, когда я видел ее молящейся на коленях в часовне Пресвятой Девы, прямую, с руками, сложенными на полочке молитвенной скамейки.

Однажды, когда мы разговаривали, я спросил ее, как она молится? Она сперва удивилась. Но поскольку вопрос, заданный священником, был для нее тем, к чему следует относиться весьма серьезно, она задумалась на мгновение и ответила: «В начале моей молитвы, я думаю, что у Бога есть Свое представление и что Он чего-то ждет от этого времени, какое я собираюсь провести перед Ним. Затем, я желаю того, чего Он желает, и не ищу ничего больше. Вот и вся моя молитва».

Так вот, я уверяю вас, что это и есть способ молиться самый истинный, самый возвышенный, самый совершенный. Разложите через призму чистый свет этих скромных фраз, только что прочитанных вами, и вы найдете в них самые высокие добродетели, и в весьма редкостной степени: веру, самоотречение, самоотдачу, любовь...

Веру в Бога живого, Который находится здесь, полный внимания к Своему чаду, и Который, несомненно, воспользуется этой молитвой ко Своей славе. Самоотречение: ни интересов, ни личных пожеланий, единственно только самое чистое желание — отвечать воле Божией, и этого вполне достаточно. Предание себя то-

му, что сделает Господь, чего бы это ни потребовало. Наконец, любовь, та любовь, которая состоит в том, чтобы предать себя всецело Богу, Которого любишь, любовь, всецело сроднившуюся с молитвой.

В другой раз она мне открыла, как она достигла такого способа молитвы. Я не смогу воспроизвести точных ее слов, ибо ее речь женщины из народа была простой, конкретной, сочной. Но вот суть того, что она сказала: «Я пережила очень трудный период: в молитве мое желание знать и любить Бога становилось таким нетерпеливым, что я в конце концов оставалась полностью опустошенной, измученной. Считая, что это не нормально, я подумала, что следовало бы преодолеть это желание, которое, к тому же, могло быть поиском самоуспокоения, и предстать пред Господом свободной ото всех желаний. Но я не обрела мира. Тогда я стала искать великие интенции (побуждения), которые были бы угодны Богу: обращение неверных, объединение Церквей, окончание войны... Но я никогда не была уверена, что избранная интенция есть именно та, какую предпочел бы Бог. Проходили недели, у меня было чувство, что моя молитва по-прежнему не отвечает ожиданиям Господним.

Наконец, однажды мне пришла совершенно простая мысль, настолько, что я удивилась, как

я не додумалась до нее раньше: поскольку я никогда не бываю уверена, что действую в соответствии с Божией волей, то почему бы мне не ограничиться тем, чтобы попросту желать со всею силой того, чего желает Бог во глубине меня, сообразовываться всей своею волей с волей Божией или, еще лучше, позволить воле Божией заполнить мою волю? Тогда я буду уверена, что не ошибаюсь, что не прохожу мимо желаний Бога как в том, что касается других, так и в том, что касается меня самой, буду уверена, что приношу Ему именно ту молитву, какую Он ожидает от меня. И тогда я ощутила мир, глубокий мир. И когда, с тех пор, я вдруг не нахожу его в себе, это для меня знак, что я позволила себе удалиться от воли Божией, и я тут же к ней возвращаюсь».

98. Вехи на пути

Сударыня, исполняя ваше пожелание, я постараюсь описать духовную эволюцию вашего мужа, но сделать это нелегко. Как, через какие этапы достиг он той сияющей внутренней жизни, производившей на всех столь глубокое впечатление? Это тайна Божия. Правда, на протяжении многих лет я был свидетелем и наперсником его духовных усилий, но самое важное происходило в нем, в глубине его души, куда я не имел доступа. Попытаюсь, однако, проследить решающие этапы его молитвенной жизни так, как я их себе представляю.

Когда мы с ним познакомились, почти двенадцать лет тому назад, он был, как это вам известно лучше, чем мне, человеком глубокой веры. Почти всегда и во всем он вел себя как верующий человек: когда заболел кто-либо из его детей, когда нужно было принять важное деловое решение, в то время, когда вы попали

в серьезную аварию, первым его движением было прибегнуть к Богу. Вспомните, с какою верой в Отеческое попечение Божие любил он повторять слова Христовы: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф 7,7).

Однажды у меня создалось впечатление, что он вступил в новую фазу духовного развития. Во время одной нашей беседы мне стало ясно, что за последние месяцы его молитва преобразилась: он испрашивал у Бога уже не блага временные, но блага Царствия Его, и с какой настойчивостью! Когда я ему сказал, что просить Бога о наших временных нуждах совершенно законно, он не стал возражать, но тоном, произведшим на меня большое впечатление, привел слова Христа: «Не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь. Потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том. Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» (Лк 12,29-31).

В нем обитала живая жажда благодати, действие которой он все более и более ощущал в жизни; благодати, которая вела его к исправлению недостатков и влекла к более глубокой молитве; благодати радости и мира; благодати, которая, при его посредстве, касалась и тех, кто приходил к нему за советом — ведь именно

в то время, как вы помните, он занялся одним юным правонарушителем.

Несколько лет спустя я понял, что и этот этап уже пройден. Однажды, когда мы говорили о молитве, он привел мне такую фразу одного мистика: «Как велика разница между тем, кто приходит на праздник ради праздника, и тем, кто приходит туда, чтобы встретить Возлюбленного!» Сколько раз в последующие месяцы вновь и вновь встречались в его разговорах и письмах стихи псалмов, открывающих состояние его души: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней души ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс 62,2); «Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс 41,3); «Простираю к Тебе руки мои; душа моя — к Тебе, как жаждущая земля» (Пс 142,6). Общаясь с ним, я понял, что уже не блага мира сего, и даже, в некотором смысле, не блага Царствия желал он, ни также даров Божиих, но дара Бога, дара Самого Бога.

Проходили годы; это желание его снедало: он жадно читал великих духовных авторов, знакомился с людьми, которые бы говорили с ним о Боге. Это было, как если бы он постоянно надеялся раскрыть некую тайну: средство встретить Бога, Который пленял его, и больше с

Ним не расставаться. Было нечто волнующее в этой потребности Бога, нетерпеливой и мирной одновременно, исходившей из самой глубины его существа, которая выдавала себя в его беседах со мной, и которая, несомненно, должна была выражаться в его молитве через проникновенные призывы. Я думаю, что ваш муж достиг тогда подлинной евангельской отрешенности: не через презрение к земным благам, но благодаря очарованию, какое оказывало на него Благо, несравненно более желанное.

Затем пришло время, когда я был сбит с толку: я спрашивал себя, не затухает ли его рвение; я не ощущал больше биений его сердца, пылающего любовью к Богу. Тем не менее, я не беспокоился, ибо мир, радость, я бы даже сказал: Дух Святой, исходили от него. И свидетельством тому для меня было все возрастающее сияние. Именно в ту пору он приготовил ко крещению того учителя-еврея, которого вы приняли столь гостеприимно. Но я плохо различал, что именно совершала в нем благодать, до того дня, когда он сам, по собственной инициативе, дал мне к тому ключ, заговорив со мной о том, «что превосходит желание». Я стал его расспрашивать об этом. И вот почти дословно то, что он мне ответил: «На протяжении многих лет вся моя внутренняя жизнь поистине была ненасытимым желанием Бога. Затем однажды случи-

лось так, как если бы это желание совершенно во мне умерло. Я очень испугался, я был убежден, что я утратил Бога. За ощущением напряженной жизни, какое производило во мне неудержимое желание встретить Господа, утратить себя в Нем, последовала пустота, духовная расслабленность, я уже больше не знал, верую ли я еще, и я был уверен, что больше не люблю, ибо я не находил в себе ни малейшего желания Бога. Вас тогда не было здесь, чтобы помочь мне понять волю Божию. У меня было ощущение, словно я вышел из затянувшегося самообмана. Я был в одно и то же время спокоен и опустошен, в том смысле, в каком говорят об опустошенной земле. Свет пришел ко мне тогда, когда я вспоминал с чувством ностальгии одну молитву, которая на протяжении предыдущих лет так часто вырывалась у меня: «Господи, я алчу и жажду Тебя!» Тут я впервые понял, что эта молитва не была достаточно нищенской. «Я алчу... я жажду...», это «я» было еще слишком выпячено вперед и слишком живо, тогда как оно должно было быть распято. Я постепенно отказался от благ земных, затем от благ небесных, теперь же мне следовало отказаться даже от самого желания Бога. В том смысле, что я не должен был больше желать единения с Богом ради себя, но ради Бога, что оно уже не должно было быть моим желанием, но желанием Бога во мне». Мы долго в тот день

проговорили об этом новом этапе его молитвенной жизни.

Когда несколько месяцев спустя вы сообщили мне, что он погиб в катастрофе, мне пришло на память одно место из «Жизни мусульманских святых» Эмиля Дерменгема, которое ваш муж мне приводил с глубокой радостью во время нашей с ним последней встречи: «Некий голос закричал мне: “О, Абу-Язид, чего ты желаешь?” — Я отвечал: “Я желаю ничего не желать, ибо я желанный, а Ты Тот, Кто желает”».

99. Это Ты

Ко мне пришел один студент-мусульманин: чтение «Заметок о молитве» вызвало в нем желание встретиться со мной. В конце нашей беседы, уже перед уходом, он мне сказал с исключительной любезностью, что желал бы оставить мне на память о своем визите и в знак признательности одну мусульманскую легенду, «которая, несомненно, вам понравится», — прибавил он и рассказал ее мне.

Действительно, она настолько мне понравилась, что мое сегодняшнее письмо есть только пересказ ее вам.

Однажды ночью один влюбленный, полный отваги и настроенный победоносно, явился к дверям своей возлюбленной. «Кто там?» — она спросила. «Это я!» — Но она отказалась открыть ему и жестко сказала: «Уходи». Молодой человек, обезумев от ярости, удалился, клянясь, что он ее забудет, что он ее уже забыл. Он отпра-

вился в путешествие по всему свету. Но он не нашел забвения. И любовь снова с непреодолимой силой привела его к дверям его возлюбленной. Вновь состоялся тот же диалог, что и в первый раз. Но, отправляя его, она прибавила краткую таинственную фразу: «Ты не произносишь единственного слова, которое бы мне позволило открыть тебе». Возмущенный, заинтригованный, удрученный, он ушел, но теперь не в поисках забвения в далеком путешествии. Гнев и страсть постепенно уступили в нем место мудрости. Его любовь, утратив неистовство, приобрела глубину, и после многих лет вновь привела нашего влюбленного к дверям его возлюбленной, робкого, смиренного и более пылко, чем никогда прежде. Он скромно постучался. «Кто там?» Негромким голосом он отвечал: «Это ТЫ». И двери тотчас отворились.

Мой гость не стал комментировать эту легенду, да и незачем было, не так ли? Она прозрачна, как воды горного потока. Творить молитву это стучаться в двери, за которыми пылает великая божественная жизнь, сияющая ослепительным светом любви и радости. Когда, освободившись от себя, сумев понемногу уступить место в своей душе Господу, тот, кто стучится, сможет поистине сказать: «Это Ты», тогда, наконец, откроется дверь для единения с Богом, столь долго желанного.

100. «Покой Божий»

Итак, вы сбиты с толку, потому что чувствуете в молитве склонность к покою, тогда как до сих пор вы в ней испытывали чувство напряженной активности духа и сердца. Не есть ли это стремление к безделью? — спрашиваете вы себя.

Боюсь, что вы, подобно многим вашим современникам, недостаточно почитаете покой, относя все ваши симпатии к активности. Правда, необходимо различать. Есть покой и покой. Но заранее относиться подозрительно ко всякому покою, какое заблуждение! Есть покой, в котором только лень, небрежность, есть и другой, достойный уважения покой тех, кто стремится восстановить свои силы, чтобы лучше действовать.

Но есть покой более возвышенный. Читайте послание к Евреям (гл. 4). Оно нам сообщает «благовую весть», которая есть обетование, «обетование войти в покой Божий», относящееся к народу Божию, а значит, и к каждому его члену. И автор послания заключает: «Итак, постараемся войти в покой оный». Выражение «покой Божий» древнее. Оно обозначает в Библии Землю Обетованную; войти в нее значит достичь покоя Божия. Но Земля Обетованная была лишь образ, весьма несовершенный, истинного покоя Божия, к которому мы призваны: неба. Впрочем, и оно, подобно Земле Обетованной, должно быть приобретено в результате трудной борьбы. Значит ли это, что следует отказаться от обретения покоя Божия прежде, чем мы войдем в Отчизну? Нет. На пути нам приготовлены пристанища Божии, часы и места покоя. И не сказал ли Сам Христос: *«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... И найдете покой душам вашим»* (Мф 11,28.29)?

Так что тем более мы можем, мы должны искать покоя Божия, силиться в него войти, как увещевает нас Послание к Евреям. Но проникнем еще дальше в постижение этого библейского понятия покоя Божия. «Покой Божий» — в этом выражении не следует подразумевать

только тот покой, который Бог предлагает нам, но и тот, какой вкушает Сам Бог. Объяснюсь.

Нам куда легче мыслить об интенсивной активности Божией, чем о Его покое. Мы меньше изумляемся, слыша слова Христа: *«Отец Мой доньне делает, и Я делаю»* (Ин 5,17), нежели встречая выражение «Покой Божий». Размышление о любви может помочь нам постичь, что следует разуметь под этими словами. На первый взгляд, любовь, поскольку она есть порыв, поскольку она есть желание, противоположна покою. Но порывом и желанием любовь не исчерпывается; порыв и желание устремлены к пределу — соединению. В нем любовь становится покоем, не истощением порыва и желания, но их расцветом в радостном и мирном восторге.

Так это и происходит в лоне жизни Пресвятой Троицы. Отец и Сын любят друг друга бесконечной любовью, устремляются один к другому с безмерным, неодолимым порывом, и соединяются и покоятся «в единении Духа Святого». Потому и Дух Святой именовался Отцами Церкви «Покоем». И действительно, сей Покой Отца и Сына не есть затухание их любви, но, напротив, предел, в котором любовь эта обретает свое завершение, осуществление, в безмерном и вечном восторге.

Если покой есть великое желание всякой любви, равно и то, в чем любовь завершается, то как можем мы вступить в покой духовный, покой Божий, уже на этой земле? — В этом я хотел бы помочь вам разобраться.

Любовь между христианином и Христом, как и всякая любовь, есть прежде всего устремление и желание, но она стремится к своему совершенству, к покою в близости с любимым существом. В Апокалипсисе говорится об этом так: *«Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечером с ним, и Он со Мною»* (Откр 3,20). В Евангелии св. Иоанна Христос выражает ту же истину в словах менее образных, но более кратких и сильных: *«Вы во Мне, и Я в вас»* (Ин 14,20). Так, уже на земле, Христос желает дать нам предвкусить покой Божий, соединяясь с нами.

Тот, кто верен практике молитвы, непременно будет порой испытывать на опыте то, что духовные авторы именуют «молитвой душевной тишины», т.е. покой. Послушайте одного из них: «Когда душа приступает к молитве, случается, даже тогда, когда она приступала к ней с намерением заняться какой-либо частной темой, она вдруг обнаруживает, сама не зная, как, что она сосредоточена внутри себя, испытывая сладостное чувство присутствия Господа. Правда, это чувство не имеет какого-либо

определенного характера; но отрада, его сопровождающая, убеждает душу, что Тот, Кого она любит, близко, и Сам идет дать ей свидетельство любви Божией, и что она не должна сейчас думать ни о чем, а лишь наслаждаться дарованным ей счастьем» (о. де Клоривьер). И по мере того, как христианин будет достигать непрестанной молитвы согласно указанию Христову, он все лучше сумеет постоянно жить, не покидая покоя Божия, даже и посреди самой напряженной внешней суеты.

Пойдем еще дальше. Христос, к Которому устремлены наши порывы и желания, не довольствуется тем, чтобы ввести нас в близость с Собою, Он желает привести нас к Отцу в неустойчивом порыве любви.

Так душа, доверившаяся Ему, оказывается приведенной к тесной близости в общении любви с Отцом и Сыном и Святым Духом, тем, кого Традиция именуется Покоем, Празднеством, ликованием, вечным Восклицанием любви Отца и Сына.

Быть может, вы скажете: «От ваших слов у меня головокружение, я весьма далек от подобной святости». Пусть так. Но тот покой, который вы познали в вашей молитве, не есть ли первая веха на пути к «Покою Божию»?

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

В этой таблице числа означают номер письма, как он указан в «Оглавлении». В тех случаях, когда указанная тема рассматривается в письмах только косвенно, их номера даны курсивом.

Природа молитвы

Определение: 92, 1, 21, 7, 2, 3, 5, 12, 50, 14, и т. д.

Цель: Обрести Бога: 91.

Ее жизненная необходимость: 5, 31, 43, 48.

Молитва, дело Божие

Это Бог совершает в нас молитву: 11, 12, 70, 92, 93, 94.

Молитва есть дар Божий: 10, 28, 27, 46, 70.

Бог соединяется с человеческим сердцем; Пресвятая Троица живет в нас: 2, 9, 88, 84, 93, 94.

Бог говорит к нам: 90, 84; через Своего Духа: 7,6; через Писание: 36, 37, 53; через Крест: 39,40; через события: 34.

Он являет Себя в нас, как Бог любви: 79; Его любовный взгляд дает нам бытие и сообщает нам божественную жизнь: 14, 29, 30, 58; Он

любит каждого из нас потрясающей любовью, которая никогда не изменяется, даже если мы тяжело согрешили: 15, 16, 17, 38, 40, 1, 35, 13; этот взгляд любви задаром порождает в нас святость: 13, 25, 43, 21, 37, 95; любовь человеческая позволяет нам предчувствовать любовь, которую несет нам Бог: 43, 1, 18, 17, 25, 33, 34, 35, 37, 38, 57, 75, 80, 90, 100, 31, 33.

РОЛЬ ХРИСТА: Единственная молитва есть молитва Христа, совершенного Поклоняющегося: 45, 52, 60, 90; Его молитва включает в себя наши молитвы, непрестанно ходатайствует за нас, находится в нашем распоряжении: 45, 42, 62, 68; Христос нам сообщает Свою молитву: 46, 47, 53, 59, 69; Он вводит нас в жизнь Пресвятой Троицы, обожествляет нас: 43, 44.

ДЕЙСТВИЕ ДУХА СВЯТОГО: Он обитает в нас и дает бить в нас ключом Своей молитве, порыву сыновней нежности Сына к Отцу: 50, 48, 49, 20, 70, 73, 86, 88.

РОЛЬ ЦЕРКВИ: Ее молитва есть молитва Христа: 62.

Молитва как дело человеческое

Желание уметь молиться: 91.

БОГОСЛОВСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Вера: 1) Верить в действенное присутствие Божие в себе и предоставить себя Его воздействию: 2, 3, 6, 11, 12; присутствовать пред Богом, в центре нашего существа: 5, 8, 2, 85; принять и предоставить свободу действия этому присутствию Божью в нас: 87, 88; молиться из глубины своего существа: 94; осуществить свое внутреннее единство: 67, 95.

2) Верить во взгляд на нас действенной любви Божией: 13, 28, 97, 43, 15; иметь доверие к Его всемогущей любви и к Его обетованиям: 49, 17, 18, 41, 22, 23, 53; представлять наше убожество Его милосердию: 21.

3) Верить в молитву Христа и Духа Святого в себе и вверяться ей: 20, 46, 47.

4) Силиться познавать Бога: 33, 8, 31, 36, 32, 78, 88, 37, 38, 53; постигать таким образом то, что Ему угодно: 6, 7; но почитать при этом Его тайну, Его непостижимость, Его запредельность: 17, 64, 92, 96. — Познание влечет за собой любовь:

Любовь: Она есть любовь человека к Богу, возникающая в его душе в ответ на любовь, которой он любим: 13, 36, 38, 59, 79; постоянное активное сообразывание своей воли с волей Божией: 9, 48, 30, 8, 7. — Любовь заставляет желать единения:

Надежда: 1) Она есть жажда Бога, желание познать Его и быть с Ним едино: 2, 36, 78, 89, 91, 98, 9; устремление ко счастью и к абсолюту, которое один только Бог может исполнить: 71, 72; без крайнего напряжения: 89; она заставляет всего надеяться даром, от несказанной любви Божией: 27, 74. — Надежда порождается нищетой.

2) Душа нищего: согласиться на самого себя; согласиться быть нищим и быть любимым и спасенным Богом задаром: 15, 45, 74, 27, 21, 23, 41, 22; всего ожидать лишь от Бога: 83; в особенности же благодати молитвы: 10, 9, 8. Быть внимательным к Господу: 36, 27, 90, 84, 46, 81; и предоставить себя всецело в Его распоряжение: 6, 28, 50, 4, 44, 88, 97, признавая нашу зависимость от Него: 29, 30.

Отношения с Божественными Лицами

С Отцом: Молиться Ему с сыновним доверием: 20, 49.

С Сыном: Установить с Ним личные отношения: 35, 37, 43, 44; но это желание близости должно быть чистым: 77; вверить себя Его молитве: 41; и присоединиться к ней в себе: 52, 48, 42, 46, 59, 60, 68.

С Духом Святым: Молиться Ему: 50; предоставить себя Его действию в нас: 75, 88, 92.

МОЛИТЬСЯ В ЦЕРКВИ: Молиться посреди других, во имя их и через них: 61, 74, 53. — В единении с Церковью на небеса: 63. — Располагать молитвами святых: 62; Пресвятой Девы: 64, 65.

Проведение молитвы

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ: Чтение (см. Молитва как дело человеческое; Вера: усилие к познанию); но читать не означает творить молитву: 39. — Активная и подлинная христианская жизнь: 26, 28, 37.

НАЧАЛО МОЛИТВЫ: Положение тела: 9. — Безмолвие: 6, 9, 36. — Осознать присутствие Божие: 3, 1, 9, 11. — Быть внимательным и послушным тому, чего желает Бог от данной молитвы: 6, 9, 97, 77. — Внутреннее расположение: зависимость и покаяние: 9, 15, 29. — Испрашивать благодать молитвы: 9, 10.

Формы молитвы

РАСПОЛОЖЕНИЕ ДУШИ: Поклонение: 2, 19, 32, 92, 96, 90, 49, 51. — Пожертвование самого себя: 30, 32, 55, 56, 57, 58, 90, 60; своего времени: 81; своей радости: 35. — Хвала: 32, 53, 63. — Благодарение: 32, 54, 58, 59. — Ходатайство: 42, 62, 68. — Прощение: 18, 19, 98, 78, 79, 80.

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ: Молитва ментальная [мысленная] (говорить к Богу): 3, 5, 85. — Молитва теологальная (приведение в действие веры, любви и надежды): 9, 6. — Молитва практическая (исходя из событий): 9, 6, 34. — Молитва пассивная: 100. — Молитва простоты (мистическая): 9, 36, 85, 93. — Непрестанная молитва, средства к ее достижению: 2, 48.

Препятствия и искушения (соблазны)

ТРУДНОСТИ: Рассеянность: 86; средства к ее преодолению: 8, 7. — Усталость: 17. — Чувство пустой траты времени: 11, 81.

ОШИБКИ И ЛОВУШКИ: Искать Бога вне себя, жить на периферии собственного существа: 84, 2. — Недостаток веры, недостаток основательных познаний: 7, 66, 3. — Недостаток любви: 7; духовный индивидуализм: 61, 63, 70. — Духовная алчность (поиски самоудовлетворения, а не чистой славы Божией): 76, 77, 78, 80, 89; чрезмерное напряжение или нетерпение: 75, 89. — Недисциплинированность воображения, мысли или чувств: 3, 7, 96; рационализм: 96. — Переоценка осязаемого воодушевления: 8. — Гордыня: 3, 11. — Чрезмерная активность: 6, 10, 11, 12. — Привычка (рутина и сноровка): 7. — Судить о своей молитве: 8, 11, 81.

Этапы и развитие

УСЛОВИЯ ПРОГРЕССА: Необходимость усердного ученичества: 9. — Быть терпеливо нетерпеливым: 75. — Настойчивость: 11, 75.

ПЕРИОДЫ ЛЕГКОСТИ: Они представляют собою помощь; но не нужно привязываться к осязательным дарам благодати: 76, 80, 81.

ИСПЫТАНИЯ И ОЧИЩЕНИЕ: 75, 76, 77, 80. — Сухость: 81, 88, 82 (но она также может быть вызвана недостатком любви: 26, или познания: 51). — Очищение веры: 76, 78, 82; любви: 76, 77, 78, 79, 80, 82; надежды: 74, 78, 82, 97, 98. — Очищение разума, чувств и сердца: 77, 47; так, чтобы мы были привязаны к Богу, а не к Его дарам. — Чувство бессилия и неудачи: 28, 27, 74; так, чтобы мы осознали нашу нищету. — Освобождение от самого себя: 71, 91.

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛИТВЫ: Переход от активной молитвы к молитве пассивной: 85, 86. — Знаки соответствия воле Божией: тишина и мир: 7, 85, 86, 97.

Плоды молитвы

ЕДИНЕНИЕ С БОГОМ: 2, 11, 78, 91, 93, 95; вплоть до самоуничтожения в Нем: 90, 60, 94, 96, 99. — Молитва позволяет проникнуть в тайну Божию: 96; вводит во взаимный обмен

любви между Божественными лицами: 100. — Утончение духовной чувствительности, которое нам позволяет предчувствовать в нас жизнь Божию: 2, 20, 93; и молитву Христову: 47.

ПОЛНОТА БЫТИЯ: Молитва воплощает в реальность мысль о единой любви Божией, какой я следую: 14. — Она освобождает от эгоизма и очищает желание счастья: 71; жажду абсолюта: 72; обновляет и очищает надежду: 74. — Она дает силу и равновесие: 44; радость: 93. — Осуществляет единство между тем, кто молится, и его окружением: 67, 95.

ДУХОВНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ: 3, 4, 9, 66, 93, 95, 98. — Плодотворность жизни, вырастающей, как ветвь, из жизни божественной, посредством Духа Животворителя: 2, 9, 12, 66, 69. — Плодотворность апостольства: 67, 93. — Молитва порождает Царство Божие: 44, 73. — Она есть сотрудничество с делом Божиим: 70.

(Автор должен принести здесь благодарность другу, столь же скромному, сколь компетентному, за составление этой таблицы).

Молитва о беатификации слуги Божия Анри Каффареля

Боже, наш Отче, Ты вложил в глубину сердца раба Твоего Анри Каффареля стремление любви, что без остатка влекло его к Твоему Сыну и вдохновляло говорить о Нем.

Будучи пророком наших дней, он показал достоинство и красоту призвания каждого человека, согласно слову, с которым Иисус обращается ко всем: "Приходи и следуй за Мною".

Он вдохновлял супругов величием таинства брака, который означает тайну единства и плодотворной любви между Христом и Церковью.

Он показал, что и священники, и супружеские пары призываются для жизни в призвании любви. Он поддерживал вдов, ибо любовь сильнее смерти. Движимый Духом, он многих привел на путь молитвы. Охваченный пылающим огнем, он обиталищем Твоим был, Господи.

Боже, наш Отче, Предстательством Пресвятой Богородицы Мы Тебя молим ускорить день, в который Церковь провозгласит святою его жизнь, чтобы все обрели радость следовать за Твоим Сыном согласно собственному своему призванию в Церкви.

Боже, наш Отче, мы призываем отца Каффареля, чтобы он испросил нам милость...

(указать, о какой милости мы просим)

Молитва утверждена Монс. Андре Вен-Труа, Архиепископом Парижским.

"Nihil obstat": 4 января 2006 –

"Imprimatur": 5 января 2006

В случае обретения милостей по заступничеству Отца Каффареля, просьба связаться с постулятором:

Le postulateur

Association "Les Amis du Père Caffarel"

49 rue de la Glacière – F 75013 PARIS

Французский текст:

Prière pour la béatification du serviteur de Dieu Henri Caffarel

Dieu, notre Père, Tu as mis au fond du coeur de ton serviteur, Henri Caffarel, un élan d'amour qui l'attachait sans réserve à ton Fils et l'inspirait pour parler de lui.

Prophète pour notre temps, il a montré la dignité et la beauté de la vocation de chacun selon la parole que Jésus adresse à tous : "Viens et suis-moi."

Il a enthousiasmé les époux pour la grandeur du sacrement de mariage qui signifie le mystère d'unité et d'amour fécond entre le Christ et l'Église.

Il a montré que prêtres et couples sont appelés à vivre la vocation de l'amour. Il a guidé les veuves : l'amour est plus fort que la mort. Poussé par l'Esprit, il a conduit beaucoup de croyants sur le chemin de la prière. Saisi par un feu dévorant, il était habité par toi, Seigneur.

Dieu, notre Père, par l'intercession de Notre-Dame, nous te prions de hâter le jour où l'Église proclamera la sainteté de sa vie, pour que tous trouvent la joie de suivre ton Fils, chacun selon sa vocation dans l'Esprit.

Dieu notre Père, nous invoquons le père Caffarel pour...

(Préciser la grâce à demander)

Prière approuvée par Monseigneur André VINGT-TROIS – Archevêque de Paris.

"Nihil obstat" : 4 janvier 2006 –

"Imprimatur" : 5 janvier 2006

Dans le cas d'obtention de grâces par l'intercession du Père Caffarel, prendre contact :

Le postulateur

Association "Les Amis du Père Caffarel"

49 rue de la Glacière – F 75013 PARIS